

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025 Том 29 № 4

DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-4

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,

доктор юридических наук, профессор,
РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Руководство производством журнала,
техническое и организационное
обеспечение, формирование редакционной
политики, взаимодействие и контакты
с партнерами и официальными структурами.
E-mail: yastreb-ov-ol@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,

доктор юридических наук,
профессор, РУДН, г. Москва,
Российская Федерация.
Научная политика, организация
отбора статей, качество
публикуемых материалов,
формирование выпусков.
E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Никитина Валентина Сергеевна,

кандидат юридических наук, РУДН,
г. Москва, Российская Федерация.
Переписка с авторами,
документооборот журнала,
информационная инфраструктура
журнала, организация
рецензирования материалов.
E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Андреева Полина Николаевна, кандидат юридических наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталия Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почкаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пьетробон Алессандра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуа, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI), ПИНЦ, Единый государственный перечень научных изданий (Белый список), перечень ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализации;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы К.П. Перегудова, К.В. Зенкин

Редактор-переводчик В.В. Степанова

Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +(495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 20.12.2025. Выход в свет 30.12.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,43. Тираж 500 экз. Заказ 1665. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2025 VOLUME 29 No. 4

DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-4

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Valentina S. Nikitina,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Polina N. Andreeva, Candidate of Legal Sciences, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideidinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors K.P. Peregodova, K.V. Zenkin

Editor-translator V.V. Stepanova

Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +(495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Концепция антропоцена и ее влияние на российскую правовую доктрину и экологическое законодательство	819
Аллаяев Р.М. Верховенство права: между идеологией и мифом	837
Ярошук И.А. Прагматика метафоры в языке права: гносеологический аспект	852
Романовская О.В., Романовский Г.Б. Право и биомедицина: основные риски, новые подходы в регулировании	869
Демичев А.А. Александр Владимирович Лохвицкий (1830–1884): педагог, ученый, адвокат	886

КОЛЛИЗИОННОЕ ПРАВО

Петров А.А. Коллизии между специальными нормами права: понятие и подходы к преодолению	899
Тонков Д.Е. Типы нормативных иерархий: принцип «lex superior» в подходе Р. Гуастини к юридическим коллизиям	914

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Колотова Н.В. Социальная защита лиц, выполняющих работу на цифровых платформах труда: подходы к проблеме	930
Зинковский С.Б. Идентификация сущностных характеристик права в цифровую эпоху	947
Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан	962
Запорожцев Д.С. Биометрические данные как средство удаленной идентификации человека	981

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Иванова С.В. Государственная политика по сохранению объектов животного мира: теоретико-правовой анализ	995
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Леонтьева Е.А., Олейников М.А. Автономия воли с эффектом против третьих лиц как средство гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности в международном частном праве	1013
--	------

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Никитина В.С. XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)»: обзор материалов и презентация журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки»	1031
---	------

CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

Aleksey P. Anisimov, Yulia I. Isakova, Gennady S. Pratsko. The concept of the Anthropocene and its impact on Russian legal doctrine and environmental legislation	819
Ruslan M. Allalyev. The Rule of Law: Between Ideology and Myth	837
Inna A. Yaroshchuk. The Pragmatics of Metaphor in the Language of Law: Gnoseological Aspect	852
Olga V. Romanovskaya, Georgy B. Romanovskiy. Law and biomedicine: main risks, new approaches to regulation	869
Alexey A. Demichev. Alexander V. Lokhvitsky (1830–1884): teacher, scientist, lawyer	886

CONFLICT OF LAWS

Alexander A. Petrov. Concept and strategies of resolving conflicts between special legal rules	899
Dmitrii E. Tonkov. Types of normative hierarchies: The principle of “lex superior” in R. Guastini’s approach to legal conflicts	914

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Natalia V. Kolotova. Social protection of people working on digital labor platforms: approaches to the problem	930
Sergey B. Zinkovskiy. Identification of the substantial characteristics of law in the digital age	947
Yulia A. Gavrilova, Yuri A. Bokov. Mechanism for the formation of legal culture of digital citizens	962
Dmitry S. Zaporozhtsev. Biometric data as a means of remote identification of a person	981

LAND LAW AND ENVIRONMENTAL LAW

Svetlana V. Ivanova. The effectiveness of public administration as a factor in ensuring state policy for the conservation of wildlife: theoretical and practical analysis	995
--	-----

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Elena A. Leontieva, Mikhail A. Oleynikov. Party autonomy with effect against third parties as a way of harmonization and unification of regulation of transfer of ownership in the private international law	1013
---	------

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Valentina S. Nikitina. The 27th International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum ‘Yurtekhnika’ on ‘Symbols in Law (Doctrine, Practice, Technique)’ : Review of Materials and Presentation of the RUDN Journal of Law	1031
---	------

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-819-836>

EDN: LASUTT

Научная статья / Research Article

Концепция антропоцена и ее влияние на российскую правовую доктрину и экологическое законодательство

А.П. Анисимов , Ю.И. Исакова , Г.С. Працко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 anisimovap@mail.ru

Аннотация. Концепция антропоцена означает намного больше, чем просто новое понимание окружающей среды, восприятие ее как сложной, нестабильной и динамичной совокупности экосистем Земли, к чему должны адаптироваться правовая наука и практика. Она призывает к изменению подхода к самой категории «человек» и отношениям между ним и другими элементами живой и неживой природы, которые до сих пор мало исследовались в современной правовой науке. Поэтому для юриспруденции концепция антропоцена является катализатором изменений, заставляет выйти за рамки традиционных подходов и задуматься о глобальной системе права, адекватной планетарному масштабу современных проблем. Для будущего экологического права значение антропоцена состоит в следующем. Во-первых, он задает научно обоснованный императив: законодательство должно исходить из реальности, что человеческая деятельность способна уничтожить основы жизни на Земле. Это означает, что идеи предотвращения вреда и устойчивости должны стать не просто декларациями, а центральными принципами и нормами права – от муниципального и национального до международного. Во-вторых, антропоцен стимулирует инновации в праве: появляются новые правовые категории (экоцид, права природы, климатические беженцы и др.), формируются гибридные режимы правового регулирования (например, объединяющие экологическое и энергетическое право в целях декарбонизации экономики). Для экологической политики России учет концепции антропоцена открывает возможности повысить эффективность и дальновидность принимаемых решений. Признав себя частью глобального мира, Россия сможет активнее участвовать в формировании международных экологических правил, внести в них свой научный и практический вклад. Внутренняя политика, опирающаяся на понимание факторов антропоцена, сможет стать более сбалансированной: вместо реагирования на случившиеся аварии и правонарушения она будет предотвращать системные кризисы (как климатические, так и социально-экологические).

© Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: климат, экосистема, парниковые газы, биосфера, биологическое разнообразие, планета, права Природы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Анисимов А.П. – введение, общая концепция, разделы 4–5 и заключение; Исакова Ю.И. – анализ и научная проработка материалов (разделы 1–2); Працко Г.С. – анализ и научная проработка материалов, итоговое редактирование (разделы 3, 6). Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 25 марта 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Концепция антропоцена и ее влияние на российскую правовую доктрину и экологическое законодательство // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 819–836. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-819-836>

The concept of the Anthropocene and its impact on Russian legal doctrine and environmental legislation

Aleksey P. Anisimov^{}✉, Yulia I. Isakova^{}, Gennady S. Pratsko^{}

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ anisimovap@mail.ru

Abstract. The concept of anthropocene, which refers to a new geological epoch characterized by significant human impact of Earth's ecosystems, represents much more than a new understanding of the environment as a complex, dynamic set of Earth's ecosystems. It calls for a fundamental change in how legal science and practice conceptualize the relationship between humans and nature. The antropoce demands a shift in the category of man and their relationship with living and inanimate natural elements, which have been little studied in modern legal science. As a result, the concept of anthropocene acts as a catalyst for legal transformation, pushing it beyond traditional approaches towards the development of a global legal system adequate to the planetary scale of current evological challenges. For environmental law, anthropocene imposes a scientifically grounded imperative: legislation must acknowledge that human activity can destroy the foundations of life on Earth. Principles like harm prevention and sustainability should become central norms at municipal, national, and international levels. It also stimulates innovation in legal categories such as ecocide, nature rights, climate refugees and fosters hybrid legal regimes, for instance, integrating environmental law with energy law to decarbonize the economy. Recognizing antropocene enables countries like Russia to participate actively in shaping international ecological rules and to contribute scientifically and practically. An internal policy informed by anthropocene factors can also shift from reactive responses to proactive prevention of systemic climate and socio-ecological crises.

Key words: climate, ecosystem, greenhouse gases, biosphere, biological diversity, planet, nature rights

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors contributions are as follows: Anisimov A.P. was responsible for the introduction, general concept, sections 4-5, and the conclusion; Isakova Yu.I. conducted the analysis and scientific elaboration of materials for sections 1-2; Pratsko G.S. contributed to the analysis, scientific elaboration of materials, and final editing for sections 3 and 6. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Received: 25th March 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Anisimov, A.P., Isakova, Y.I., Pratsko, G.S. (2025) The concept of the Anthropocene and its impact on Russian legal doctrine and environmental legislation. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 819–836. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-819-836>

Введение

Антропоцен – широко обсуждаемый в мировой науке термин для обозначения новой геологической эпохи, в которой человеческая деятельность стала главной движущей силой изменений на планете. Данная концепция была выдвинута биологом Юджином Стормером и затем популяризирована нидерландским химиком Паулем Крутценом еще в начале 2000-х гг. (Paola & Jamieson, 2018:371).

Суть концепции состоит в том, что после относительно стабильного голоцена (последние 12 тысяч лет) Земля вступила в период масштабных антропогенных изменений: ускоренный рост концентрации парниковых газов вызывает глобальное потепление и климатические аномалии, массовое уничтожение биологических видов приводит к утрате биоразнообразия (Wyborn et al., 2021), а промышленная и сельскохозяйственная деятельность радикально преобразуют ландшафты. Многие ученые полагают, что человечество превратилось в «геологическую силу», влияющую на планетарные процессы на уровне, сопоставимом с природными силами¹. Отдельно учеными обсуждается точная граница начала антропоцена, в диапазоне дат начиная с 1610 г. (или, что намного чаще, с конца XVIII в., старта промышленной революции после изобретения паровой машины) и заканчивая серединой XX в. (Dukes, 2015), когда в результате научно-технического прогресса в развитых странах мира начал фиксироваться резкий рост потребления, выбросов, а в геологических слоях появились новые маркеры – от радиоактивных изотопов испытаний ядерного оружия до частиц пластика.

Современные ученые обращают внимание на разные аспекты антропоцена, включая влияние технологического прогресса в XIX–XX в. на колониализм и проблемы социальной несправедливости (Hornborg, 2019), необходимость усиления корпоративной экологической ответственности (Seck, 2021), обязательность поиска компромисса странами Севера и Юга и совместных действий по смягчению последствий надвигающейся экологической катастрофы (Gonzalez, 2015:409), о взаимосвязи антропогенной деятельности и стихийных бедствий (Stoa, 2015), а авторы концепции нового материализма считают, что суждение о том, будто люди являются исключительными в силу фактора воли, ложно (Benson, 2019:259).

На наш взгляд, общим в большинстве научных исследований является признание того факта, что в последние десятилетия резко возросло воздействие людей на геосферу и биосферу. Уже собрано достаточно доказательств того, что с середины XX в. многие показатели развития человечества (население, экономика, потребление ресурсов) и связанные с ними нагрузки на окружающую среду возросли экспоненциально. Это ускорение после Второй мировой войны привело к выходу ряда природных параметров за пределы, характерные для голоцена.

¹ Иссбернер Л.-Р., Лена Ф. Антропоцен: научные споры, реальные угрозы // Курьер ЮНЕСКО. 2018. 30 марта.

Ученые фиксируют существенные антропогенные последствия в планетарных процессах: например, концентрация CO₂ сейчас значительно выше доиндустриального уровня, океаны закисляются, азотный цикл и круговорот фосфора радикально изменены за счет удобрений, темпы исчезновения видов выросли на порядки (Biber, 2017). Эти факторы уже отражаются в осадочных породах (слои с примесями промышленного сажи, углерода, пестицидов, алюминия, бетона и пластика), что позволяет стратиграфически обосновать новый период.

На фоне этих научных данных группа специалистов по стратиграфии (AWG, Anthropocene Working Group) предложила официально признать антропоцен новой геологической эпохой. И хотя Комиссия по стратиграфии пока не утвердила это предложение (в 2024 г. было решено не включать антропоцен в официальную геохронологическую шкалу), в научном сообществе сам факт беспрецедентного влияния людей на экологические системы Земли практически не оспаривается.

Эколого-правовая доктрина в эпоху антропоцена

Концепция антропоцена одновременно вдохновляет на переосмысление отношений человека с природой и вызывает споры о том, как интерпретировать ответственность за наступивший экологический кризис, какие социально-политические и правовые меры должны быть приняты. Осознание жизни в эпоху антропоцена влечет пересмотр фундаментальных принципов экологического права.

Традиционно международное и национальное экологическое право строилось вокруг идеи охраны природы в интересах человека (антропоцентризм) либо делало акцент на охране ее отдельных компонентов (земля, вода, леса, воздух). Напротив, концепция антропоцена подчеркивает целостность всей земной экосистемы и взаимозависимость глобальных процессов, что стимулирует появление интегрированных, междисциплинарных правовых подходов. С каждым годом появляется все больше идей реформировать экологическое право, чтобы оно стало способно учитывать планетарные границы и поддерживать устойчивость биосферы. В науке экологического права обсуждаются новые принципы: принцип уважения пределов экосистем (учет предельной нагрузки на климат, биосферу), принцип межпоколенческой ответственности (обязательства перед будущими поколениями в условиях изменений климата (Morris, 2013)), а также переход от сугубо антропоцентричной идеологии к экоцентричной (признание самоценности природы). Концепция прав Природы – наделение экосистем или видов субъективными правами – получила развитие именно на фоне осмысления антропоцена. Так, в 2008 г. Эквадор впервые закрепил в Конституции права природы, признавая экосистемы субъектом охраны, а не просто природным ресурсом. Аналогичным образом другие страны (Боливия, Новая Зеландия, Индия) последовали этой тенденции, придавая рекам, лесам или животным особый правовой статус. В Колумбии судебное решение T-622/1618 (2016 г.) вошло в историю после признания реки Аtrato субъектом права (Alvez-Marín et al., 2021:164–165).

Это явный сдвиг парадигмы: закон начинает рассматривать человека как часть экосистемы, сосуществующую с другими элементами Земли, а не как «венец творения». Законодательные решения ряда стран Азии и Латинской Америки, основанные на традиционных воззрениях их коренных народов, получили поддержку в ООН. Сегодня ООН активно продвигает концепцию «прав Земли» (планетоцентричного права, прав Природы), призывающую к переосмыслению всей системы международного и национального экологического права с учетом новой

реальности². Исследователи предлагают и другие идеи, включая глобальную экологическую конституцию, устанавливающую единые обязанности государств по сохранению устойчивости Земли³. В академической среде звучат призывы адаптировать существующие правовые институты к вызовам антропоцена и создать новые механизмы – например, признать экоцид международным преступлением наряду с геноцидом и преступлениями против человечности (Hamilton, 2024) или расширить возможность для участия общественности в управлении окружающей средой, в целях формирования нового коллективного будущего (MacLean, 2017:282). Все это свидетельствует о появлении и развитии новой парадигмы экологического права, более широкого по охвату и тесно связанного с науками о Земле.

Воздействие на правоприменение и судебную практику

В эпоху антропоцена судебные органы и правоприменители все чаще сталкиваются с беспрецедентными экологическими проблемами, требующими обновления экологического законодательства. Суды разных стран начинают учитывать научные свидетельства глобального потепления и других антропогенных изменений при вынесении решений. Знаковым событием стала «климатическая» судебная практика. Например, суд в Нидерландах по делу Urgenda обязал правительство усилить сокращение выбросов парниковых газов, признав, что бездействие перед лицом климатической угрозы нарушает обязанность государства защищать своих граждан⁴. Этот случай – первый в мире, где суд напрямую предписал государству экологическую меру (сокращение выбросов) исходя не из конкретного закона, а из общей обязанности предотвращать катастрофические последствия изменения климата для людей. Вслед за этим решения о климатических обязательствах государства приняли и другие страны (Германия, Франция, Пакистан), формируя новую практику «стратегических климатических исков».

Правоприменительные органы все чаще начинают использовать принцип предосторожности: даже при отсутствии полной научной определенности по поводу масштабов угроз (например, точки невозврата при изменении климата), органы власти стараются действовать на опережение. В целом можно отметить, что в антропоцене меняется баланс интересов в праве: приоритет здоровья экосистем и долгосрочной безопасности общества начинает перевешивать краткосрочные экономические выгоды конкретных субъектов. Кроме климатической сферы, такие сдвиги происходят в области охраны биоразнообразия (суды блокируют проекты, грозящие массовым исчезновением видов), ответственности за загрязнение (рост число исков против корпораций за причиненный ущерб природе) и т.д.

Правоприменение становится более научно обоснованным: судьи и иные правоприменители начинают опираться на климатологические и экологические данные, работают со сложными моделями рисков. Это стимулирует развитие новых инструментов: расчет «углеродного следа» и климатических рисков проектов стал частью

² Report of the Secretary-General «Harmony with Nature» dated July 26, 2019. Режим доступа: <https://docs.un.org/en/A/74/236> (дата обращения 14.03.2025).

³ Кодификация и прогрессивное развитие международного экологического права. Режим доступа: https://studme.org/85523/pravo/kodifikatsiya_progressivnoe_razvitie_mezhdunarodnogo_ekologicheskogo_prava (дата обращения 14.03.2025).

⁴ Urgenda Foundation v. State of the Netherlands (2015). Режим доступа: <https://climatecasechart.com/non-us-case/urgenda-foundation-v-kingdom-of-the-netherlands/#:~:text=A%20Dutch%20environmental%20group%2C%20the,%E2%80%9D%20In%20reaching%20this> (дата обращения 14.03.2025).

экологической экспертизы и/или лицензирования во многих юрисдикциях. Адаптируется к новой реальности и уголовное право: увеличивается число составов экологических преступлений, многие страны ввели уголовные наказания за причинение существенного вреда атмосфере, океану и экосистемам. Таким образом, практика применения права постепенно смещается в сторону превентивной и ответственной модели, соответствующей вызовам антропоцена.

Изменения в эколого-правовом образовании и науке

Концепция антропоцена вызвала оживление научных исследований на стыке экологии, права, социальных наук. Возникло новое междисциплинарное направление, которое можно назвать «право в антропоцене», объединяющее юристов, экологов, географов и философов. Появление такого направления для исследований является частью более широкой научной дискуссии о дифференциации юридической профессии, включая обсуждение необходимости подготовки юристов-норморайтеров, которые будут заниматься правотворчеством. Не менее важным является углубленная подготовка юристов-международников (Vlasenko & Novikova, 2019:347). Составной частью последнего направления должно стать углубленное изучение вопросов экологического права. Уже сейчас многие университеты РФ вводят курсы, посвященные глобальным экологическим изменениям, а также правовым ответам на них (например, климатическое право, международное экологическое право, право устойчивого развития, зеленая экономика и т.д.)⁵.

В образовательных программах по экологическому праву все больше внимания уделяется не только национальным природоохранным нормам, но и глобальным проблемам: изменению климата, истощению ресурсов, трансграничному загрязнению, климатической миграции, загрязнению океана пластиком. Студенты юридических факультетов изучают международные акты (Парижское соглашение по климату 2015 г.), решения конституционных судов по защите экологических прав, усиливается акцент на естественнонаучной грамотности юристов – понимании основ климатологии и экологии, чтобы эффективно применять право.

В научных исследованиях активно осмысливается, как право может содействовать адаптации к изменениям климата и смягчению рисков. Например, разрабатываются правовые модели для управления углеродными поглотителями (лесами, океанами), механизмы компенсации «утерянных» экосистемных услуг, анализируются вопросы геоинженерии с правовой и этической точек зрения.

Международные организации (ООН, Международный союз охраны природы и др.) проводят конференции и публикуют доклады о необходимых реформах права в современных условиях. Однако гуманитарным и социальным наукам (включая право) еще предстоит создать новые знания и инструменты, чтобы ответить на вызовы новой эпохи – климатические катастрофы, ресурсные кризисы и др. Таким образом, концепция антропоцена стимулирует обновление образования и науки, формируя новое поколение юристов-экологов, готовых работать с планетарными экологическими проблемами и учитывать экосистемные связи.

⁵ Например, в РУДН на кафедре международного права читается дисциплина «Экология, климат, энергетика: международно-правовое регулирование». Режим доступа: https://www.rudn.ru/sveden/files/Progr_Ekologiya_klimat_energetika_meghdunarodno-pravovoe_regulirovanie_YUYURmd01r_2021.pdf (дата обращения 14.03.2025).

Антропоцен и российское экологическое законодательство

Влияние идеи антропоцена на правовую систему России проявляется постепенно, по мере осознания глобальных экологических рисков. Российское экологическое законодательство исторически фокусировалось на охране окружающей среды от локальных загрязнений и рациональном использовании природных ресурсов. Однако новые вызовы – изменение климата, деградация экосистем, стихийные бедствия – требуют обновления нормативной базы. Влияние человека и антропогенной деятельности на глобальную экосистему становится все более заметным. Последствия глобального потепления для экосистем Земли, включая таяние ледников или экстремальные погодные явления (цунами, ураганы и засухи) резко усиливаются, что становится скорее правилом, чем исключением (то есть это уже не просто единичные случаи). Изменение климата влияет не только на окружающую среду, но и на социальные аспекты, включая материальные условия жизни людей (Farah & Giudice, 2023:11). В последние годы Россия сделала несколько шагов по признанию этого, начав с ратификации в 1994 г. Рамочной конвенции об изменении климата (1992). В 2019 г. Россия присоединилась к Парижскому соглашению по климату 2015 г., тем самым признав необходимость своего участия в международном сотрудничестве по ограничению выбросов парниковых газов. В 2020 г. Президент РФ своим указом предписал обеспечить к 2030 г. сокращение выбросов в атмосферу до 70 % относительно уровня 1990 г. с учетом максимально возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем и при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации⁶. В Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» было включено несколько новых эколого-правовых конструкций, включая «климатические проекты», «обращение и зачет углеродных единиц», «реестр углеродных единиц», неизвестных российскому праву ранее. Этот закон стал первым шагом к углеродному регулированию в России. И хотя он не устанавливает жестких квот на выбросы, уже само создание системы их учета станет необходимой предпосылкой для последующего введения лимитов и торговли квотами. В 2022 г. начался эксперимент по торговле углеродными единицами на Сахалине, что свидетельствует о готовности применять рыночные механизмы регулирования, успешно используемые за рубежом⁷.

Однако этого недостаточно. Необходимы изменения в Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и иные акты, которые могли бы развивать климатическую повестку, в том числе предусматривать обязательное оценивание углеродного следа проектов, стимулировать энергосбережение, закрепить цели по сокращению выбросов на национальном уровне. Помимо климата, в эпоху антропоцена актуализируется и вопрос сохранения биоразнообразия: в России требуются изменения в законодательство о красной книге, охоте и рыболовстве, усиление ответственности в случае причинения вреда особо охраняемым природным территориям. Необходимо на законодательном уровне закрепить понятие «углеродная нейтральность», усилить акцент на необходимости низкоуглеродных решений. В российских стратегических документах последних лет растет количество

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения 14.03.2025).

⁷ Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 14.03.2025).

концепций, созвучных идее антропоцена. Например, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176) прямо указывает на угрозы, связанные с глобальными изменениями климата, и ставит цель предотвращать катастрофические необратимые изменения в окружающей среде.

Фактически этот документ ориентирует правовое регулирование на достижение целей устойчивого развития ООН – то есть сохранение планеты от деградации, рациональное потребление и борьбу с изменением климата в интересах настоящего и будущих поколений. Это свидетельствует о том, что при разработке нормативных актов РФ все больше учитываются глобальные антропогенные факторы, а не только локальные экологические проблемы. В практике нормотворчества проявляется тенденция интеграции климатических рисков: в государственных программах развития отраслей экономики (сельское хозяйство, энергетика, строительство) постепенно начинают учитываться сценарии изменений климата. При утверждении крупных инфраструктурных проектов все более значимым становится проведение оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) с учетом долгосрочных климатических эффектов, включая выбросы парниковых газов за жизненный цикл проекта и его уязвимости к экстремальным погодным явлениям.

Хотя пока требования по учету этих факторов прописаны неявно и разрозненно, тренд на их усиление очевиден. Еще один аспект – эоцентричные факторы в праве, то есть смещение фокуса с охраны природы ради человека к учету интересов самой природы. В России нет норм о правах экосистем, но обсуждается идея о необходимости развития экосистемного подхода в законодательстве, например, при создании особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

Дело в том, что создание ООПТ может производиться как путем придания особого правового режима отдельным территориям (точечно и бессистемно, как сейчас, с включением в состав гигантских по площади ООПТ сельских поселений, дорог, пастбищ, сельскохозяйственных угодий и иных антропогенных объектов), так и с использованием экосистемного подхода, позволяющего учесть экологическую ситуацию на прилегающих к ООПТ территориях, а также состояние окружающей среды в соседних странах, поскольку экосистемы Земли никак не зависят от проведенных людьми государственных границ. Последнее направление получило название «национальная экологическая сеть». Многочисленные исследования говорят о том, что изолированные ООПТ со временем теряют биологическое разнообразие и не смогут обеспечивать сохранение природы в перспективе (Semenyuk, 2015). И только создание системы специальных экологических коридоров может ликвидировать островной эффект, обеспечить взаимную поддержку популяций и генетический обмен между разделенными в результате деятельности человека биоценозами, позволяя сохранить биоразнообразие в долгосрочной перспективе. В России это пока только теория, но в Республике Беларусь уже есть не только нормотворческие, но и практические результаты⁸.

Другой вариант экосистемного подхода изложен в Рамсарской конвенции о водно-болотных угодьях 1971 г. Он состоит в том, что охранять предполагается не воду и водоплавающих птиц (по отдельности), а в целом всю экосистему. Россия как

⁸ См.: ст. ст. 81–82 Закона Республики Беларусь от 17.07.2023 № 294-З «Об охране окружающей среды». Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300294> (дата обращения 14.03.2025).

правопреемник СССР является участником Рамсарской конвенции, и меры по охране водно-болотных угодий включены в ряд нормативных актов⁹.

Постепенно концепция антропоцена обусловит корректировку и появление новых государственных программ в сфере экологии. Уже сейчас на федеральном уровне реализуется национальный проект «Экология» (с 2019 г.), включающий мероприятия по уменьшению загрязнения воздуха и воды, утилизации отходов, сохранению лесов и водных объектов. И хотя он напрямую не оперирует термином «антропоцен», его возникновение продиктовано осознанием, что традиционные способы хозяйствования привели к критической ситуации, требующей срочных мер. Отдельно разрабатываются климатические программы: утверждаются планы мероприятий по адаптации к изменениям климата, определяющие действия по снижению экологической уязвимости экономики и населения (защита населенных пунктов от паводков, лесов от пожаров, развитие засухоустойчивого сельского хозяйства и т.д.)¹⁰. Утверждена стратегия низкоуглеродного развития России до 2050 г., а ее цель – адаптация к глобальному энергетическому переходу экономики России, критически зависящей от экспорта традиционных энергоносителей, сокращение выбросов парниковых газов и достижение углеродной нейтральности не позднее 2050 г.¹¹ Россия участвует в ряде международных климатических инициатив, в результате чего заявлена цель достижения углеродной нейтральности не позднее 2060 г., что требует соответствующей трансформации энергетической и экологической политики¹².

Таким образом, экоцентричный подход влечет понимание того, что законодательство должно учитывать трансграничное воздействие, в том числе загрязнение рек, текущих в соседние страны, ограничивать выбросы парниковых газов, включая запрет на сжигание попутного газа, из-за которого образуются выбросы CO₂ и т.д. Постепенно формируется подход, при котором антропогенная нагрузка рассматривается комплексно: и как вопрос экологии, и как фактор экономики, здравоохранения, национальной безопасности. Государственные программы по лесовосстановлению, борьбе с опустыниванием в южных регионах, сохранению Арктики обосновываются необходимостью реагировать на вызовы новой эпохи антропоцена (рост температуры, таяние вечной мерзлоты, смещение климатических зон). Влияние концепции антропоцена прослеживается и в реформировании системы мониторинга: создается единая государственная система наблюдения за парниковыми газами, разработана методология учета поглощения CO₂ лесами – это все новые элементы, продиктованные новыми экологическими угрозами. Из этого следует, что хотя термин «антропоцен» не фигурирует в названиях российских экологических программ или законов, его содержание, связанное с признанием решающей роли человечества в

⁹ См.: Постановление Правительства РФ от 13.09.1994 № 1050 «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Стороны, вытекающих из Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц, от 2 февраля 1971 г.» // СПС «Гарант» (дата обращения 14.03.2025).

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 11 марта 2023 г. № 559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 г.» // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения 14.03.2025).

¹¹ Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-р // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения 14.03.2025).

¹² Цель достичь углеродной нейтральности не позднее 2060 г. зафиксирована в Указе Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 14.03.2025).

изменении окружающей среды, постепенно проникает в цели и задачи государственной экологической политики России.

Международное регулирование и экологическое право России

Наступление эпохи антропоцена означает, что деятельность человека изменила все природные объекты и экосистемы от верхних слоев атмосферы до морских глубин. Антропоцен в этом смысле – это время, когда больше не существует прежнего понимания «природы», которая была бы отделена от человека и существовала бы сама по себе. Весь мир – это единое целое, совместный продукт деятельности человека и лежащего в ее основе нечеловеческого феномена, смешанных в таких масштабах, что их уже невозможно разделить (Purdy, 2016:1637).

Между тем существующая система международного экологического права является не очень эффективной в эпоху антропоцена. Главная причина этого заключается в том, что международное экологическое право (МЭП) акцентирует основное внимание на локальных экологических проблемах (охране отдельных природных объектов, имеющих международное значение), слабо практикуя экосистемный подход, из-за чего принимаемые международно-правовые акты носят фрагментарный характер, а иногда и противоречат друг другу. Вопрос об экологической целостности экосистем всей Земли и системных мерах по их охране должен стать основой МЭП с разработкой мер по передаче части государственного суверенитета координирующим органам (например, ООН). Это необходимо потому, что на внутригосударственном уровне можно эффективно решить множество самых разных вопросов (организовать эффективную избирательную систему, развивать качественное образование и др.), однако охранять окружающую среду отдельно взятой страны, руководствуясь собственными планами и без координации своих усилий хотя бы с соседними странами, бессмысленно.

Другой вопрос – какие именно международные договоры следует принимать, какие обязательства Россия или любая другая страна должны принимать на себя, насколько эти обязательства соответствуют национальным интересам. В этом смысле опасения, что под флагом «исключительной ситуации антропоцена» продвигаются идеи отказа от национального суверенитета и навязывания внешних ограничений¹³, необоснованны. Поиск баланса национального и наднационального в охране природы – это и есть главный вызов эпохи антропоцена. Если его найти не удастся, то история человечества закончится. В настоящий момент МЭП достигло определенного уровня согласованности благодаря включению общих принципов в различные правовые документы, однако его основная система ценностей остается слабой и расплывчатой. Общая цель должна заключаться в согласовании минимальных экологических стандартов, которые необходимы для защиты экосистем всей планеты. Это должно стать высшей нормой, определяющей приоритетность экологических проблем планеты, которой должны соответствовать все другие международные правила и принципы (Kim & Bosselmann, 2013). Необходимо заметить, что во многих странах это понимание ситуации уже наступило. Так, ЕС утвердил курс на климатическую нейтральность к 2050 г., а принимаемые в странах ЕС законы закрепляют промежуточные цели по сокращению выбросов к 2030 г. и механизмы отчетности. Это отражает понимание, что для предотвращения опасных изменений

¹³ Николаев Н. Антропоцен теперь не эпоха, но событие, которое может продлиться миллионы лет // Парламентская газета. 2024. 23 марта.

климата нужна юридически обязательная долгосрочная стратегия. В ряде стран (Германия, Великобритания, Франция) такие законы дополнены созданием независимых климатических советов, которые следят за достижением целей и консультируют правительства – инновационный институт, появившийся как ответ на вызовы эпохи антропоцена.

Страны Латинской Америки (Эквадор, Боливия, Чили) пошли по пути экологического конституционализма: провозгласили права природы, права будущих поколений, формируя ценностную базу для экологического права, где природа – не просто объект, а носитель интересов. Азиатско-Тихоокеанские страны экспериментируют с правовыми формами управления рисками катастроф: например, Япония и Австралия усилили законодательство об адаптации к климатическим изменениям после серии экстремальных погодных явлений (тайфунов, пожаров). Международные организации также развивают инициативы, соответствующие глобальным экологическим вызовам эпохи антропоцена: ООН обсуждает возможность признания экоцида международным преступлением; в 2022 г. Генеральная ассамблея ООН признала право на благоприятную окружающую среду одним из фундаментальных прав человека – это сигнал всем государствам интегрировать высокие экологические стандарты в национальное право¹⁴. Таким образом, мы видим четкий общемировой тренд – движение к более строгому, всеобъемлющему экологическому регулированию, основанному на научных данных и ориентированному на долгосрочную экологическую устойчивость планеты.

Целесообразность заимствования иностранного опыта в России

Экологическое законодательство в России традиционно развивается эволюционно, а не революционно: любые новеллы вводятся постепенно, после апробации. Поэтому успешный зарубежный опыт тщательно изучается и в той части, которая отвечает национальным интересам, адаптируется под российскую специфику, становясь нормами российского права. Например, обсуждается адаптация европейских механизмов «платы за углерод»: в ЕС планируется введение углеродного пограничного налога, и чтобы избежать потерь для экспортеров, России может быть выгодно внедрить собственную систему торговли квотами по аналогии с ЕС. В этом смысле правовой климатический эксперимент на Сахалине является шагом именно в эту сторону. Другой пример – оценка климатических рисков: международные финансовые институты требуют от компаний раскрывать информацию о влиянии климатических изменений на бизнес. Российский Центробанк уже рекомендовал банкам учитывать эти климатические риски¹⁵, что перекликается с глобальными мировыми стандартами. В сфере охраны окружающей среды Россия может заимствовать практику создания экологических коридоров (Беларусь) или развивать дальше экосистемный подход при постановке на учет и особой охране водно-болотных угодий (в рамках Рамсарской концепции).

Кроме того, заслуживает внимания опыт стран, схожих с Россией по природным условиям: например, Канада и страны Скандинавии активно развивают

¹⁴ Генассамблея ООН провозгласила доступ к чистой и здоровой окружающей среде универсальным правом человека. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1428532> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁵ Банк России разработал рекомендации финансовым организациям по учету климатических рисков. Режим доступа: <https://cbr.ru/press/event/?id=17268> (дата обращения: 14.03.2025).

законодательство об Арктике и коренных народах в условиях изменения климата – эти модели могут быть полезны и для российской Арктической зоны.

С другой стороны, имеются и препятствия к прямому переносу зарубежных моделей. Различные концепции глобалистов по ограничению национального суверенитета неприемлемы для России, хотя важность международного экологического сотрудничества признается всеми ветвями власти. Более интересными представляются последние природоохранные достижения зарубежных стран в части развития технологий «зеленой» энергетики и связанные с ними нормативы (стандарты для ветроэнергетики и водородной энергетики), а также опыт судебной защиты экологических прав граждан. И хотя пока рано говорить о появлении эоцентричных судебных решений (российские суды еще не рассматривали исков, аналогичных делу *Urgenda*), внимание российских судов к экологическим проблемам увеличивается. Число обращений граждан в суды с исками о компенсации вреда от экологических аварий и катастроф (разливы нефти, загрязнение воздуха) с каждым годом растет. В целом, международный опыт служит для России не только примером, но и стимулом: чтобы не отстать технологически и экономически, нужно участвовать в общей эволюции норм экологического права.

Заимствование лучших моделей, от «зеленых» стандартов в промышленности до механизма общественного участия в принятии экологически значимых решений поможет модернизировать российскую правовую систему и сделать ее более устойчивой к вызовам антропоцена. При этом, определяя цели и задачи климатической и иной экологической политики страны, следует руководствоваться национальными интересами, а не зарубежной «модой» (одобрение Д. Байденом климатической повестки, выход Д. Трампа из всех климатических соглашений).

Российские национальные интересы включают сокращение климатических угроз, что закреплено в программных экологических документах нашей страны.

В условиях России можно выделить несколько ключевых направлений развития правовой доктрины и законодательства в дополнение к уже высказанным соображениям (в части формирования эоцентричного подхода в праве и развития климатического законодательства). В их числе можно выделить следующие.

1. Дальнейшее развитие в России концепции устойчивого развития. Как известно, данная концепция была сформулирована на нескольких конференциях ООН (Рио-де-Жанейро, 1992 и далее), и представляет собой акт мягкого международного права, то есть государства не обязаны ее использовать в практической юридической деятельности. Тем не менее, данная концепция все же отражена на уровне принципов во многих российских законах (Градостроительный кодекс, Лесной кодекс, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и т.д.).

Были разработаны критерии и индикаторы устойчивого использования некоторых природных ресурсов (лесов и животного мира). Новые задачи эпохи антропоцена обуславливают необходимость следующего шага в этом направлении, т.е. создания четких критериев и в целом механизма реализации принципа устойчивого развития в законодательстве. Примечательно, что большой вклад в понимание концепции устойчивого развития (не используя напрямую такой термин) внес Верховный Суд РФ, хотя Россия и не относится к странам англосаксонской правовой семьи (с их значением прецедентного права). Представляет интерес его позиция относительно стратегии поиска баланса экологических, экономических и социальных интересов российского государства и общества. В своих разъяснениях в отношении споров об ограничении, приостановлении либо прекращении деятельности, осуществляемой с нарушением экологического законодательства, Пленум Верховного Суда

РФ¹⁶ предложил весьма интересное толкование норм гражданского права (ст. 1065 ГК РФ) в духе концепции устойчивого развития. Пленум, в частности, указал (в п. 27), что, рассматривая дела о приостановлении (прекращении) экологически опасной деятельности, суду необходимо соблюдать баланс, с одной стороны, между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, и, с другой стороны, решением социально-экономических задач. При этом суду следует принимать во внимание не только факторы, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность людей и организаций (например, применительно к деятельности градообразующих предприятий, теплоэлектроцентралей, очистных сооружений), но и соразмерность последствий прекращения (приостановления, ограничения) деятельности тому ущербу окружающей среде, который может наступить как в случае продолжения данной деятельности, так и при ее прекращении.

Кроме того, Пленум Верховного Суда специально указал, что суд может отказать в иске о приостановлении либо прекращении промышленной или иной деятельности в случае, если ее приостановление (прекращение) противоречит общественным интересам. С одной стороны, такая правовая позиция высшего органа судебной власти означает сигнал законодателю о необходимости сформулировать четкие параметры оценочных категорий, которые были упомянуты Верховным Судом РФ (например, соразмерность последствий прекращения экологически опасной деятельности). С другой стороны, Верховный Суд РФ рассуждает в классической парадигме, разделяя человека (субъект) и природные объекты, тогда как в эпоху антропоцена такая грань должна постепенно стираться, что неизбежно должно привести к ужесточению природоохранных требований.

Принятие таких правовых решений, равно как и инвестиции в долгосрочную устойчивость меняющейся окружающей среды, в способность человечества реагировать на такие изменения, согласование этих новых задач должны стать необходимыми первыми шагами к обеспечению того, чтобы новые цели устойчивого развития получили шанс стать более достижимыми (Craig & Ruhl, 2019).

Необходима корректировка ЦУР и концепции устойчивого развития в целом, определение ее главной цели. Под ней предлагается понимать развитие, отвечающее потребностям настоящего времени при сохранении системы жизнеобеспечения Земли, от которой зависит благополучие нынешнего и будущих поколений. Это новое определение устойчивого развития как конечной цели, к достижению которой следует стремиться в рамках ЦУР (Lim et al., 2018), следует поддержать.

Первым шагом в направлении нового понимания взаимодействия человека и природы в эпоху антропоцена может стать принятие Глобального пакта об окружающей среде, который мог бы сделать защиту планетарных экологических систем фундаментом (а не одной стеной) нового здания устойчивого развития 2.0.

2. В эпоху антропоцена становится актуальной проблема охраны биологических видов, ввиду их вымирания от экологических последствий деятельности человека (Kotze et al., 2021:188). По экспертным оценкам, более 500 000 видов не имеют достаточной среды обитания для долгосрочного выживания и обречены на вымирание, если она не будет восстановлена (Hunter, 2020:4). Красные книги здесь не помогут, так как они борются с последствиями вымирания биологических видов, но не с причинами этого. На наш взгляд, можно предложить следующие правовые меры.

¹⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».

Во-первых, сокращение охоты на диких животных и вылова водных биоресурсов. Если первобытные люди охотились на них в целях своего выживания, то сейчас это развлечение, имеющее негативные последствия для экосистем. Во-вторых, фаунистическое законодательство достаточно подробно определяет правовой режим краснокнижных и охотничьих животных (Ivanova, 2023), уделяя мало внимания третьей разновидности объектов животного мира, фрагментарно упоминаемой в ст. 43 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (это насекомые, лягушки, ужи, ежи, некоторые виды водных животных и т.д.). Разработка специальных правовых мер по сохранению экосистем должна предполагать четкую регламентацию их использования и охраны.

В-третьих, сохранение и воспроизводство объектов животного мира во многом зависит от состояния их среды обитания. Это означает необходимость разработки мер охраны не только в отношении самих животных, но и биоценозов, где они обитают (регулирование вырубки лесов и водопользования с учетом интересов сохранения животных и растений; учет таких интересов при предоставлении участков под строительство промышленных, энергетических и иных объектов и т.д.). Этот подход реализован в Федеральном законе «О животном мире» лишь отчасти: в ст. 22 упоминаются меры по охране среды обитания объектов животного мира (сохранение среды обитания при ведении хозяйственной деятельности, путей миграции животных и др.). Однако все эти меры носят слишком общий характер. Реализация экосистемного подхода позволит смягчить угрозу вымирания животных, а также в условиях изменения климата потребует пересмотра отношения к инвазивным (пришлым) биологическим видам, которые будут перемещаться на новые места обитания по мере изменения климата, но не всегда следует давать этому процессу однозначную негативную оценку (Börk, 2018:173).

3. Противодействие новым экологическим угрозам в эпоху антропоцена требует и ряда новых инструментов, выходящих по большей части за рамки права. Во-первых, это цифровые технологии (Alekseeva & Filimonova, 2024). Эффективное использование новейших цифровых технологий позволит не только оперативно реагировать на новые экологические угрозы, но и разрабатывать меры по их предотвращению. При этом существуют и риски цифровизации, связанные с образованием цифровых отходов и их скоплением в развивающихся странах (Kunkel & Matthes, 2020), а также наличие рисков для здоровья граждан от новых сетей 5G. Во-вторых, в эпоху антропоцена увеличивается значение эколого-правовой культуры, образования, просвещения и воспитания (Bogolybov, 2021).

Формирование у людей экологически осознанного поведения, основанного на понимании взаимосвязи природы и общества, повышает вероятность добровольного соблюдения экологических требований. В свою очередь, укоренение этических экологических установок и моральных обязательств, связанных с ответственностью перед будущими поколениями и природой, будет способствовать профилактике экологических правонарушений. Для этого (среди прочего) необходимо обеспечение граждан полной и доступной экологической информацией, активное освещение экологических вопросов в СМИ, что поможет сформировать общественное мнение и держать в тонусе государственные структуры.

Заключение

Концепция антропоцена в ходе дискуссий последних лет уже доказала свою важность для переосмысления отношений общества и природы. Антропоцен нельзя

воспринимать просто как рост числа экологических проблем, которые можно решить увеличением уже имеющегося набора правовых средств. Вместо этого антропоцен требует фундаментального сдвига в общепринятых представлениях о роли человека и экономики в изменениях окружающей среды. Речь идет о необходимости трансформации текущего понимания окружающей среды в сторону ее восприятия как сложной, нестабильной и динамичной совокупности экосистем Земли, к которой должны адаптироваться и правовая мысль, и практика.

Антропоцен означает перестройку понимания самой категории «человек» и отношений между ним и другими элементами живой и неживой природы, которые до сих пор мало исследовались в современной правовой науке. Поэтому для юриспруденции концепция антропоцена будет являться катализатором изменений, заставляя выйти за рамки традиционных представлений и задуматься о глобальной системе права, адекватной планетарному масштабу экологических проблем. Для будущего экологического права значение антропоцена трудно переоценить. Во-первых, эта концепция дает научно обоснованный императив: законодательство должно исходить из реальности, что деятельность человека способна уничтожить основы жизни на Земле. Это означает, что принципы предостережения и устойчивого развития должны стать не просто декларациями, а центральными нормами права, от муниципального и национального до международного.

Во-вторых, антропоцен стимулирует инновации в праве: появляются новые правовые категории (экоцид, права природы, климатические беженцы и др.), формируются гибридные режимы правового регулирования (например, объединяющие экологическое и энергетическое право в целях декарбонизации экономики).

Для экологической политики России учет концепции антропоцена открывает возможность повысить эффективность и дальновидность принимаемых решений. Признавая себя частью глобального мира, Россия сможет активнее участвовать в формировании международных экологических правил, вносить в них свой научный и практический вклад. Внутренняя политика, опирающаяся на понимание факторов антропоцена, может стать более сбалансированной: вместо реагирования на отдельные аварии или правонарушения она сможет предотвращать системные кризисы (как климатические, так и социально-экологические). Интеграция этих идей потребует поиска баланса между экономическим развитием и экологическими запретами и ограничениями. Страны, которые первыми адаптируют национальные законы к новым условиям, получают преимущества – технологические, репутационные, и просто более здоровую среду обитания для своих граждан. Концепция антропоцена играет роль ориентира для будущего: она напоминает, что юридические решения, принятые сегодня, прямо влияют на мир, в котором будут жить последующие поколения. Для России осмысленное понимание и применение этого ориентира будет означать переход к более устойчивой, безопасной и ответственной экологической политике, соответствующей масштабам новой эпохи, где человек несет ответственность за всю планету. Однако для этого необходимо отказаться от права человека господствовать над Природой, и перейти от антропоцентричной к экоцентричной этике, праву и философии.

Первый такой шаг был предпринят в ряде стран Латинской Америки (Эквадор, Боливия), а также в некоторых других государствах мира (Новая Зеландия). Предлагаемый ими экоцентричный стандарт, связанный с наделением Природы рядом субъективных прав, невозможно осмыслить в категориях нормативизма, однако предложенная в этих странах идея учета всех экосистемных связей, восприятие Природы как живого существа, требующего совершенно другого отношения к себе со стороны

человека, само восприятие последнего как части Природы вполне может быть вос-
требованно в национальных юрисдикциях любых стран (включая Россию) с учетом
существующих правовых и культурных традиций. Это потребует широкой обще-
ственной дискуссии о новых правилах взаимодействия общества и Природы, с по-
следующим внесением изменений в экологическое законодательство России в части
новых стандартов нормирования, создания ООПТ, защиты природных ландшафтов,
учета мнения коренных народов, изменения существующих подходов к экологиче-
скому воспитанию и образованию, использованию достижений экологической
цифровизации и т.д. Реализация этой сложной задачи даст человечеству возмож-
ность надеяться, что экологический апокалипсис, о котором так часто говорят эколо-
ги, все же никогда не наступит.

References / Список литературы

- Alekseeva, M.V. & Filimonova, E.A. (2024) Features of the transformation of the state in the context of the development of digital technologies. *Legal order and legal values*. (2), 14–21. (in Russian). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21> EDN: CGTGHU.
Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2. С. 14–21. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21> EDN: CGTGHU.
- Alvez-Marín, A., Castillo, R., Acuña-Molina, C. & Torres, P. (2021) Legal personhood of Latin American rivers: Time to shift constitutional paradigms? *Journal of Human Rights and the Environment*. 12 (2), 147–176. <https://www.doi.org/10.4337/jhre.2021.02.01>
- Benson, M.H. (2019) New Materialism: An Ontology for the Anthropocene. *Natural Resources Journal*. (59), 251–280.
- Bogolyubov, S.A. (2021) Environmental education is an important element of state policy in the field of environmental development. *Bulletin. State and law*. (3), 19–23. (in Russian). EDN: XWIXPP.
Боголюбов С.А. Экологическое образование – важный элемент государственной политики в области экологического развития // Вестник. Государство и право. 2021. № 3. С. 19–23. EDN: XWIXPP.
- Börk, K. (2018) Guest Species: Rethinking Our Approach to Biodiversity in the Anthropocene. *Utah Law Review*. (1), 169–235.
- Biber, E. (2017) Law in the Anthropocene Epoch. *Georgetown Law Journal*. (106), 1–68. EDN: YFAUST.
- Craig, R.K. & Ruhl, J.B. (2019) New Realities Require New Priorities: Rethinking Sustainable Development Goals in the Anthropocene. Available at: <https://dc.law.utah.edu/scholarship> [Accessed 10.03.2025].
- Dukes, P. (2015) *Modernization and the Anthropocene: Key dates*. In: Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS. *All-Russian Scientific Conference with international participation “Man in the conditions of modernization of the XVIII-XX centuries”*. Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS Publ., pp. 170–175 (in Russian). EDN: VFDUFF.
Дюкс П. Модернизация и Антропоцен: ключевые даты // Сборник научных статей Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек в условиях модернизации XVIII-XX вв.». Екатеринбург, 2015. С. 170–175. EDN: VFDUFF.
- Farah, P.D. & Giudice A.L. (2023) Climate Justice in the Anthropocene and Its Relationship with Science and Technology. *Connecticut Law Review*. (55), 1–22. <https://www.doi.org/10.4324/9781003472421-11>
- Gonzalez, C.G. (2015) Bridging the North-South Divide: International Environmental Law in the Anthropocene. *Pace Environmental Law Review*. (32), 407–434. <https://www.doi.org/10.58948/0738-6206.1765>

- Hamilton, R. (2024) Criminalizing Ecocide. *Harvard Human Rights Journal*. 38, 69–112. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4919464>
- Hunter, D. (2020) SDLP after 20: Sustainable Development in the Anthropocene. Available at: https://digitalcommons.wcl.american.edu/facsch_lawrev [Accessed 14.03.2025].
- Hornborg, A. (2019) Colonialism in the Anthropocene: The political ecology of the money-energy technology complex. *Journal of Human Rights and the Environment*. (10-1), 7–21. <https://doi.org/10.4337/jhre.2019.01.01>
- Ivanova, S.V. (2023) The purpose and effectiveness of public administration in the field of protection and use of wildlife: Legal values of administrative law. *Legal order and legal values*. 1 (1), 79–89. (in Russian). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-79-89> EDN: BYPOXQ.
Иванова С.В. Цель и эффективность государственного управления в области охраны и использования животного мира: правовые ценности административного права // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 1. С. 79–89. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-79-89 EDN: BYPOXQ.
- Kim, R.E. & Bosselmann K. (2013) International Environmental Law in the Anthropocene: Towards a Purposive System of Multilateral Environmental Agreements. *Transnational Environmental Law*. (2), 285–309. <https://doi.org/10.1017/S2047102513000149> EDN: SSVCHD.
- Kotze, L.J., Toit, L. & French, D. (2021) Friend or foe? International environmental law and its structural complicity in the Anthropocene's climate injustices. *Onati Socio-Legal Series*. (11–1), 180–206. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1140>
- Kunkel, S. & Matthes, M. (2020) Digital transformation and environmental sustainability in industry: Putting expectations in Asian and African policies into perspective. *Environmental Science and Policy*. (112), 318–329. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2020.06.022> EDN: VAJCNA.
- Lim, M.M.L. et al. (2018) Reframing the sustainable development goals to achieve sustainable development in the Anthropocene – a systems approach. *Ecology and Society*. (23), 1–19. <https://doi.org/10.5751/ES-10182-230322>
- MacLean, J. (2017) Autonomy in the Anthropocene? Libertarianism, Liberalism and the Legal Theory of Environmental Regulation. *Dalhousie Law Journal*. (40-1), 279–322.
- Morris, T. (2013) *Hans Jonas's Ethic of Responsibility: From Ontology to Ecology*. New York, State University of New York Press. <https://doi.org/10.1353/book27397>
- Paola, M.D. & Jamieson, D. (2018) Climate Change and the Challenges to Democracy. *University of Miami Law Review*. (72), 369–424.
- Purdy, J.S. (2016) Coming into the Anthropocene. *Harvard Law Review*. (129), 1619–1650.
- Seck, S.L. (2021) A relational analysis of enterprise obligations and carbon majors for climate justice. *Onati Socio-Legal Series*. 11 (1), 254–284. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1139> EDN: ADBMZJ.
- Semenyuk, A.S. (2015) GIS-designing ecological corridors (on the example of the Narochansky National Park). *Bulletin of the Belarusian State University. Series 2: Chemistry, Biology, Geography*. (1), 70–74. (in Russian). EDN: TQIONJ.
Семенюк А.С. ГИС-проектирование экологических коридоров (на примере национального парка «Нарочанский») // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 2: Химия, Биология, География. 2015. № 1. С. 70–74. EDN: TQIONJ.
- Stoa, R. (2015) Droughts, Floods, and Wildfires: Paleo Perspectives on Disaster Law in the Anthropocene. *Georgetown International Environmental Law Review*. (27), 393–446.
- Vlasenko, N.A. & Novikova, R.G. (2018) Differentiation of the legal profession is an urgent task of our time. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (2), 346–348. (in Russian). EDN: OVUNQP.
Власенко Н.А., Новикова Р.Г. Дифференциация юридической профессии – актуальная задача современности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 346–348. EDN: OVUNQP.

Wyborn, C. et al. (2021) An agenda for research and action toward diverse and just futures for life on Earth. *Conservation Biology*. 35 (4), 1086–1097. <https://doi.org/10.1111/cobi.13671> EDN: NKPNVV.

Сведения об авторах:

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственной технической университет; 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

ORCID: 0000-0003-3988-2066; SPIN-код: 2307-8314

e-mail: anisimovap@mail.ru

Исакова Юлия Игоревна – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический», Донской государственной технической университет; 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

ORCID 0000-0003-4096-4640; SPIN-code: 8275-0679

e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Працко Геннадий Святославович – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права, Донской государственной технической университет; 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

ORCID: 0000-0002-2957-5938; SPIN-код: 8256-1236

e-mail: gpip@rgups.ru

About the authors:

Aleksey P. Anisimov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University; 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

ORCID: 0000-0003-3988-2066; SPIN-code: 2307-8314

e-mail: anisimovap@mail.ru

Yulia I. Isakova – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Don State Technical University; 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

ORCID 0000-0003-4096-4640; SPIN-code: 8275-0679

e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Gennady S. Pratsko – Doctor of Legal Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of Commercial and Business Law, Don State Technical University; 344000, Russian Federation, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

ORCID: 0000-0002-2957-5938; SPIN-code: 8256-1236

e-mail: gpip@rgups.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-837-851>
EDN: LAYFQN

Research Article / Научная статья

The Rule of Law: Between Ideology and Myth

Ruslan M. Allalyev

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
National University of Oil and Gas «Gubkin University», *Moscow, Russian Federation*
 allalyev_rm@pfur.ru

Abstract. This article provides a critical analysis of the “rule of law,” viewing it as an ideologeme and a social myth. The author explores how this concept, despite its amorphous and polysemous nature, has acquired the status as a tool for addressing global challenges. The article traces the origin and functions of the myth of the rule of law, highlighting its role in the ideological legitimation of power, the formation of national ideologies, and its influence on mass psychology. Employing Roland Barthes’ approach to myth deconstruction, the author identifies rhetorical figures that render conceptions of the rule of law both persuasive and ideologically charged. It is emphasized that the idea of the rule of law often serves as an instrument for justifying hegemonic policies, creating an illusion of legitimacy, and obscuring structural contradictions. In conclusion, the article argues that, despite its mythological character, the idea of the rule of law retains social significance, and its critical understanding is essential for a sober assessment of its potential and limitations.

Key words: ideologeme, social myth, legitimation, political ideology, mass psychology, legal critique, legal fetishism

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 13th September 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Allalyev, R.M. (2025) The Rule of Law: Between Ideology and Myth. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 837–851. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-837-851>

Верховенство права: между идеологией и мифом

Р.М. Алалыев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, г. Москва, Российская Федерация
 allalyev_rm@pfur.ru

Аннотация. В фокусе исследования – критический анализ «верховенства права» (rule of law), который рассматривается как идеологема и социальный миф. Автор исследует, как это понятие, несмотря на свою аморфность и многозначность, приобрело статус инструмента для решения глобальных проблем. Прослеживаются генезис и функции мифа о верховенстве права, его роль в идеологической легитимации власти, в формировании национальных идеологий и в психологии масс. Используя подходы Ролана Барта к деконструкции мифов, автор выявляет риторические фигуры, которые делают представления о верховенстве права столь убедительными и идеологически нагруженными. Подчеркивается, что идея верховенства права зачастую служит инструментом для оправдания гегемонистской политики, создания иллюзии законности и сокрытия структурных противоречий. В заключение утверждается, что, несмотря на свой мифологический характер, идея верховенства права сохраняет социальную значимость, и ее критическое осмысление необходимо для трезвой оценки ее потенциала и ограничений.

Ключевые слова: идеологема, социальный миф, легитимация, политическая идеология, массовая психология, критика права, правовой фетишизм

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 13 сентября 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Алалыев Р.М. Верховенство права: между идеологией и мифом // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 837–851. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-837-851>

Introduction

In June 2008, a report by the Commission on Legal Empowerment of the Poor stated that “up to four billion people worldwide are robbed of the chance to better their lives and climb out of poverty because they are excluded from the rule of law”¹. According to a report by *The Economist*, over the course of its three years of work, the Commission struggled to reach a consensus on precisely how the “rule of law” should “empower” the poor². Nevertheless, even framing the problem in this way received unanimous support. A month later, a press release from the high-level “World Justice Forum” held in Vienna announced “joint programs” by its participants aimed at “strengthening the rule of law” to address issues such as “corruption, violence, disease, ignorance, and poverty” in their communities (Humphreys, 2010:1).

Professor Stephen Humphreys (Humphreys, 2010:2) believes that the apparent self-confidence surrounding the term “rule of law” stems from a belief in its almost magical

¹ Poor, Making the Law Work for Everyone, Vol. 1, Report of the Commission on Legal Empowerment of the Poor (2008) Available at: https://unipsil.unmissions.org/sites/default/files/making_the_law_work_for_everyone.pdf [Accessed 07th September 2025]

² ‘The Law Poor’, *The Economist*, June 5, 2008. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2008/06/05/the-law-poor> [Accessed 07th September 2025]

role. According to him, such a belief is possible when “its object has achieved a position of such normative superiority, political authority, and ubiquity in discourse that its key postulates are largely perceived as widely shared, understandable, and unquestioned”.

Any ideology is a form of conceptual mythology. However, although the idea of the rule of law is essentially mythological, it is by no means devoid of substantive content. Professor Veronica Taylor (2019:331–339) of the Australian National University, drawing on the work of the eminent British legal scholar Peter Fitzpatrick (1941–2020), shows that “modern law,” while claiming universality, unity, and omnipotence, positions itself in opposition to the “other” – colonial and traditional systems. Today's conception of the rule of law inherits these mythical traits of transcendence and omnipotence; for instance, it has served as a powerful justification for the hegemonic policies pursued by the United States over recent decades³.

To date, the “rule of law” has become a kind of ideologeme, with its actual content always representing the cumulative result of the struggle among various social forces. This polysemous and amorphous term, situated on a spectrum between science and ideology, most often tends toward the latter. Ideology fundamentally reflects people's need to find meaning in social existence, which is conditioned by their participation in diverse social practices grounded in prevailing norms and values. The content of ideological attitudes is shaped by the enduring human and societal inability to achieve precise knowledge about the world. It is famously difficult to scientifically prove the existence of a rule-of-law state (as in liberal political-legal concepts) or to demonstrate the advent of a communist future (Marxist-Leninist ideology). Therefore, a recurring question in academic circles is whether the idea of the “rule of law” possesses any genuine scientific merit or whether it merely serves as a tool of political rhetoric.

Undeniably, the rule of law holds a prominent place in contemporary legal, political, and ethical discourse. One need only consult modern finance and international policy journals or treatises on human rights to encounter a vast array of arguments articulated in terms of the rule of law concept. Unfortunately, in many of these forums, the term “rule of law” functions as a vague euphemism – a unifying institutional ideal that expresses the aspirations and self-perceptions of modern Anglo-American society.

The Formation of National Ideologies and the Rule of Law

National ideologies, like nations themselves, emerged with the rise of the bourgeoisie to power and the establishment of bourgeois states. However, these ideologies undergo significant transformations as the socio-economic situation evolves. The need for a national ideology – or one could say, a social mythology – arises primarily during intensified crisis in the economy, social relations, politics, and public consciousness, when previously institutionalized norms and practices fail to function effectively, and proposed alternatives have yet to prove themselves (Mann, 2018:2–4). It is precisely at such moments that society becomes most receptive to the influence of leaders and social groups who construct plausible yet unverifiable theories about the structure of the world.

These are times when former social myths lose their former vibrancy and become mere rituals. As the American sociologist Michael Mann notes, during such periods, the influence of various idealistic doctrines experiences a resurgence (Mann, 2018:2–4). He emphasizes that one of the primary conditions for the emergence of new ideologemes or

³ The concept of the rule of law often takes the form of legal fetishism.

social myths is the presence of a real or perceived threat. It is this sense of threat, in his view, that generates the need for a new social myth⁴.

Here, the importance of belief in a dangerous and competitive world, as noted by J. Duckitt (Duckitt, 2009:693–719), plays a significant role. People's convictions that society is chaotic, unpredictable, and aggressive; that the existing social order is under threat of collapse; or that others around them deceive, manipulate, and seek to outwit them – essentially viewing the world as a “jungle” where only the strongest survive – create fertile ground for the emergence and persistence of the myth of the “rule of law.” This myth is designed to protect society from the threat of usurpation of power and subsequent arbitrariness⁵.

In 1989, the American political scientist Francis Fukuyama, then a senior fellow at the Center on Democracy, Development, and the Rule of Law at Stanford, analyzed the fall of fascist and socialist states and argued that this moment marked not just the end of the Cold War or another period of post-war history, but the end of history as such: that is, the end-point of mankind's ideological evolution and the universalization of Western liberal democracy as the final form of government (Fukuyama, 1989:4). One might agree with Fukuyama's description of the supposed historical, though temporary, triumph of the West; however, declaring the “end of history” was an imprudent claim. History invariably absorbs old ideologemes, while new ones continuously emerge through them, and during such periods, criticism of old ideas becomes tolerable (Lebon, 2023:138). Yet, given that “a social organism, like any other organism, always reacts against whoever attacks its vital conditions” (Sighele, 2011:44), new ideologies do not rise to dominance without struggle.

Nonetheless, there is a rational core in Fukuyama's position. The “end of history” signifies the end of a teleological view of social progress (Fraj, 2023:261) – the emergence of a society without aspirations toward a “higher order.” In this context, Professor Elaine Scarry of the University of Pennsylvania aptly noted that “Western religion and materialism hint that the continuous work of civilization consists not in making something, but in ‘making making,’ ‘remaking making’...” (Scarry, 2018:9).

Similarly, Mark Fisher, a lecturer at the University of London, cultural theorist, and philosopher, describes a characteristic feature of capitalist realism as the “slow cancellation of the future.” He observed that the emerging general state of society is such that “life goes on, but time has stopped.” (Fisher, 2014:13). While regression and degradation do not necessarily mean a return to the Stone Age, they signify a prolonged pause in the fulfillment of society's potential.

Hannah Arendt (Arendt, 1993:32) argued that the modern world has lost traditional forms of authority – such as emperors, king, and the church – that once ensured obedience without coercion or persuasion. In this regard, the rule of law can be seen as a response to this crisis. For a certain period, it filled the authority vacuum in England and the USA, offering legitimacy through an appeal to rationality and tradition.

Nowadays, the future of society is often reduced by liberal scholars and related ideological currents to the “sustainable development goals.” This perspective leaves only one direction of progress – sustainability – and all decisions are made in the name of endurance existing systems. Implicit in this view is the idea that the social order currently

⁴ Therefore, threats are often created artificially.

⁵ Even the founders of scientific communism themselves noted the attempts to replace a scientific understanding of the historical process with a social mythology, complete with its 'goddesses of justice, freedom, equality, and brotherhood.

dominating society must not only persist but also withstand challenges from initiatives perceived as hostile to it, including progressive movements.

Undoubtedly, ideas of “refusing the future” have also gradually permeated the humanities, including legal science, where there has been a retreat from the ideology of “progress” toward what is sometimes called ideology of “design”. V.M. Syrykh has commented on this trend in relation to Russian legal scholarship: “... Russian legal scholars tend to focus on less significant issues within legal science and practice, rather than engaging with fundamental questions of jurisprudence. In legal theory, the most common research topics are sources of law, legislative technique, and the systematization of legislation. In the branch legal sciences, considerable effort is devoted to preparing various commentaries on current legislation. Meanwhile, questions concerning the overall system of law and legislation, as well as the relationship between economy, politics, and law in the modern state, remain largely outside the scope of Russian legal scholars’ attention” (Syryh, 2014).

American authors often substituted the concept of “ideological activity” with that of “psychological influence.” This shift is linked to the widespread adoption of “de-ideologization” narratives. In international relations, the emphasis moved from ideological conflict to psychological (Levin & Tumanov, 1972:5) – and even cognitive (Miller, 2023; Reding & Wells, 2022) – dimensions of influence. Concurrently, the revival of militarism, the erosion of social protections, and growing intolerance toward alternative moral values began to undermine the liberal ideals that, according to Francis Fukuyama, had ostensibly triumphed globally (Mann, 2018:594). Within this context, the myth of the rule of law became a potent weapon in such struggles, helping bridge the gap between law “on paper” and its practical operation by creating an illusion of unity and coherence amid contradictions. At the same time, it sanitizes and lends moral legitimacy to often militarized, security-driven, or profit-oriented interventions, fostering the illusion that adherence to the “rule of law” will automatically bring development and humanism. Local elites invoke this myth to promise a better life and bolster their standing through global indices, while human rights workers and project staff use it as a coping mechanism to manage the cognitive dissonance between lofty goals and the harsh realities of compromise.

Any political or legal culture possesses its own “ritual formulas” and “magic spells” that are unconditionally accepted by its members. In the West, such “spells” include concepts like the “rule of law,”⁶ “human rights,” “freedom of speech,” “justice,” “democracy,” and others (Culadze, 2003:64). This situation is no coincidence, as the significance of the rule of law stems from the need for a legal-rational justification of political legitimacy. It performs a powerful symbolic and ritual function, participating in democratic reforms in nearly every country⁷.

Nevertheless, discussions about a crisis of the rule of law in the West have persisted for quite some time (McBride, 2009:305–315; Kajcsa, 2011:83–90; Ioannidis & von Bogdandy, 2014:59–96; Smith, 2019:561–576; Granat, 2023:1017–1034; Tushnet, 2017:17–45). It is important to note, however, that scholars have primarily examined the understanding of the rule of law that developed within the core countries of the capitalist system – namely the United States and Western Europe – during the Cold War era.

⁶ Most likely, the end of the “rule of law” pretense will also mean the abandonment of its accompanying rituals.

⁷ It is important to note that, to this day, the promotion of the rule of law is carried out through the “ritualized practices” of specialists (lawyers, development consultants) in special “transnational” spaces, often beyond the reach of local legal systems.

It is clear that there can be no end of ideology – only new ideological turns can emerge. Perhaps the next turn will be in the opposite direction, towards new forms of individualism or collectivism. For example, the rule of law today raises particular concerns within the framework of relatively new ideologies such as cosmopolitanism⁸.

Nevertheless, history is not over, nor is the need for ideology exhausted (Mann, 2018:595). It can be argued that humanity is living through one of those critical epochs in which old ideas are losing their hold on the masses while new ones have yet to fully form⁹. Most likely, the idea of the rule of law will share the fate of concepts like the “divine right of monarchs.” But before it finally loses its influence over the masses, it will undergo numerous transformations.

The Ideological Legitimation of the Rule of Law

Legitimation, in relation to the issues under consideration, refers to a set of beliefs about the reality and legitimacy of the rule of law. Most often, ideology functions as an element of legitimation for those in power and serves to justify the exploitation of the governed. It articulates the social conditions that sustain such exploitation possible. Typically, this occurs through the manipulation of social discourse, which becomes a component of ideological practices, of which law is a part. On this point, Professor C. Douzinas rightly observed that the claim that the law is value free is perhaps the strongest ideological ruse of our time (Douzinas, 2014:188).

The rule of law itself is a form of ideologeme, whose actual content has always been the cumulative result of struggle among various social forces. This polysemous and amorphous concept, situated between science and ideology, has most often gravitated towards the latter. Consequently, it is used to denote a range of formal rights and freedoms of citizens. Whether these rights and freedoms have substantive content, and to what extent, depends less on the rule of law as an abstract concept and more on the specific system of social interactions and the “addition and subtraction” of social interests allowed within the social system. As S. Rodin and T. Perišin note, “every legal norm is a product of a specific political conflict, in which one side won. Thus, legal norms represent the result of the distribution of power in the political battles that created these norms” (Rodin & Perišin, 2018:7).

In scientific and ideological theories, the concept of the rule of law is employed in political, legal, and moral dimensions. For example, in liberal-democratic societies, the rule of law was proclaimed one of the highest values and, consequently, a measure of progress (hence the formula “Law & Development”)¹⁰. According to this measure, Western societies assess the “acceptability” of other societies based on their readiness to adopt the values of “civilized” countries, effectively recognizing foreign Western legal institutions as benchmarks.

⁸ This ideology of ultimate assimilation of all nations into one, subservient to global finance capital, denies nations and national distinctiveness, postulates complete indifference to local culture, and rejects the very possibility of a unique mental makeup among people belonging to one or another nation. Naturally, in the process of this denial, the rights of nations to anything at all are negated, since their very right to exist is called into question. Nevertheless, cosmopolitanism is not entirely free from its roots in national ideology; while denying everything national, it still possesses a homogenized national culture at its core, which at present is Anglo-Saxon.

⁹ Durkheim termed such a period “anomie” (Durkheim, 1893). *The Division of Labor in Society*. The Free Press, New York.

¹⁰ Research in the field of “Law & Development” has traditionally been associated with developing countries.

One of the most significant shortcomings of the idea of the rule of law is its predominantly one-sided discourse in the realm of the “ought,” rather than the “is.” The idea of the rule of law inherently appeals to justice, and it is important to remember that “any law can be defined as unjust if one considers the circumstance that the ideal it seeks to realize does not coincide with the highest and absolute idea of justice” (Grinberg & Novikov, 1977:95), which is transcendental in nature. In other words, the rule of law can be understood as an idea of justice that can never be fully realized, as full realization lies beyond human capabilities. This theoretical position, often adopted by ruling powers, conveniently justifies injustice in practice.

Given that the rule of law in practice is ensured through the supremacy of the rights of the ruling minority, the essence of the problem lies not in a crisis of the rule of law *per se*, but in its development in ways that disadvantage this minority.

On the one hand, the idea of the rule of law can be viewed as a form of utopia. In this sense, it can have a constructive effect by inspiring the masses to challenge the existing legal order, question the principles organizing power, and reconsider the distribution of powers – while remaining a beautiful but unattainable ideal. This perspective recognizes that societies live in a world of ideological simulacra that, over time may approximate reality, for “reality never fully corresponds to the spiritual model that one wants to reproduce” (Grinberg & Novikov, 1977:336). Proponents of this view argue that the rule of law should be seen as an operative “meta-legal doctrine” (Hayek, 1960:151, 209), or, as Franz Leopold Neumann suggests, a secular, “quasi-natural legal doctrine” (Neumann, 1957:29–31).

On the other hand, the idea of the rule of law can serve to maintaining the status quo and preserve established power relations. In this respect, it becomes part of the dominant ideology, where its main purpose is not transformation but the stabilization of the existing legal system. Despite its “liberal origins,” today the idea aligns well with conservative ideologies, aiming primarily to uphold the political *status quo*¹¹. However, it remains connected to liberalism, since the *status quo* it protects is a liberal legal order in which government power is strictly limited and fundamental human rights are formally upheld as the highest value (van Klink, 2022:54). Thus, the growing contradictions between the “ideal” and the “real” within the rule of law concept characterize its ongoing evolution in modern liberal democracies.

The average person often finds it difficult to think rationally and tends to rely instead on the reaction and norms of their group – whether religious, political, ethnic, or interest-based. The inherently social nature of individuals, combined with a deep need for communication, makes loneliness particularly distressing and creates a powerful feeling of “lack of support.” Therefore, people overwhelmingly desire to align themselves with a widely accepted “general opinion,” to be on the “side of good,” and to support the rule of law.

This psychological phenomenon, however, has direct and dual consequences for the legal system. On the one hand, the need for collective identity and solidarity underpins the formation of legal consciousness and fosters respect for law as a shared social value. Law becomes that very “general opinion” and “side of good,” granting citizens a sense of security and belonging within a just order. On the other hand, this dynamic reveals a critical

¹¹ By their very nature, people tend to remain in a status quo situation. They do not always abandon it quickly because any change can be risky and/or require effort. In this context, the idea of the rule of law acts as a defense mechanism in mass psychology. For example, refer to: (Baddeley, 2023).

vulnerability: when group narcissism intensifies, the group begins to perceive its norms and values as superior and exclusively correct. This creates fertile ground for legal nihilism, the justification of unlawful actions “for the good of the group,” and the construction of an “enemy image” targeting those outside the group, ultimately undermining the foundations of the rule of law. According to Erich Fromm (Fromm, 1973:178), in such groups even the most insignificant and downtrodden individual can rationalize their condition by saying: “After all, I am part of the magnificent whole of the best group in the world. And although in reality I am just a miserable worm, thanks to my belonging to this group I become a giant.”

Thus, the primary function of the rule of law as an ideologeme is to promote social integration, ensuring the identity of a group or community. What unites citizens under the rule of law is recognition of legal authority and respect for existing political-legal institutions. This connection may be fragile but should not be underestimated, as it divides “us” and “them.”

Nevertheless, within this ideologeme, citizens do not share a common ultimate goal or a clear vision of the future, unlike in many other ideologies; rather they are committed to a particular form of power organization.

The idea of the rule of law is sometimes presented as the culmination of Western civilization’s development, to which everyone outside must adapt. In such cases, the rule of law functions as a conservative ideologeme, contradicting its original open and pluralistic character. This arises because value orientations inherent in ideology often generate intolerance towards other ideals and absolutes (Gurevich, 1983:154). This can be seen as the cost of the rule of law being perceived as a dogma – that is, as a fixed set of immutable theses claiming absolute truth.

On one hand, law is often viewed as a mere transmitter of the dominant ideology established in the economic sphere and filtered through political structures. This perspective suggests there is no separate “legal ideology.” Yet it is logical to argue that the legal form itself requires a “residual” ideology that coexists alongside the dominant ideology within law. The “residual” legal ideology primarily consists of so-called “empty signifiers”¹², such as “legality,” “justice,” or “rule of law.” Its main function is to support the continued existence of the legal field and endow it with priority and legitimacy over other institutional forces.

Developing this thesis leads to a paradoxical conclusion: “law occupies a central place in ideology” (Douzinas & Gearey, 2005:221), and simultaneously, “ideology occupies a central place in law.” This duality is crucial for a critique of ideology within the legal field, which must account for the coexistence of the dominant ideology (ideology in law) and the ideology inherent in the legal form (legal ideology). Each deserves separate critique, especially since dominant ideologies evolve over time, while the ideology of the legal form tends to remain constant (Sulikowski et al., 2020:17–40).

The Myth of the Rule of Law in Mass Psychology

The transformation of bourgeois ideology into mythology was facilitated by the widespread dissemination of irrationalism, which replaced the rationalism (adherence to

¹² In the terminology of the Argentine political philosopher Ernesto Laclau, the “rule of law” can be classified as an “empty signifier.” An “empty signifier” is a kind of “signifier without a signified.” Laclau explains that the temporary filling of such categories is the result of political competition. For example, refer to: Ernesto Laclau, *Emancipation(s)* (London-New York: Routledge, 2007), p. 36.

higher values) characteristic of the period when capitalism was forming. According to Max Weber, irrationality becomes most evident on the eve of major economic crises and world wars. This process was an ideological reflection of changes in social reality. Since the mid-19th century, irrationalism has been a distinctive feature of bourgeois consciousness, serving as a philosophical expression of the crisis of bourgeois ideology (Gurevich, 1983:7).

At the beginning of its history, the rule of law was perceived as a state of society where a “transition from royal sovereignty of divine origin to national sovereignty” had been accomplished (Agamben, 2011:163). On one hand, the institutionalization of the rule of law is associated with the dismantling of mythical and sacral representations in the political-legal sphere (Hubner, 1996:332). On the other hand, during its period of triumph, this idea became surrounded by numerous idealistic conjectures. Although, like any ideology, it only indirectly reflects accurate knowledge about society, state, and law – compensating for this deficiency through beliefs, conjectures, and theories – the idea of the rule of law still mobilizes strong emotions and messianic hopes. In their pursuit of the rule of law, peoples overthrew regimes deemed dictatorial or incompetent, but the masses rarely agreed on which regimes should replace them. The average person could hardly articulate a clear idea of the rule of law, the rule-of-law state, or civil society.

For a political regime to function effectively, “it must itself be perceived by citizens as a proper form of government” (Held, 2014:269). The “strength” of the ruling minority as a source of social influence is largely determined by how it is perceived by others. Studies have shown that this “strength” increases when the behavior of the minority is seen as autonomous and independent (Nemeth & Wachtler, 1973:65–79).

According to Professor Ofer Sharone of the University of Massachusetts Amherst, the rule of law is a powerful mass illusion, analogous to religion in its psychological origins and functions. Applying Freud's analysis of religious illusion to the rule of law, Sharone argues that the rule of law serves as an abstract substitute for the father, mediated by judges, just as God is mediated by priests (Sharone, 1994:329–378). However, the sacralization of law is real only when it is completely separated from politics. In this respect, legal norms erase the roots of their “political” genesis, as political decisions cannot preserve the symbolic appearance of the sacred without contradicting the thesis of “rule of law, not men.” This arrangement creates a form of communication between an abstract legislator and an abstract citizen, leaving no place for political discourse. Consequently, the ruling minority also acquires a property of impersonality. Thus, a clear line is drawn in the mass consciousness between law and politics, with the thesis of the impersonal nature of “ruling” law becoming the basis for manipulations, making “any thought in the direction of politics, to one degree or another clearly formulated, unthinkable” (Ellul, 2023:64).

In the work of Roland Barthes (Barthes, 1996:312), myth is understood as a “semiological system that strives to turn history into nature.” In this context, Barthes's deconstruction of myth can be successfully applied to the rule of law, aiming to reveal the rhetorical figures that make it simultaneously persuasive and ideologically charged:

1. According to Barthes, “vaccination” as the measured admission of imperfection involves acknowledging accidental evil to better conceal fundamental evil. A vivid example is the activity of the U.S. Supreme Court, which may recognize and correct individual “errors” or “excesses” of the system. This role functions as a “vaccinator”: a small dose of criticism and self-correction strengthens the immunity of the entire system, creating an illusion of fundamental self-sufficiency, criticality, and capacity for correction.

Meanwhile, systemic contradictions and structural violence inherent in the law of a particular state remain unnoticed.

2. The rule of law often appears in discourse as an abstract, metaphysical ideal divorced from its real history, expressed through interruptions and reinterpretations. Its content has radically changed depending on political interests: in some eras, it protected freedoms; in others, it masked repression. However, a “de-historicized” approach allows it to be presented as a universal and apolitical value, rather than as a product of specific historical events such as struggles for power, colonial projects, class compromises, and unique cultural traditions (Holterhus, 2018:4).

3. A complex and multifaceted cultural phenomenon like the rule of law is often reduced to a set of identical and unquestionable clichés: “the rule of law is freedom,” “the rule of law is the protection of human rights,” “the rule of law is the triumph of justice,” and so forth. This reduction enables the term to be easily manipulated for political purposes, labeling some states as “civilized” (aligned with these clichés) and others as “backward” or “despotic” (attributing to them the exoticism of arbitrariness).

4. The interpretation of the concept of the “rule of law” frequently employs a “zero degree of argumentation,” where a concept is explained by itself to avoid substantive content. In discourse, this manifests as circular definitions and tautologies such as “the rule of law is the rule of law,” “the dominion of law,” or “subordination to law.” These formulations create an illusion of meaning yet evade critical questions like: *which specific law? And in whose interests?* Tautology thus serves as a rhetorical device that halts critical thought.

5. The rule of law is a context-dependent ideal (Wendel, 2012); however, Barthes’ concept of the “quantification of quality” reduces any quality to quantity to comprehend reality “more cheaply,” avoiding its complexity. The most complex social phenomenon – including history, culture, legal consciousness, and informal practices – are thereby reduced to numerical indicators. This creates an illusion of objectivity and comparability but impoverishes the concept’s content, stripping it of both its normative and contextual dimensions. The proliferation of global rule of law indices illustrates this tendency most vividly.

6. A social myth often takes the form of a statement or maxim that conceals its human origin and presents the world as given. The classic maxim “the rule of law, not men” exemplifies this. It masks the fact that law is created, interpreted, and applied by specific people within specific power institutions. This myth conceals law’s human (and thus potentially erroneous, self-interested, political) dimension, creating an image of law as superhuman, nearly divine in its objectivity and neutrality.

The conducted analysis demonstrates that the rhetoric of the rule of law abounds with figures described by Roland Barthes in his analysis of the myth. The function of the myth of the rule of law is not to obscure the concept, but to impoverish it, dehistoricize it, and ultimately legitimize it, making its content acceptable and even beneficial to a select group of people. In this way, the historically formed and politically engaged project known as the “rule of law” is transformed into something self-evident, eternal, and beyond criticism. Only a critical perspective on the myth of the rule of law allows us to restore its historicity, complexity, and political nature.

The myth of the rule of law positions law as part of an illusion of a linear, technocratic, apolitical process of reforms, thereby hiding the complexity, politics, and distributive

conflicts involved. Simultaneously, it positions law as the sole legitimate and necessary social regulator for economic growth, displacing or subordinating other social norms.

Therefore, two distinct understandings of the rule of law should be distinguished based on social position: the understanding held by elites and that held by the rest of the population, since both the governed and the ruling are subject to the influence of ideology. In this sense, every state is limited by the ideology of the ruling classes, as well as by ideological ideas so deeply rooted in the consciousness of the broader masses that ruling circles dare not ignore them for fear of jeopardizing their own domination (Levin & Tumanov, 1972:4–5).

One can agree with G. Le Bon that the number of guiding ideas in every civilization is always very small (Lebon, 2023:125), and the idea of the rule of law can undoubtedly be considered as one of these. However, an idea influences behavior only after it descends to the level of feelings – in that stable and unconscious region where the motives of our actions are formed (Lebon, 2023:127). As Erich Fromm (Fromm, 1950:32) noted, a collectively shared attitude, even if irrational, provides individuals with a sense of community, security, and stability. Thus, the strength of the idea of the rule of law lies not only in its normative content but also in its ability to take root in the collective unconscious as the socio-psychological foundation of the legal order.

Analyzing the genesis of any idea, Gustave Le Bon notes that an idea must first be accepted by a small number of “apostles,” whose faith or authority confers great prestige (Lebon, 2023:129). Such individuals can include, for example, the Founding Fathers of the United States; otherwise, how can one explain that 55 wealthy white men adopted a Constitution claiming to establish the most democratic state in the world?¹³

If over a long period the idea has “crystallized” and penetrated the masses, it then forms a kind of dogma – an absolute truth rarely contested. For any political power, it is fundamentally important to activate infantile reactions and scenarios, where the true nature of socio-economic and political processes is obscured by images, myths, and simulacra. One can agree with Professor N.A. Vlasenko that the debate over whether to enshrine ideological foundations (ideas of duty, patriotism, justice, etc.) in law is ultimately inconsequential, as authorities will find effective ways to introduce ‘necessary’ ideas to the masses regardless (Vlasenko, 2022:55). This is largely because most people accept established ideas transmitted by public opinion and upbringing without critical reflection (Lebon, 2023:136). Once an idea has triumphed and entered the realm of feeling, it remains protected from encroachment, even scientific critique (Lebon, 2023:131). Simultaneously, the term “rule of law” can serve as a tool for devaluing critical thinking, as propaganda language evokes feelings that produce not only thoughts but reflexive responses.

The polemics surrounding the rule of law exemplify the kind of pervasive but hard-to-identify propaganda that Jacques Ellul described. The terms expressing the properties of the rule of law are difficult to articulate clearly. Agreeing with Ellul that the presence or absence of the rule of law feels like a societal “climate” or “atmosphere”, one can conclude that this propaganda ensnares individuals through morals and customs, often without their awareness. The idea of the rule of law, when internalized by the masses, creates new habits that become internal convictions. People grow accustomed to new criteria for judgment and choice and develop an illusion that they have personally justified these attitudes. Yet,

¹³ The draft of the US Constitution was signed by only 39 delegates.

as Ellul asserted that in this new attitude there is something special: it completely coincides with what is generally accepted in this society; it is collective (Ellul, 2023:66).

This is why two aspects should be distinguished in the idea of the rule of law. One aspect is connected with the rational cognition of the social world, involving various kinds of theoretical judgments about how it should be improved at different stages of history. The other aspect is equally tangible and related to those characteristics that reflect the sensory side of human existence. Emotions, by limiting cognitive abilities, also play a critical role in decision-making, productivity, and general well-being.

In this debate, Professor Hilliard Aronovitch (Aronovitch, 2007:790) of the University of Ottawa and Professor Martha Nussbaum (Nussbaum, 2004:65) of the University of Chicago have taken a “cognitivist” position, viewing emotions not as blind feelings but as a form of judgment or appraisal (for example, anger is a judgment that one has been treated unjustly). Neuroscience research by Antonio Damasio (Damasio, 1994; Damasio, 1999) demonstrates that the ability to assign value and make choices is closely linked to emotions, suggesting that without emotions, rational thinking cannot function fully. However, judgments contained in emotions differ from deliberate, articulated judgments, raising the question of the extent to which we are responsible for them.

Professor Helena Whalen-Bridge of the National University of Singapore (NUS) Law School argues that developing a concept integrating rationality and emotions is necessary to protect and maintain the rule of law. In particular, positive emotions such as hope and secular faith play key roles in countering cynicism and despair, which otherwise paralyze citizens’ will to fight for a just legal system (Whalen-Bridge, 2025:3).

Conclusion

In this respect, the idea of the rule of law, within its psychological dimension, is represented by a constant shift in the balance between rational and sensory aspects of implementation, which is reflected in the perception of the concepts “rule of law” and “rule by law.” In the case of the rule of law, the sensory aspect typically dominates and people feel that one can or cannot act in certain ways primarily under the influence of emotions. In contrast, the perception of “rule by law” shifts the balance toward a more rational and critical understanding of a complex, polysemous reality.

Even when criticizing the idea of the rule of law as a social myth, it is important to remember that social mythology is not simply a product of errors or ignorance. It is a form of semantic construction, and with historical records of these phenomena, we can retrospectively understand how the structures of earlier legal consciousness functioned and developed. In this respect, myth carries value, as changing its social environment – the general and transient system in which it is placed – allows for precise regulation of its effects. Understanding the mythology of the rule of law does not absolve us of moral responsibility, but instead helps us soberly assess the idea’s possibilities and limitations, manage expectations, and avoid self-deception in its promotion.

References / Список литературы

- Agamben, G. (2011) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Trans. Levina, I. Moscow, Europa Publ. (in Russian).
Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Джордж Агамбен ; [пер. с итал.: Изабелла Левина и др.]. М. : Европа, 2011. 250 с.
Arendt, H. (1993) *Between Past and Future*. New York, Penguin Publ.

- Baddeley, M. (2023) *Behavioural Economics: A Very Short Introduction*. Trans. Shilova, N.V. & Ageeva, I.M. In: Levin, M.I. (ed.) Moscow, Delo Publishing House. (in Russian).
Бэддели М. Поведенческая экономика: очень краткое введение / пер. с англ. Н.В. Шиловой, И.М. Агеевой ; под науч. ред. М.И. Левина. М. : Дело, 2023. 206 с.
- Barthes, R. (1996) *Mythologies*. Trans. Zenkin, S. Moscow, Sabashnikov Publ. (in Russian).
Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 313 с.
- Damasio, A.R. (1994) *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. New York, G.P. Putnam Publ.
- Damasio, A.R. (1999) *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. New York, Harcourt Brace Publ.
- Douzinan, C. (2014) A Short History of the British Critical Legal Conference or the Responsibility of the Critic. *Law and Critique*. 25 (2), 187–198. <https://doi.org/10.1007/s10978-014-9133-9>
- Douzinan, C. & Gearey, A. (2005) *Critical Jurisprudence: The Political Philosophy of Justice*. Oxford, Hart Publ.
- Durkheim, E. (1893) *The Division of Labor in Society*. New York, The Free Press.
- Ellul, J. (2023) *The Phenomenon of Propaganda*. Trans. Sharikova, G. Saint Petersburg, Aletheia Publ. (in Russian).
Эллюль Ж. Феномен пропаганды / пер. с франц. Г. Шариковой. Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. 410 с.
- Fisher, M. (2014) *Ghosts of My Life: Writings on Depression, Hauntology and Lost Futures*. Alresford, John Hunt Publ.
- Fry, T. (2023) *Defuturation: A New Design Philosophy*. Trans. Koroleva, A. Moscow, Delo Publishing House. (in Russian).
Фрай Т. Дефутурация. Новая философия дизайна / пер. с англ. Алексея Королева. М. : Дело, 2023. 486 с.
- Fromm, E. (1973) *The anatomy of human destructiveness*. New York, Holt, Rinehart and Winston Publ.
- Fromm, E. (1950) *Psychoanalysis and Religion*. New Haven, Yale University Press.
- Fukuyama, F. (1989) The End of History? *The National Interest*. 16, 3–18.
- Grinberg, L.G. & Novikov, A.I. (1977) *A Critique of Modern Bourgeois Conceptions of Justice*. Leningrad, Nauka Publ. (in Russian).
Гринберг Л.Г., Новиков А.И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. АН СССР, Ленингр. кафедра философии. Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1977. 171 с.
- Gurevich, P.S. (1983) *Social Mythology*. Moscow, Mysl Publ. (in Russian).
Гуревич П.С. Социальная мифология. М. : Мысль, 1983. 175 с.
- Hayek, F.A. (1960) *The Constitution of Liberty*. Chicago, University of Chicago Press.
- Held, D. (2014) *Models of Democracy*. 3rd ed. Trans. Rudakova, M. Moscow, Delo Publishing House, RANEP. (in Russian).
Хелд Д. Модели демократии ; пер. с англ. М. Рудакова ; Российская акад. народного хозяйства и гос. службы при Президенте Российской Федерации. 3-е изд. М. : Издат. дом Дело, 2014. 539 с.
- Hilliard, A. (2007) The Role of Emotions in the Rule of Law. *University of Toronto Law Journal*. 57, 781–794. <https://doi.org/10.3138/utlj.57.4.781>
- Holterhus, T. (2018) The History of the Rule of Law. *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*. 17 (1), 133–152. <https://doi.org/10.1163/15718034-12341354>
- Humphreys, S. (2010) *Theatre of the Rule of Law: Transnational Legal Intervention in Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511732393> EDN: QSSXCR.
- Hübner, K. (1996) *The Truth of the Myth*. Trans. Kasavina, I. Moscow, Respublika Publ. (in Russian).

- Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. ; ст. И. Касавина. М. : Республика, 1996. 447 с.
- Jugert, P. & Duckitt, J.H. (2009) A Motivational Model of Authoritarianism: Integrating Personal and Situational Determinants. *Political Psychology*. 30, 693–719. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00722.x>
- Lebon, G. (2023) *The Psychology of Peoples and Masses*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
- Лебон Г. Психология народов и масс. М. : АСТ. 384 с.
- Levin, I.D. & Tumanov, V.A. (eds.) (1972) *The Ideological Activity of the Modern Imperialist State*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
- Идеологическая деятельность современного империалистического государства / [Отв. ред. д-ра юрид. наук И.Д. Левин и В.А. Туманов]; АН СССР. Ин-т государства и права. М. : Наука, 1972. 234 с.
- Mann, M. (2018) *The Sources of Social Power*. Vol. 4. Globalizations, 1945–2011. In: Karasev, D.Yu. (ed.) 2nd ed. Trans. Guskova, A., Kolomiysa, S. & Levchenko, O. Moscow, Delo Publishing House. (in Russian).
- Манн М. Источники социальной власти. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы / пер. с англ. А. Гуськова, С. Коломийца, О. Левченко; под науч. ред. Д.Ю. Карасева. 2-е изд. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 672 с.
- Nemeth, C. & Wachtler, J. (1973) Consistency and modification of judgement. *Journal of Experimental Social Psychology*. 9, 65–79.
- Neumann, F. (1957) The Change in the Function of Law in Modern Society. In: Marcuse, H. (ed.) *The Democratic and the Authoritarian State*. Glencoe, IL, Free Press Publ., pp. 22–68.
- Nussbaum, M. (2004) *Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
- Rodin, S. & Perišin, T. (eds.) (2018) *The Transformation or Reconstitution of Europe: The Critical Legal Studies Perspective on the Role of the Courts in the European Union*. Portland, Hart Publishing.
- Scarry, E. (2018) *The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World*. New York, Oxford University Press.
- Sharone, O. (1994) Freud and the Rule of Law. *The Journal of Psychiatry & Law*. 22 (3), 329–378. <https://doi.org/10.1177/009318539402200302>
- Sighele, S. (2011) *The Criminal Crowd: An Experiment in Collective Psychology*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ. (in Russian).
- Sulikowski, A., Mańko, R. & Łakomy, J. (eds.) (2020) *Legal Scholarship and the Political: In Search of a New Paradigm*. Warszawa, C.H. Beck Publ.
- Syrykh, V.M. (2014) A Critique of the Critics of Marxist Legal Theory. *Kritika Prava*. Available at: https://kritikaprava.org/library/6/kritika_kritikov_marksistskoj_teorii_prava [Accessed 8th October 2025]. (in Russian).
- Taylor, V.L. (2019) The Mythology of (Rule of) Law. *Hague Journal on the Rule of Law*. 11, 331–339. <https://doi.org/10.1007/s40803-019-00123-0>
- Tsuladze, A.M. (2003) *Political Mythology*. Moscow, Eksmo Publ. (in Russian).
- Цуладзе А. Политическая мифология. М. : ЭКСМО, 2003. 382 с.
- van Klink, B. (2022) The rule of law: Between ideology and utopia. *Utopian Thinking in Law, Politics, Architecture and Technology*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publ., pp. 47–64.
- Vlasenko, N.A. (2022) *The Modern Russian State. Essays*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А. Современное российское государство : очерки. М. : Норма, 2022. 148 с.
- Wendel, W.B. (2012) Political Culture and the Rule of Law: Comparing the United States and New Zealand. *SSRN*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2103357> [Accessed 8th October 2025].
- Whalen-Bridge, H. (2025) The Role of Emotions in Sustaining the Rule of Law. *Law, Culture and the Humanities*. 0(0). <https://doi.org/10.1177/17438721251362360>

About the author:

Ruslan M. Allalyev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public and International Legal Support for National Security, Faculty of Fuel and Energy Complex Integrated Security, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University); 65, Building 1, Leninsky Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0334-6862; SPIN-код: 4109-5931

e-mail: Allalyev_rm@pfur.ru

Сведения об авторе:

Алалыев Руслан Мурадович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности, факультет комплексной безопасности ТЭК, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина; 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 65, стр. 1

ORCID: 0000-0002-0334-6862; SPIN-code: 4109-5931

e-mail: Allalyev_rm@pfur.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-852-868>
EDN: LBQJQS

Научная статья / Research Article

Прагматика метафоры в языке права: гносеологический аспект

И.А. Ярошук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация
 yaroshchuk@bsuedu.ru

Аннотация. Язык права определяется в качестве естественного, самостоятельного регулятора и репрезентанта элементов правовой системы, государственно-правовых реалий, лексический аппарат которого структурируется не только посредством слов с прямым значением, но и с помощью лингвистических продуктов вторичного семиозиса, в частности, метафоры. Проблема использования метафоры в языке права является малоизученной в силу того, что вопрос о допустимости метафоры в юридической науке стоит достаточно остро и решается, как правило, не в пользу данного языкового явления как полноценной единицы лексической системы права. Цель исследования – анализ прагматического потенциала метафоры в языке права в качестве средства юридической техники в условиях нейтрализации ее экспрессивных коннотаций и приобретения данным языковым явлением статуса стереотипного выражения за счет активизации гносеологической функции. Методологическая база представлена лингво-юридическим, логико-языковым методом, методом исторического, системного и контекстуального анализа. Констатируется, что метафора – одно из ведущих логико-языковых средств в праве и юридической науке, которое в силу активизации своего прагматического и гносеологического потенциала в строгих контекстуальных условиях обеспечивает смысловую доступность абстрактных понятий правовой действительности, позволяет апеллировать априорными началами права, делая текст нормативного документа доступным для понимания. Будучи прочно закрепленными в понятийно-языковой системе права, метафоры с учетом частотности употребления обретают свою собственную «жизнь». Без отдельных метафор уже невозможно восприятие правовой действительности, равно как и реализация научно-правового познания в целом («правовое пространство», «правовая материя» и др.). Метафоры в праве репродуцируются, как правило, в виде идиоматизированных лексических единиц терминологического уровня. Оказывая прямое влияние на формирование юридических понятий, метафора ориентирует на известный опыт и за счет наделения объекта правовой регламентации конкретными признаками способствует его адекватному интерпретированию. Формулируется вывод, что прагматический потенциал метафоры в аспекте ее гносеологической функции является одним из ведущих критериев использования данного лексического феномена в качестве логико-языкового средства моделирования текста права.

Ключевые слова: правовой текст, средство юридической техники, метафорическая модель, гносеологическая функция метафоры, прагматическая функция метафоры

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ярошук И.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Статья является продолжением исследования метафоры в праве: Ярошук И.А. Метафоры в праве: методологические основания исследования // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 3. С. 596–610; Ярошук И. А. Метафора в языке права: условия допустимости // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2023. Т. 48. № 4. С. 726–734; Ярошук И. А. Метафорическая модель семантизации идей права // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 1. С. 29–44.

Поступила в редакцию: 19 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Ярошук И.А. Прагматика метафоры в языке права: гносеологический аспект // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 4. С. 852–868. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-852-868>

The Pragmatics of Metaphor in the Language of Law: Gnoseological Aspect

Inna A. Yaroshchuk

Belgorod State National Research University, *Belgorod, Russian Federation*

 yaroshchuk@bsuedu.ru

Abstract. The language of law functions as a natural, independent regulator and representative of elements within the legal system and state-legal realities. Its lexical apparatus is structured not only by words with direct meanings but also by linguistic products of secondary semiosis, particularly metaphor. The use of metaphor in legal language remains understudied, largely because its admissibility in legal science is a pressing issue generally resolved against recognizing metaphor as a full-fledged unit of the legal lexical system. This study aims to analyze the pragmatic potential of metaphor in legal language as a tool of legal technique focusing on the neutralization of its expressive connotations and its acquisition of stereotypical status through the activation of its epistemological function. Methodologically, the research employs linguo-legal, logical-linguistic methods, and historical, systemic, and contextual analysis. It is argued that metaphor is among the leading logical-linguistic devices in law and legal science. By activating its pragmatic and epistemological potential under strict contextual conditions, metaphor ensures the semantic accessibility of abstract legal concepts, appeals to a priori legal principles, and enhances the comprehensibility of normative texts. Firmly embedded in the conceptual-linguistic system of law, metaphors, due to their frequent use, acquire a “life” of their own. Without certain metaphors, understanding legal reality and achieving scientific-legal knowledge would be impossible; expressions such as “legal space” and “legal matter” exemplify this. In law, metaphors are typically reproduced as idiomatic lexical units at the terminological level, influencing the formation of legal concepts by orienting understanding toward known experiences and endowing regulated objects with specific characteristics for adequate interpretation. It is concluded that the pragmatic potential of metaphor, particularly epistemological function is one of the leading criteria for the use of this lexical phenomenon, is among the primary criteria justifying its use as a logical-linguistic means of legal text modeling.

Key words: legal text, means of legal technique, metaphorical model, epistemological function of metaphor, pragmatic function of metaphor

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

This article is a continuation of the study of metaphor in law: Yaroshchuk, I. A. (2022) Metaphors in law: methodological grounds for research. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 596–610; Yaroshchuk, I. A. (2023) Metaphor in the language of law: conditions of admissibility. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. 48 (4), 726–734; Yaroshchuk, I. A. (2024) Metaphorical model of semanticization of ideas of law. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 29–44.

Received: 19th February 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Yaroshchuk, I.A. (2025) The Pragmatics of Metaphor in the Language of Law: Gnoseological Aspect. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 852–868. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-852-868>

Введение

Проблема, концентрирующая наш исследовательский интерес, связана с осмыслением прагматического потенциала метафоры в языке права с позиций гносеологического аспекта как ведущего критерия ее допустимости. Традиционное научно-правовое «игнорирование» метафоры в качестве логико-языкового средства юридической техники во многом определяется имеющимися методическими правилами и рекомендациями, соблюдение которых диктует запрет на использование изобразительно-выразительных средств (эпитетов, метафор, гиперболов и др.) в текстах законодательных актов¹. Однако обращение к современному законодательству репрезентирует парадоксальную картину: частые отступления от рекомендаций строгой лексической селекции юридического языка. В частности, не реализуется требование исключения стилистических фигур и тропов, среди которых – метафоры. Метафоры в праве обладают важным свойством: зачастую законодатель использует их, не осознавая этого, так как метафоры прочно интегрированы в понятийный аппарат права, наполненный явными и завуалированными метафорами.

Парадоксальность ситуации нивелируется более глубоким научно-лингвистическим ракурсом анализа рассматриваемой проблемы. Результаты исследований, представленные работами ученых, репрезентируют подход, согласно которому наличие метафоры в правовом тексте является скорее закономерностью, чем исключительным случаем. И это, на наш взгляд, напрямую связано с реализацией гносеологического и прагматического потенциала метафорической концептуализации языка права, когда интерпретация правовых явлений осуществляется на основе уже имеющихся знаний, закрепленных за определенными языковыми структурами. О метафоре как языковом явлении, обладающем гносеологическими возможностями, писал Г.Г. Кулиев, отмечая, что «метафора «вычерпывает» фундаментальную информацию из глубинных уровней субъективного мира и трансформирует в объективированные формы знания (теорию, модель)» (Kuliev, 1987:131).

Метафора – один из важнейших логико-языковых феноменов в праве и юридической науке, наряду с гносеологической функцией выполняющее прагматическую функцию: номинируя правовые реалии, позволяет обратиться к общему для нормодателя и реципиента фонду знаний, формируя тем самым общий семантический остоу, с опорой на который осуществляется понимание сложных правовых реалий («политическое убежище», «подрыв безопасности государства», «разжигание межнациональной розни» и др.).

¹ П. 20 Приказа Минюста РФ № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 51 от 10.01.2001 «Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти»; п. 3.24 Рекомендаций по подготовке и оформлению проектов Федеральных законов: Письмо Министерства юстиции РФ (Минюст России) от 23 февраля 2000 г. № 1187-ЭР и др.

На наш взгляд, исследование метафоры в языке права как языкового феномена, реализующего свой гносеологический и прагматический потенциал, должно осуществляться с позиций метатеоретического уровня познания, учитывающего комплекс универсальных принципов, норм и идеалов, составляющих основы фундаментальных положений научных теорий. Метафора синтезирует уровни сознательного и бессознательного, мышление и внешний мир, выступая тем однородным массивом действительности, который, в соответствии с феноменологией Мартина Хайдеггера, является «предобъектным», формирующим базисом всех способов познавательной деятельности (Heidegger, 1970).

Исходя из вышесказанного, полагаем, что строгое следование правилу о запрете использования метафоры не всегда возможно и целесообразно. Более того, метафоры в языке права обеспечивают реализацию таких обязательных требований, как точность и ясность.

Базисные понятия исследования

Язык права. Разделяя научный подход А.С. Пиголкина, А.Ф. Черданцева, Н.А. Власенко, М.В. Баранова, занимающего традиционно-лидирующие позиции в обосновании самодостаточной роли языка права в структурировании законодательной и правовой системы в целом, определим существование двух ключевых понятий – «правовой язык» и «язык права» (Vlasenko, 2022:14). В первом случае речь идет о лексическом потенциале юриспруденции в целом, о так называемом метаязыке (языке науки и юридической практики), в котором находит свое отражение язык права как объектный язык, представляющий собой обязательный компонент самого права и реализующий таким образом один из его смысловых ракурсов. Язык права является составляющим звеном правовой лингвистической цепи правового языка, он свойственен юридической науке в целом. Его исследованием занимались и продолжают заниматься такие ученые, как А.Ф. Черданцев (Cherdantsev, 2012), А.С. Пиголкин (Pigolkin, 1990), Н.А. Власенко (Vlasenko, 2022), А.Н. Шепелев (Shepelev, 2002), Г.Т. Чернобель (Shepelev, 2017), Е.А. Крюкова (Kryukova, 2003), В.Ю. Туранин (Turanin, 2017), Т.В. Губаева (Gubaeva, 1996) и др. Исследователи сосредотачивают свое внимание на отдельных аспектах языка права, начиная с его терминологической и лексической системы в целом, заканчивая исследованием стилистических и синтаксических условий его функционирования.

В рамках семиотического подхода, предоставляющего широкий инструментарий для анализа языка как сложной структуры знаков, состоящей из взаимосвязанных элементов, такой специфический объект исследования, как язык права, рассматривается нами в качестве системы, конструируемой посредством языковых знаков, являющихся материальными носителями идеальных сущностей. Заимствованные и актуализированные семиотикой такие понятия структурализма и постструктурализма, как конструкция, конструирование, деконструкция, имеют прямое отношение к пониманию смысла языковых выражений в праве.

Текст права. Понятие текста права не является тождественным понятию языка права, поскольку это «одна из жизненных форм права» (Vlasenko, 2022:15). Текст права рассматривается нами в качестве формы проявления права, способа его выражения. К правовым текстам относим: нормативные и индивидуальные правовые акты, комментарии к Конституции Российской Федерации и т.д.

Концептуальная метафора. Процесс концептуализации при формировании языковой системы права представляет собой сложную ментальную процедуру, задействующую универсальные метафорические модели, поэтому в качестве основы методологической теории анализа метафоры в праве нами принимается теория концептуальной метафоры, впервые представленная Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном (Lakoff, 2004). В соответствии с научной позицией указанных авторов, а также целого ряда исследователей (Chudinov, 2001; Mishankina, 2010), концептуальную метафору мы понимаем в качестве основанной на аналогии фундаментальной когнитивной модели, посредством которой осуществляется познание объектов, явлений, отношений действительности с опорой на знания о других объектах, явлениях, отношениях действительности, как «устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языковой и культурной традиции данного общества» (Lakoff, 2004:11). Данная модель получает свое регулярное выражение в языке права в виде системы метафорических номинаций. При этом концептуальная метафора получает широкие возможности языковой реализации, участвуя в выстраивании текста нормативно-правового акта.

В статье исследование метафоры осуществляется с позиций ее функционального аспекта в русле теории блендинга, или теории концептуальной интеграции, разрабатываемой с середины 90-х гг. XX века М. Тернером и Ж. Фоконье (Lakoff, 1998:133–187) на основе теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, отдельные положения которой подвергались переоценке. При этом понимание самого процесса метафоризации не ограничиваем смысловой проекцией из сферы-источника в сферу-мишень. Мы рассматриваем процесс метафоризации как включающий в себя формирование смешанных ментальных пространств, генерирующих новые смыслы в последовательности стадий концептуальной интеграции.

Продemonстрируем метафорическую модель нескольких пространств (manuspace model) теории блендинга М. Тернера и Ж. Фоконье на примере анализа метафоры «смягчение наказания» («Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания²»). Смягчение наказания – назначение виновному лицу менее строгого наказания или минимального наказания в пределах санкции статьи, по которой квалифицируется преступление.

«СМЯГЧЕНИЕ – процесс действия по гл. «смягчить».

СМЯГЧИТЬ

1. что. Сделать более мягким, гибким, лишив жесткости, грубости. Смягчить кожу выделкой.

2. перен., что. Придать более легкую форму, сделать менее суровым, менее тяжелым. Смягчить приговор. Смягчить вину.

3. перен., что. Ослабить, умерить. Смягчить боль.

|| перен. Укротить, умерить; Сделать более мягким, кротким. Смягчить гнев. Смягчить жестокость. Смягчить сердце».³

«НАКАЗАНИЕ

1. Процесс действия по знач. глг.: наказать.

² Ст. 50 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.

2. Мера воздействия против совершившего преступление, проступок; взыскание, налагаемое на него; кара. // перен. Расплата, возмездие.

3. перен. разг. Что-л. тягостное, неприятное для кого-л.». ⁴

Лексикографический анализ репрезентирует, что в понятие «смягчение наказания» словоформа «смягчение» включается в переносном лексико-семантическом варианте – «придать более легкую форму, сделать менее суровым, менее тяжелым».

Для объяснения сложного комплекса процессов метафоризации рассматриваем четыре ментальных пространства:

а) два исходных пространства (input space), которые соотносятся:

– со сферой-источником (действие по глаголу «смягчить»);

– со сферой-мишенью (мера воздействия против совершившего преступление);

б) общее метафорическое пространство (generic space) содержит наиболее абстрактные элементы, присущие обоим исходным пространствам. В нем концептуальная интеграция сопровождается фузией (fusion) элементов исходных пространств.

в) смешанное пространство (blended space) – итоговый метафорический блэнд («смягчение наказания») представляет некий «сплав», соотносимый и исходными пространствами.

Метафорическая модель. Уместность употребления термина «модель» обусловлена возникновением концепции языкового миромоделирования, суть которой заключается в том, что наше сознание не перцепирует действительность непосредственно, восприятие мира обладает модельной природой, опосредующей объективную реальность и человека. Принцип объективности мира есть результат схожести данной модели мира у членов социальных групп, во многом определяемый общностью языка.

Идея о различном видении мира, о специфике и вариативности его восприятия для целой этнической группы берет свое начало в лингвофилософских рассуждениях И.Г. Гердера: «...Каждый народ... говорит так, как думает, а думает так, как говорит <...> Каждая мысль зависит от языка, на котором она формулируется» (Herder, 1985:375).

Попытка постижения новых смыслов права представителями общества во многом облегчается благодаря использованию знакомых языковых образов и представлений, что происходит благодаря метафоре, когда переносятся свойства и характеристики из одной области, которую хорошо понимает референт, в новую, неизвестную понятийную сферу права. Таким образом, с опорой на уже имеющиеся знания и языковые ассоциации создается правовой образ.

Метафорическая модель – это чрезвычайно гибкий и распространенный способ познания. Будучи особым когнитивным инструментом, метафора позволяет интерпретировать правовые понятия. Вместо оперирования сугубо абстрактными определениями, используются наглядные метафорические модели, позволяющие понять и осмыслить сложные правовые явления, связать абстрактные понятия с конкретными, знакомыми образами, облегчая процесс правового познания и делая его более эффективным.

⁴ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.

Метафора в свете современной науки

Формирование научных процессов языковой деятельности и предполагающих их системы понятий определяется одной из ведущих целей подобного конструирования, связанной с познанием мира, проецирующим особое ментальное пространство, в котором разрабатываются специфические модели гипотетического постижения объектов и явлений действительности, фокусирующих исследовательский интерес. Одной из ведущих гипотетических моделей научного познания новых объектов, явлений, отношений действительности является метафорическая модель. Оценка функционирования метафор в языковом пространстве науки во многом определялась конкретным историческим периодом развития и теми идеалами и ценностями, которые для него характерны. Так, впервые актуализация гносеологической значимости метафоры обнаруживается в русле философии Средневековья с позиций ее когнитивного потенциала относительно постижения божественной природы сверхчувственного мира, когда отрефлексированная гносеологическая сущность метафоры определяла ее понимание как средства познания.

Научные взгляды на метафору как гносеологический механизм получают свое развитие только в XX веке, который внес кардинальные коррективы в исследовательский ракурс понимания природы метафоры. Именно прошлое столетие явилось тем переломным этапом, который обозначил смену направления научного вектора в отношении метафоры, раскрыв новые потенциалы данного языкового феномена, среди которых определяющее значение имеют гносеологическая и прагматическая функции, находящие свою прямую реализацию в языке науки.

Многовековая традиция рассмотрения метафоры как атрибута исключительно поэтической, художественной языковой материи себя исчерпала, уступив место приоритетному направлению исследовательской мысли в отношении метафоры как номинативного феномена, функционирующего в качестве регулярной модели смыслопорождения в процессе познания.

Таким образом, настоящая история метафоры берет свое начало в прошлом столетии, когда метафора становится самостоятельным объектом исследования целого ряда научных дисциплин (Konstantinova, 2011:11). Само понятие метафоры подвергается трансформации по сравнению с ее традиционным пониманием. В частности, когнитивная концепция меняет исследовательское направление в отношении метафоры: от рассмотрения ее как языкового феномена – к ее изучению как психического феномена.

Актуализация прагматического и гносеологического потенциала метафоры осуществлялась силами целого конгломерата научных областей: теорией познания, аналитической философией, феноменологией, когнитивной и структурной лингвистикой, семиотикой (Mishankina, 2010:117), что, с опорой, прежде всего, на философское понимание, в полной мере позволяет наделить метафору фундаментальным статусом психического, ментального механизма концептуализации действительности в процессе человеческого мышления в целом и, в частности, в процессе научного познания.

В качестве языкового феномена, реализующего свой прагматический и гносеологический потенциал, метафора имеет непосредственное отношение к проблеме познания и понимания. Язык, отражая ценностные социальные, культурные, правовые и иные сформировавшиеся в условиях общности истории установки, являясь одновременно их символическим средством выражения, связан с целостной системой

психологических явлений, присущих данному обществу, объединенному определенной территорией, организация жизнеустройства на которой относится к прерогативе государства. В этом отношении, с одной стороны, метафора выполняет функцию языкового механизма, маркирующего единство знаний о мире и его вербальную выраженность, что позволяет посредством ее изучения постигать сами процессы познания. С другой стороны, метафора обогащает арсенал языковых возможностей, способствуя более точной интерпретации номинируемых объектов, явлений, отношений.

Таким образом, в современной науке метафора интерпретируется с различных подходов: от толкований с позиций классической науки, постулирующей ее в качестве девиантного эпистемологического языкового образования, до постмодернистских определений метафоры как единственно возможного языкового средства репрезентации знаний; от строгого сужения сферы ее употребления и полного исключения из языка науки до совершенной легитимизации метафоры как инструмента познавательной деятельности.

Метафорическая модель в языке права

Центральное положение метафорической модели в языке права определено теми причинами, которые имеют непосредственное отношение к его специфике. В целях вербализации новых правовых реалий, адекватного понимания и адаптации ранее неизвестного знания к целостной правовой системе привлекается метафорическое моделирование. Метафорическая модель выполняет функцию объединяющего ментального поля, которое, следуя концепции Ж. Фоконье и М. Тернера, синтезирует понятийные области простейших систем и репрезентирует новую версию реальности (Fauconnier, 1998:133–187), смоделированную метафорой, отличающуюся новообразованными свойствами, не характерными для исходных взаимодействующих понятийных систем.

Информационная емкость метафорической модели в языке права имеет непосредственную связь с особенностями моделирования, среди которых следующие:

1. Интегративное сочетание двух полярных способов постижения действительности – интуитивного и рационального, что отличает именно метафорическое осмысление мира. Уровень интуитивного способа познания правовых реалий репрезентирован бессознательным обнаружением уже имеющегося в опыте надлежащего образа, который на логическом, рациональном уровне конструируется, совершенствуется и приспособляется к репрезентации модели объектов и отношений правовой действительности.

2. Синтетическая структура метафорической модели, концентрирующая известное, опорное знание, и неизвестное, получающее определение посредством метафоры, процесс моделирования которой представляет собой напряженную работу сознания, исключаяющую мыслительные схемы шаблонного типа.

3. Метафорическое моделирование в языке права осуществляется за счет выбора именно той языковой структуры, которая является носителем признака, имеющего первостепенное значение для индикации свойств объектов или отношений правовой действительности, когда образ целостной правовой ситуации выстраивается за счет ассоциативных связей. Метафорическая модель органически встраивается в правовой текст посредством минимального количества языковых

структурных элементов, содержащих в свернутом компактном виде латентную информацию и бесконечное множество смысловых составляющих, репрезентирующих ситуацию правовой реальности.

4. Эвристичность метафорической модели: способность к репрезентации новых знаний посредством обнаружения неизвестных ранее свойств и закономерностей между объектами, явлениями, отношениями действительности и правовыми реалиями. При этом сама метафора и контекстуальные условия ее реализации способствуют структурированию образа именуемого явления, что ведет к особой информационности емкости.

Познание нового объекта правовой реальности осуществляется как сопоставление «ментальной модели» (Johnson-Laird, 1988:234–257) познаваемого и базовых когнитивных моделей социального, психологического опыта нормодателя. Определяющей характеристикой познания при этом является его метафорическая природа, репрезентированная типичными чертами инсайта как одной из стадий интуитивного постижения правовой действительности, когда на происходящие когнитивные процессы экстраполируется метафорический механизм. При этом развитие энергетического потенциала сопутствует эмоциональной напряженности индивида, интенциональная направленность сознания которого модифицирует накопленную информацию. В условиях отсутствия контроля сознания аффективные стратегии активизируют возникновение иконических образов, репрезентирующих подобные когнитивные связи. В результате осуществляется перекомбинация имеющихся установок когнитивного уровня, упорядочивающих последующий мыслительный процесс (Dmitrieva, 2000:15–16). Нетрадиционная предикация является итоговым продуктом схематизации, осуществляемой на вербальном уровне, что способствует закреплению в языке права ранее отсутствовавших значений.

Процесс сопряжения образов двух никак не связанных в действительности явлений, объектов, признаков, формирующих метафорическую модель, в нормативно-правовом тексте имеет гносеологическую направленность, не исключающую экспрессивного напряжения, порождаемого эффектом предельной наглядности и образности, способствующих большей доступности мысли, формулируемой законодателем, что, в свою очередь, наделяет метафору статусом эффективного аксиологического средства. Более того, метафора, выполняя роль пускового механизма процесса сравнения свойств, признаков объектов и явлений, экспонирует тем самым их сходство и различие, что проецирует формирование рационального уровня мышления в силу отделения признаков от объектов, подвергшихся метафорическому сопоставлению.

Гносеологический аспект метафоры в языке права

Правовое познание как совокупность когнитивных процессов, направленных на изучение, сбор, обобщение, систематизацию, анализ реалий, требующих законодательного регулирования, рефлексировается как система представлений о правовой действительности, базирующаяся на рациональной интерпретации фактов в строгой логической их организации. Результаты правового познания, оформленные в виде правового текста как особого концептуального мира, олицетворяющего область должного, являются результатом деятельности законодателя.

Лингвистическое моделирование языка права имеет свою уникальную специфику, заключающуюся в том, что его семантический уровень, представляющий

собой своеобразное ментальное пространство, формируется с помощью лингвистических средств естественного языка. В этом контексте ключевую роль играет концептуальная метафора, которая выполняет гносеологическую функцию, то есть способствует познанию и осмыслению правовых понятий и явлений. Таким образом, процесс формирования языка права включает в себя использование метафорических структур, которые помогают лучше понять и интерпретировать правовые нормы и концепции. Эти метафоры действуют как инструменты, позволяющие связывать абстрактные юридические идеи с более привычными и понятными образами, что делает правовой язык более доступным для восприятия. Метафора выступает как связующее звено между сознанием и бессознательным, позволяя фиксировать новые правовые смыслы и обеспечивать процесс познания.

В гносеологическом аспекте метафора формирует недостающие языку права значения и способствует тому, чтобы ни один объект, отношения не остались без обозначения. Метафора тем самым наряду с другими лексическими единицами участвует в формировании языковой материи правового текста, в репрезентации правовой действительности.

Определение гносеологического статуса метафоры в языке права реализуется с позиций лингвофилософских научных моделей, имеющих различную методологическую концепцию и включающих аналитический, когнитивистский подход, а также герменевтическую парадигму исследования (Beresneva, 2017:24), что находит корреляцию с целым конгломератом вербально репрезентируемых в языке права элементов правовой системы.

Современный переход на новый уровень эпистемологической стратегии, обозначенный прошлым столетием, проецирует научную модель, в которой метафора рассматривается как ведущий гносеологический механизм. Однако это не означает наделение метафоры безграничной методологической свободой, ее неподчинение общепринятым нормам стилистики и языка; это принципиально новый уровень мыслительных процедур оперирования информацией.

Осмысление метафоры с позиций ее гносеологической значимости впервые было реализовано средневековой философией, когда на первый план изучения данного языкового феномена выдвигался познавательный потенциал, в связи с чем метафора рассматривалась в качестве средства познавательной деятельности (Ermolenko, 2001). Несмотря на научный интерес к метафоре, ее роль в познании оставалась долгое время в тени ее экспрессивной функции. Лишь в работах ученых XX века метафора начала рассматриваться как инструмент познания. Хосе Ортега-и-Гассет в своей известной работе «Две великие метафоры» утверждал, что метафора является «формой научного мышления» и «незаменимым орудием мысли» (Ortega-i-Gasset, 1990:68).

Гносеологическая функция метафоры в русле правового познания заключается в том, что метафора является неотъемлемым механизмом познавательной деятельности, инструментом постижения гипотетического, неявного и нового знания, средством его осознания, объяснения и репрезентации в тексте права, фиксирующего волю и интересы нормодателя, воплощающихся впоследствии в общественную практику.

Метафора закрепляет признаки отвлеченных понятий, тем самым определяя для себя функцию ведущего лексического инструмента моделирования правового познания, именно язык права интенсифицирует гносеологический потенциал метафоры.

Метафора в языке права репрезентирует свойства и устройства абстрактных объектов, раскрывая свою гипотетическую сущность, способствующую упрощению процесса решения познавательных задач (Petrov, 1985:196–220).

Прагматический потенциал метафоры в языке права

Функциональная особенность правовой системы определяет строгий отбор используемых ею логико-языковых средств, среди которых ведущей ролью обладают те феномены, посредством которых реализуется прагматическая функция языка (Cherdantsev, 2012:14).

Прагматические параметры языка права актуализировались в научно-исследовательской среде сравнительно недавно несмотря на то, что языку вообще и языку права в особенности, свойственна интенциональность: язык права выражает цель, формируемую сознанием и волей нормодателя, но полностью свободную от каких бы то ни было индивидуально-психологических факторов (Kornev, 2023:8–17). В отношении данного понятия как одной из ключевых категорий феноменологии основатель данного философского течения, Эдмунд Гуссерль, указывал, что интенциональность – это «свойство переживания «быть сознанием чего-либо» (Kornev, 2023:8–17). Текстопорождение права отличается критериями институциональности, определяемыми следующими целями:

- объективность, систематичность, методичность, максимально полное эксплицирование информации;
- строгая жанровая определенность, репрезентирующая волю и интересы нормодателя;
- семантическое и формальное структурирование содержательной сферы, взаимообусловленное со стилем (Pigolkin, 1990:18–35).

Основной целью правотворческой деятельности является создание объективной нормы, которая будет иметь всеобъемлющий характер и приниматься всеми субъектами права. Это определяет необходимость подхода, ориентированного на объективность, систематичность и методичность, а также стремление к максимально полному и ясному выражению информации в правовых текстах. В результате такой установки на правовую ясность и точность, вопрос о прагматических аспектах языка права долгое время оставался в тени и не привлекал должного внимания. Тем не менее, если обратиться к работам Чарльза Сандерса Пирса (Pirs, 2000), который является основателем прагматизма и семиотики, можно увидеть, что он определяет прагматический аспект знаковых систем через реализацию триединства: семантика, синтактика и прагматика. Это триединство особенно важно для понимания познавательной функции, присущей правотворческой деятельности (Goryushina, 2021:167). Эта функция формирует систему правовых регуляторов, которые, в свою очередь, тесно связаны с семиозисом – процессом, в котором знаки и субъекты, которые с ними работают, образуют взаимосвязь.

Объективное знание о мире, а также о различных аспектах человеческой жизни и общества, которые имеют отношение к правовой сфере, является результатом семиотического контракта внутри социума. Это означает, что знаки, используемые в правовых текстах, и субъекты, которые их интерпретируют, находятся в постоянном взаимодействии. Таким образом, нельзя игнорировать прагматику в процессе познавательной деятельности и создании правовых текстов. Прагматика играет ключевую роль в том, как мы понимаем и интерпретируем правовые нормы. Она помогает установить контекст, в котором эти нормы действуют, и определяет, как они

воспринимаются различными субъектами права. Это взаимодействие между знаками и их значениями, а также между текстами и их интерпретаторами, является важным аспектом правотворческой деятельности, который необходимо учитывать для более глубокого понимания языка права и его функций.

Таким образом, правотворческая деятельность не может быть полностью эффективной без учета прагматических аспектов языка права. Это подчеркивает важность комплексного подхода к правовым текстам, который включает в себя не только их семантическое содержание, но и контекстуальные факторы, влияющие на их восприятие и применение.

В аспекте прагматической основы языка права ключевой текстообразующей ролью обладает метафора как языковое средство структурирования информации о правовых реалиях и их имплицитной оценки. Именно метафора в качестве средства семантической инновации является одним из ведущих способов реализации прагматической функции языка права, средством выражения правовых ценностей, сопряжения чувственного и рационального уровней восприятия, позволяющее связывать язык наблюдения и язык теории, преодолевая их резкое различие.

Правовое регулирование – это сложный и многогранный процесс, который играет ключевую роль в формировании правовой реальности. Важнейшими аспектами этого процесса являются соблюдение доминирующих принципов, служащих ориентиром для законодателя, и обеспечение «эпистемного доступа» (Boyd, 1993:481–533) к правовым нормам. Эти принципы обуславливают гармоничное взаимодействие между правом и обществом, а также способствуют созданию справедливой и устойчивой правовой системы.

– Принцип законности. Все акты правового регулирования должны основываться на законах и соответствовать им. Это гарантирует, что действия государства и его органов будут предсказуемыми и прозрачными.

– Принцип справедливости. Законодатель должен стремиться к тому, чтобы нормы права обеспечивали равенство всех граждан перед законом и защищали их права. Это создает доверие к правовой системе и способствует социальной стабильности.

– Принцип доступности. Нормативные акты должны быть написаны понятным языком, чтобы общество могло легко их понимать и применять. Это связано с понятием эпистемного доступа, которое подразумевает возможность получения знаний о правовых нормах и их значении.

Эпистемный доступ – это способность граждан и правовых регуляторов получать и осваивать информацию о правовых нормах. Он напрямую связан с гносеологическим комфортом, который подразумевает удобство и легкость восприятия правовой информации. Законодатель, создавая нормативные акты, должен учитывать, что сложные термины и юридические понятия могут затруднить их интерпретацию. Поэтому важно, чтобы правовые тексты были не только юридически корректными, но и доступны для широкой аудитории.

Привлечение метафорических моделей в сферу правового познания и, соответственно, правового текста определяется тем, что метафора как мыслительный процесс, основанный на аналогии, в полной мере удовлетворяет критерию «гносеологического комфорта». Наибольшей значимостью она обладает в отношении именования ранее неизвестных правовых реалий (Petrov, 1985:196–200).

Отсюда следует корреляционная зависимость уровня фоновых знаний и эпистемного доступа: чем богаче диапазон фоновых знаний, к которым обращается законодатель, тем шире познавательная доступность объекта правового регулирования

для адресата. Сказанное определяет два важнейших критерия введения метафоры в язык права. Первый критерий заключается в том, что метафора должна быть связана с набором социально-культурных знаний, которыми обладают адресаты. Это необходимо для того, чтобы новое правовое название было понято и воспринято успешно в процессе коммуникации. Второй критерий касается способности языкового выражения, которое возникает в результате вторичного семиозиса (то есть процесса создания новых значений на основе уже существующих). Это выражение должно быть способно адекватно передать новое правовое знание.

Таким образом, успешное введение метафоры в правовой язык зависит как от культурного контекста, так и от точности передачи новых понятий.

С данного научного ракурса метафорическая концептуализация представляется в качестве продуктивного механизма, концентрирующего значительный объем новой информации о правовых реалиях и отношениях в уже известных носителям языка языковых структурах.

Прагматический потенциал метафоры позволяет обратиться к общему для нормодателя и реципиента фонду знаний и тем самым создать своего рода общую понятийную платформу, опираясь на которую последний может понимать текст нормативного документа.

Эпистемологические механизмы метафоры в языке права активизируют прагматический потенциал данного языкового средства. Метафора способна выполнять целый набор прагматических функций, среди которых:

- индикативная функция, проецирующая первичное наименование объекта, явления, процесса правовой действительности, вызванное отсутствием в лексическом арсенале права буквального средства номинации;
- информативная функция – передача рациональной информации;
- апеллятивная функция, когда метафора в правовом тексте употребляется для преобразования существующей в сознании реципиента картины мира в целях восприятия правовой информации, формирования у него необходимого правового знания;
- интеграционная функция, направленная на повышение запоминаемости правового текста за счет образности, создания связей между многомерными смысловыми конструкциями, интегрирующими в себе идеи конкретного правового явления, процесса, его ценность и логико-понятийное выражение с ранее полученными знаниями.

Прагматическая природа метафоры позволяет нормодателю достигать своих целей, формируя представления о правовых реалиях в сознании получателя информации.

Первым шагом в понимании прагматической природы метафоры является анализ ее мотива. Метафоры в праве используются для упрощения сложных юридических концепций. Цель метафоры в праве заключается в достижении эффективной коммуникации. Нормодатель, используя метафоры, стремится донести свои идеи до широкой аудитории. Тактика, используемая при создании метафор, требует тщательного выбора как формы, так и содержания языковых единиц. Это включает в себя не только выбор слов, но и их контекстное расположение.

Метафора способствует образованию новых значений и интерпретаций, что особенно актуально в условиях постоянно меняющегося законодательства. Во-вторых, метафоры помогают структурировать информацию, делая ее более логичной и последовательной. Наконец, они могут служить инструментом убеждения, подчеркивая важность тех или иных правовых норм и побуждая к действию.

Прагматическая природа метафоры в праве является важным аспектом, который способствует достижению коммуникативных целей нормодателя. Через мотив, цель и тактику метафора становится неотъемлемой частью языковой структуры права, позволяя формировать представления о правовых реалиях в сознании получателя информации. Успешное использование метафор требует внимательного подхода и глубокого понимания как языковых, так и культурных особенностей аудитории, что в конечном итоге ведет к более эффективному правовому общению, когда метафора становится инструментом, который помогает формировать представления о правовых реалиях в сознании получателя информации.

Абстрактность правовых понятий создает уникальные условия для функционирования метафоры в языке права. Это происходит благодаря ее функциональным возможностям и широкому семантическому потенциалу, который позволяет ей эффективно отражать динамичную и разнообразную правовую реальность. Метафора, выступая в качестве средства познания, предоставляет возможность рассматривать общественные отношения и их субъекты через призму системы, которая относится к другой, более понятной опытной сфере. В этой системе правовые реалии представлены более очевидно и наглядно, что облегчает их восприятие и понимание.

Когнитивный механизм метафоры играет важную роль в процессе перекодирования новых, ранее неизвестных понятий в более доступные для осмысления концепции. Это позволяет установить прочную связь между абстракциями правовых реалий и конкретной социальной действительностью. Таким образом, метафора служит связующим звеном, которое помогает лучше понимать сложные правовые идеи и нормы, используя более привычные и знакомые образы.

Хотя основными функциями метафоры в правовом языке являются гносеологическая и прагматическая, ее образный характер не теряется. Он сохраняется, что позволяет выражать мысли кратко и наглядно. Это делает метафору особенно ценным инструментом в правовой коммуникации, так как она помогает законодателю более эффективно доносить свои идеи.

Когда метафора попадает в правовой контекст, она с ним ассимилируется, приобретая новую языковую жизнь. Это означает, что она начинает функционировать в рамках правовой системы, адаптируясь к специфике юридического языка. В конечном итоге, метафора в языке права служит мощным инструментом для формирования и передачи знаний, что делает ее незаменимой.

Заключение

Правовой текст как одна из важнейших жизненных форм права рефлексировывает как система представлений, базирующихся на рациональной интерпретации фактов в их строгой логической организации, являющихся неотъемлемыми составляющими не только правовой, но и языковой культуры общества в целом. Языку права свойственна высокая степень абстрактности, но вместе с тем вербализованные объекты правового регулирования обладают достаточной конкретностью в силу того, что относительно каждого из них существуют полярные действия, обстоятельства, отношения, противопоставленные содержанию данным. Так, большинство сложных правовых понятий получает свое точное, конкретное определение во многом благодаря переносу скрытых, отличительных признаков объектов, явлений, хорошо известных общественному языковому сознанию.

Исследование метафоры в языке права с позиций ее гносеологического и прагматического потенциала являет собой уникальную перспективу не только для

изучения когнитивных процессов и мышления, лежащих в основе порождения и постижения явлений правовой действительности, но и для определения функциональных возможностей данного лингвистического феномена в языке права, содействующих ориентации индивида в правовой сфере реальности.

Таким образом, проведенный в рамках исследования анализ позволяет заключить, что гносеологическая метафора представляет собой ядро лексического арсенала нормадателя. С помощью метафоры формируется понимание объекта правового регулирования, которое основано на архетипических моделях аксиологического характера. Прагматический потенциал метафоры, касающийся ее познавательной функции, является одним из главных критериев для использования этого лексического явления в качестве логико-языкового инструмента юридической техники. Метафора помогает создать более доступное представление о сложных юридических концепциях, что, в свою очередь, способствует лучшему пониманию и интерпретации правовых норм.

References / Список литературы

- Beresneva, N.I. (2017) Changing views of the role of metaphor in the cognitive process. *Context and Reflexion: Philosophy about the World and Man*. 6 (1A), 23–30. (in Russian). EDN: YRMGAZ.
Береснева Н.И. Изменение представления о роли метафоры в познавательном процессе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человек. 2017. Т. 6. № 1А. С. 23–30. EDN: YRMGAZ.
- Boyd, R. (1993) Metaphor and theory change: What is “metaphor” a metaphor for? In Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 481–532. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.023>
- Cherdantsev, A.F. (2012) *Logico-linguistic phenomena in jurisprudence*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian). EDN: QSKLDB.
Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с. EDN: QSKLDB.
- Chernobel, G.T. (2017) *Ideology. Right. Law*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian). EDN: WFKANM.
Чернобель Г.Т. Идеология. Право. Закон : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 245 с. EDN: WFKANM.
- Chudinov, A.P. (2001) *Russia in the metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ. (in Russian).
Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. М-во образования Рос. Федерации. Ур. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
- Dmitrieva, I.A. (2000) *Metaphor as a way of cognition: Logical and gnoseological status*. Diss ... cand. of Philosophical Sciences. Yakutsk, Yakutsk State University named after M.K. Ammosov. (in Russian). EDN: QDGVUD.
Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус : дис. ... канд. филос. наук. Якутск: Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова, 2000. 196 с. EDN: QDGVUD.
- Ermolenko, G.A. (2001) *Metaphor in the language of philosophy*. Diss ... cand. of Philosophical Sciences. Krasnodar, Kuban State Technological University. (in Russian). EDN: QDKFZZ.
Ермоленко Г. А. Метафора в языке философии : дис. ... канд. филос. наук. Краснодар : Кубанский гос. технологич. ун-т, 2001. 153 с. EDN: QDKFZZ.
- Fauconnier, G. & Turner, M.B. (1998) Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*. 22 (2), 133–187.

- Goryushina, Y.V. (2021) On the problem of realization of the cognitive function of law-making as a prerequisite for achieving certainty in positive law. *State-Law Studies*. (4), 166–173. (in Russian). <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-166-173>. EDN: ZVJEJX.
Горюшина Ю.В. О проблеме реализации познавательной функции правотворчества как предпосылке достижения определенности в позитивном праве // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 166–173. <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-166-173>. EDN: ZVJEJX.
- Gubaeva, T.V. (1996) *Word of mouth in jurisprudence*. Diss ... doctor of Legal Sciences. Kazan, Kazan State University. (in Russian).
Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань : Казанский государственный университет, 1996. 340 с.
- Herder, J.G. (1985) *Über die neuere deutsche Literatur: Fragmente [On Modern German Literature: Fragments]*. Berlin/Weimar, Aufbau-Verlag Publ. (in German).
- Heidegger, M. (1970) *Phänomenologie und Theologie [Phenomenology and Theology]*. Frankfurt am Main, Klostermann Publ. (in German).
- Husserl, E. (2009) *Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy*. Trans. Mikhailov, A.V. Moscow, Academ. Project Publ. (in Russian).
Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая / пер. с нем. А.В. Михайлова ; вступ. ст. В.А. Куренного. М. : Академ. проект, 2009. 489 с.
- Johnson-Laird, P. (1988) Procedural semantics and psychology of meaning. In: Gerasimova, V.I. (ed.) Trans. Kobozev, I.M. *New in foreign linguistics. Issue 23: Cognitive Aspects of Language*. Moscow, Progress Publ., pp. 234–257. (in Russian).
Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения / пер. с англ. И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка : сб. ст. / сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1988. С. 234–257.
- Konstantinova, M.V. (2011) *Specificity of legal metaphor in an individual lexicon: an experimental study*. Diss ... cand. of Philological Sciences. Kursk, Kursk State University. (in Russian). EDN: QFPRZV.
Константинова М.В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе: экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук. Курск : Курский гос. ун-т, 2011. 181 с. EDN: QFPRZV.
- Kornev, V.N. (2023) Pragmatics of the language of law. *Justice*. 5 (4), 8–17. (in Russian). <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.4.8-17> EDN: VQZQAT.
Корнев В.Н. Прагматика языка права // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 8–17. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.4.8-17> EDN: VQZQAT.
- Kryukova, E.A. (2003) *Language and style of legislative acts*. Diss ... cand. of Legal Sciences. Moscow, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. (in Russian). EDN: NMGFPX.
Крюкова Е.А. Язык и стиль законодательных актов : дис. ... канд. юрид. наук. Москва : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2003. 139 с. EDN: NMGFPX.
- Kuliev, G.G. (1987) *Metaphor and scientific cognition*. Baku, Elm Publ. (in Russian).
Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. Баку : Элм, 1987. 155 с.
- Lakoff, G. (2004) Metaphors by which we live. In: Baranov, A.N. (ed.) Trans. Baranov, A.N. & Morozova, A.V. Moscow, URSS Publ. (in Russian). EDN: QRAADX.
Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 252 с. EDN: QRAADX.
- Mishankina, N.A. (2010) *Metaphor in science: paradox or norm?* Tomsk, Tomsk University Publishing House. (in Russian). EDN: RUTYDV.
Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с. EDN: RUTYDV.
- Ortega-i-Gasset, H. (1990) Two great metaphors. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds.) *Theory of Metaphor: a collection*. Moscow, Progress Publ., pp. 68–82. (in Russian).

- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз. ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 68–82.
- Petrov, V.V. (1985) Scientific metaphors: nature and mechanism of functioning. In: Bubenkov, Y.P. (ed.) *Philosophical bases of scientific theory*. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 196–200. (in Russian).
- Петров В.В.* Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196–200.
- Pigolkin, A.S. (ed.) (1990) *Language of the law*. Moscow, Yurid. lit. Publ. (in Russian).
- Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., Юрид. лит., 1990. 192 с.
- Pirs, Ch.S. (2000) *Beginnings of Pragmatism*. Trans. Kiryushchenko, V. V. & Kolopotin, M. V. St. Petersburg, Laboratory of Metaphysical Research, Faculty of Philosophy, St. Petersburg State University Publ.; Aleteia Publ. (in Russian)
- Пирс Ч.С.* Начала прагматизма / пер. с англ., предисл. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
- Shepelev, A.N. (2002) *The language of law as an independent functional style*. Diss ... cand. of legal sciences. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin. (in Russian). EDN: NMEDXT.
- Шепелев А. Н.* Язык права как самостоятельный функциональный стиль : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 2002. 217 с. EDN: NMEDXT.
- Turanin, V.Yu. (2017) *Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research)*. Diss ... Dr. of Legal Sciences. Belgorod, Belgorod State National Research University (in Russian). EDN: JLXFEV.
- Туранин В. Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-р юрид. наук. Белгород : Белгородский гос. нац. исследовательский ун-т, 2017. 437 с. EDN: JLXFEV.
- Vlasenko, N.A. (2022) *The language of law*. Moscow, Norma : INFRA-M Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А.* Язык права: монография. Репр. изд. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 176 с.

Сведения об авторе:

Ярошук Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»); Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

ORCID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-код: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsuedu.ru

About the author:

Inna A. Yaroshchuk – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminalistics, Law Institute, Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»); Russian Federation, 308015, Belgorod, st. Victory, 85.

ORCID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-code: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsuedu.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-869-885>

EDN: LCFPVX

Научная статья / Research Article

Право и биомедицина: основные риски, новые подходы в регулировании

О.В. Романовская , Г.Б. Романовский ✉

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

✉ vlad93@sura.ru

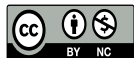
Аннотация. Биомедицинские технологии, получив стремительное развитие в последние десятилетия, стали затрагивать саму природу человека, а также форматировать под новые принципы окружающую социальную среду. Эти процессы оказывают влияние на право и государственную политику, усиливая актуальность юридических исследований в области регулирования биомедицинских. Рассматривается трансформация традиционных правовых принципов в области семейного, наследственного права под влиянием репродуктивных технологий (наибольшее внимание уделено суррогатному материнству). Представлена концепция биоправа как результата интеграции права и биомедицины, а также новой области междисциплинарных исследований – нейроправа, в рамках которого изучаются возможности влияния достижений в области нейробиологии на юриспруденцию. Определены направления взаимодействия нейробиологии и права: формирование судебной практики; реформа законодательства на основе данных, полученных в области нейробиологии; изменения в общей теории и философии права. Представлены некоторые философские концепции построения общества будущего (Ф. Фукуямы, Э. Тоффлера, А. Барда и Я. Зодерквиста), основанные на достижениях биомедицины. Показано, что в центре общественного внимания находятся следующие потенциальные риски: установление социального контроля; ранжирование и иерархия на биологической основе; обновленная евгеника; дискриминационные практики. Выделены некоторые биомедицинские технологии, которые могут претендовать на принципиальные преобразования социума, возникающие риски, а также потенциальные правовые последствия. В качестве примера указывается на создание искусственной матки и геномное редактирование. Каждая из указанных технологий может быть использована в социальных целях (выходящих за пределы биомедицины). Обозначены пробелы в надлежащем правовом регулировании, которые характерны для российского законодательства. Проведено сравнительно-правовое исследование, на основе которого сформулированы общие рекомендации по совершенствованию российских правовых актов.

Ключевые слова: правовое регулирование, нейроправо, эктогенез, ДНК, геномные технологии, CRISPR/Cas9

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Романовская О.В. – введение, концепция, научный анализ материалов; Романовский Г.Б. – научное руководство, теоретическое обоснование исследования, обобщение полученных результатов, заключение. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Романовская О.В., Романовский Г.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Благодарности. Авторы выражают слова благодарности инженерам-исследователям Юридического института Пензенского государственного университета А.И. Дасаевой и Е.А. Романовской за оказание технической помощи при подготовке и оформлении статьи, а также перевод некоторых англоязычных источников.

Поступила в редакцию: 21 октября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Романовская О.В., Романовский Г.Б. Право и биомедицина: основные риски, новые подходы в регулировании // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 869–885. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-869-885>

Law and biomedicine: Main risks, new approaches to regulation

Olga V. Romanovskaya^{ID}, Georgy B. Romanovskiy^{ID}✉

Penza State University, Penza, Russian Federation

✉ vlad93@sura.ru

Abstract. Biomedical technologies have advanced rapidly in recent decades, impacting human nature itself and reshaping the surrounding social environment according to new principles. These developments carry significant implications for law and public policy, highlighting the importance of legal research in regulating biomedical innovation. This article explores the transformation of traditional legal principles in family and inheritance law, focusing primarily on surrogacy under the influence of reproductive technologies. The concept of biolaw is introduced as an integration of law and biomedicine, alongside the emerging interdisciplinary field of neurolaw, which studies how advances in neurobiology influence jurisprudence. Key areas of interaction between neurobiology and law include the development of judicial practice, legislative reform informed by neuroscience evidence, and shifts in the general theory and philosophy of law. Philosophical ideas about constructing future societies grounded in biomedical achievements – proposed by thinkers such as F. Fukuyama, E. Toffler, A. Bard, and J. Söderqvist – are discussed. The article highlights certain central public concerns: social control, biologically based hierarchies, renewed eugenics, and discriminatory practices. It identifies biomedical technologies with potential to fundamentally transform society, the emerging risks they pose, and possible legal ramifications. Examples discussed include the creation of artificial wombs and genome editing, both of which may have applications beyond biomedicine for broader social purposes. The article also points out gaps in Russian legal regulation and presents the results of a comparative legal study, culminating in general recommendations for improving Russian legislation.

Key words: legal regulation, neurolaw, ectogenesis, DNA, genomic technologies, CRISPR/Cas9

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution. *Romanovskaya O.V.* was responsible for the introduction, development of the concept, and scientific analysis of materials. *Romanovskiy G.B.* provided scientific leadership, theoretical substantiation of the study, generalization of the results, and formulated the conclusion. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Funding. The study was financially supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>

Acknowledgements. The authors express gratitude to research engineers of the Law Institute of Penza State University, A.I. Dasayeva and E.A. Romanovskaya, for their technical assistance in preparing and designing the article, as well as for translating some English-language sources.

Received: 21th October 2024

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Romanovskaya, O.V., Romanovskiy, G.B. (2025) Law and biomedicine: Main risks, new approaches to regulation. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 869–885. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-869-885>

Введение

Антропогенные изменения окружающей среды достигли серьезных результатов, для подтверждения этого вывода достаточно просмотреть жесткость общественных дискуссий вокруг климатических изменений (а также содержание международных актов и политических инициатив по данной тематике). И это не единственный аспект в контексте перемен, влияющих на базовые начала современного мира. Однако большинство из них не затрагивало биологическую сущность самого человека, оставляя его природу практически в первозданном виде. Именно поэтому стремительное развитие биомедицинских технологий приковывает к себе внимание представителей общественных наук (юристы здесь не исключение): впервые с помощью целенаправленного вмешательства возможна корректировка природы *Homo Sapiens*.

Последствия успешного результата внедрения инноваций повлияют на многие аспекты социальной жизни, а право и государство будут вынуждены лишь на них реагировать (занимая при этом подчиненную роль). На начальном этапе этого пути новыми красками «заиграли» пределы научного творчества. Если ранее основной подход строился на установлении практически полной свободы (что, например, отражается в статье 44 Конституции Российской Федерации, гарантирующей свободу научного творчества), то сейчас тональность дискуссии сместилась в сторону установления ограничений и запретов. Здесь юриспруденция занимает специфическое место, определяя юридические границы дозволенного поведения, устанавливая их не только для медицинского работника, оказывающего медицинскую услугу, но и для ученого, вводя разрешительный режим на те или иные разработки, эксперименты, устанавливая ответственность за его нарушения.

Право и современная биомедицина: состояние проблематики

Право само подвергается изменениям благодаря вновь открываемым технологиям. Например, начиная с Дигестов Юстиниана (римского права) предусматриваются базовые принципы, всегда находившие отражение в текущем законодательстве: мать та, которая родила; отсутствующий не станет наследником; никто не несет наказания за мысли. Это далеко не полный перечень, но даже он показателен о степени влияния биомедицины на юриспруденцию. Приведем некоторые примеры. Суррогатное материнство не просто разделило материнство на три вида: биологическое, генетическое, социальное (и даже в этом разделении возможно дробление), – но и создало неразрешимые по настоящее время юридические проблемы. Наглядным примером стала ситуация с выявленными детьми, рожденными суррогатными матерями в России для китайских семейных пар. Признанная схожесть правового регулирования данной репродуктивной технологии с уголовно-правовым составом преступления «Торговля людьми» дала свой результат: врачи из ООО «Европейский центр суррогатного материнства» получили максимальные сроки лишения свободы

за проведение коммерческих программ¹. Итогом разбирательства стало внесение в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» изменений, благодаря которым были введены ограничения на участие в суррогатном материнстве для иностранных граждан, а также мужчины и женщины, не состоящих в браке.

Подобные законодательные запреты характерны для подавляющего большинства стран. Более того, широкое усмотрение государств поддерживалось соответствующими решениями международных судебных инстанций. В частности, Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 8 июля 2014 г. по делу «Д. и др. против Бельгии» (*D. and Others v. Belgium*, жалоба № 29176/13)², хотя и исключил дело из списка в силу его разрешения национальными инстанциями, обозначил свою позицию: запреты и ограничения для детей, рожденных по программам суррогатного материнства в третьих странах для супружеских пар в тех государствах, где такие технологии запрещены, является допустимым, поскольку это предотвращает ряд преступлений (включая торговлю людьми).

С Российской Федерацией пересекается Решение Большой палаты Европейского суда по правам человека от 24 января 2017 г. по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии» (*Paradiso and Campanelli v. Italy*, жалоба № 25358/12)³.

Супруги, граждане Италии, воспользовались в России услугами суррогатной матери, но документально представили как рождение собственного ребенка. При выяснении реалий в отношении супружеской пары было возбуждено уголовное дело по обвинению в «подделке гражданского статуса» (статьи 489 и 567 Уголовного кодекса Италии). К тому же экспертиза показала отсутствие каких-либо генетических связей у пары с новорожденным. Национальные суды запретили заявителям предъявлять какие-либо права на ребенка в силу отсутствия с ним каких-либо родственных и правовых связей. Европейский суд по правам человека признал допустимость таких действий государства, при этом показательна позиция судьи от Российской Федерации Д.И. Дедова, обосновавшего незаконность программы суррогатного материнства: «Впервые, вынося решение в пользу государства-ответчика, Суд сделал больший акцент на ценностях, чем на формальной свободе усмотрения. Суд исходил из того, что запрет на частное усыновление направлен на защиту детей от незаконных действий, некоторые из которых могут быть равносильны торговле людьми. Это связано с тем, что торговля людьми идет рука об руку с договоренностями о суррогатном материнстве».

Наследственное законодательство также ощутило на себе новые возможности репродуктивных технологий – рождение наследника спустя значительное время после смерти наследодателя. Так, в 2006 г. в Екатеринбурге родился ребенок благодаря суррогатной матери от умершего отца, но осуществившего при жизни криоконсервацию своих гамет. Заказчиком выступала бабушка, которая впоследствии заявила о признании ее матерью новорожденного⁴. В 2021 г. стало известно о рождении ребенка умершей в 2019 г. певицы Юлии Началовой, где также речь шла об

¹ Машкин С. За детей – недетские сроки. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6320759?ysclid=lr12zx9ud6291593546> (дата обращения: 12.12.2024).

² Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 12.

³ Case of Paradiso and Campanelli v. Italy. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-170359%22%7D> [Accessed 12th December 2024].

⁴ Суррогатная мать выносила ребенка от погибшего отца // Комсомольская правда. 2006. 26 января.

использовании замороженного эмбриона в программе суррогатного материнства⁵. Для недопущения возможных коллизий в ряде стран введен запрет на посмертную инсеминацию (Германия, Италия), в иных установлены временные ограничения на призвание наследников (в ряде штатов США допускается заявление о наследственных правах при соблюдении сроков от 2 до 3 лет инсеминации после смерти наследодателя). В Российской Федерации несмотря на то, что проблематика обозначена более 15 лет назад, отсутствует надлежащее правовое регулирование. Наследственное законодательство (часть 3 Гражданского кодекса РФ) в этой части не ощутило на себе каких-либо изменений.

Мыслепреступление (англ. – *thoughtcrime*), описанное в фантастике Дж. Оруэлла «1984», становится очевидной реальностью. Активно внедряется идея «прогностического правосудия» (в зарубежной литературе используется термин – «предикативное правосудие» (Rouvière, 2021: 101), которая выходит далеко за рамки оценки потенциального спора на основе вынесенных ранее решений судебными или административными инстанциями. В этом же направлении действует концепция «предиктивной полицейской деятельности», нацеленной на предотвращение преступлений. В 2012–2014 гг. разработка алгоритмов строилась на оценке риска преступлений в его соотношении с местом его совершения и потенциальными потерпевшими (алгоритмы Predictive Policing – PredPol, Risk Terrain Modelling – RTM, США; PreMap – Predictive Mobile Analytics for Police, Германия (Mugari end Obioha, 2021)). Указанные алгоритмы выстраивали прогноз на основе статистических данных, не пытаясь заранее определить личность преступника, но даже в таком виде они несли в себе потенциальные риски, которые многими учеными оценивались весьма негативно (Hung end Yen, 2023). Более того, судебные инстанции в Нидерландах ввели запрет на использование прогностического алгоритма System RiseCo Indicatie (SyRI), поскольку он нарушает право на неприкосновенность частной жизни (Strikwerda, 2021).

Сейчас компания Neuro-ID⁶ предлагает программные продукты (например, ID Orchestrator), которые по индивидуальным признакам поведения (в частности, мимики лица и положения тела) дают рекомендации по его добросовестности. Учредители компании подчеркивают, что в основе итоговых заключений «анализ поведения и обнаружение намерений». В этом же направлении действует компания Cognitec⁷, предлагающая анализ взаимодействия случайных лиц. Благодаря этому возможно выявление лиц, скрывающих между собой знакомство. Среди заинтересованных потребителей таких услуг (продукт FaceVACS-VideoScan) – правоохранительные органы (в целях выявления соучастников, например, по делам о терроризме) и крупные корпорации (для определения мошенников).

В этом же тренде поиск «гена преступника», когда при расшифровке ДНК и выявлении биологических особенностей выносится приговор о предрасположенности к преступлению. На основе благожелательных рекомендаций о снижении влияния фактора риска происходит сегрегация лиц, которая сама по себе может стать причиной криминального поведения. В судебных инстанциях (как по уголовным, так и по гражданским делам) все чаще используются «поведенческие генетические

⁵ Super стало известно о ребенке Юлии Началовой, родившемся после ее смерти. Режим доступа: https://super.ru/a/nachalova_rebenok (дата обращения: 12.12.2024).

⁶ Human Analytics for the Digital World. Available at: <https://www.neuro-id.com/> [Accessed 12th December 2024].

⁷ The trusted face recognition company since 2002. Available at: <https://www.cognitec.com/> [Accessed 12th December 2024].

данные» (Sabatello & Appelbaum, 2017). Причем сторона обвинения и сторона защиты по-разному трактуют одни и те же результаты. Обвинение считает, что тем самым не следует указывать на возможность исправления – обвиняемый должен быть изолирован. Защита обосновывает невозможность привлечения к ответственности, сравнивая наличие специфического генотипа и состояние невменяемости. В этой части показательны громкие процессы в США: дело Тони Мобли (Eastman, 2006:312), дело Билли Джо Холла⁸, дело Вальдрупа⁹, – в каждом из них происходила попытка поставить вопрос о генетической предрасположенности к агрессии (все дела были связаны с жестокими убийствами) в центр принятия итогового решения судом присяжных.

Приведенные примеры пока не имеют глобального влияния на процесс изменения правового пространства. Следует признать распространение биомедицинских технологий, но их масштаб пока не столь грандиозен, чтобы представлять какие-то принципиальные риски и угрозы. По-видимому, это отчасти обуславливает осторожный характер российской правовой политики в этой сфере: отсутствие каких-либо значимых федеральных законов. Такой минимализм в регулировании предоставляет некоторую свободу медицинским работникам и исследователям. В то же время вектор развития биомедицинских технологий, а также прогресс в остальных сферах биомедицины уже сейчас заставляют задуматься о будущем человечества, понимании самого человека и его биологической сущности. Различные формируемые концепции требуют своего юридического закрепления. Право может гарантировать их реализацию, используя весь спектр своих возможностей: от правового стимулирования и протекционизма до запретов и карательных методов подавления. Одновременно отражается обратная связь: биомедицина, оказывая воздействие на природу человека, затрагивая его сущностные признаки, предопределяет тем самым изменения в правовом регулировании. Представители общественных наук едины во мнении, что в этом взаимодействии право зачастую выполняет роль «догоняющего», отражая лишь уже сложившуюся ситуацию. Консерватизм (который всегда был присущ праву) создает такие условия. С другой стороны, именно наука, обогащаясь междисциплинарными связями, порождает такие перспективные направления, как юридическая антропология, биомедицинское право, нейроправо и др. Рассмотрим их подробнее.

Нейробиология и право

Следует отметить, что достижения в области биомедицины влияют на саму структуру права. В российской юриспруденции предложения о появлении новой отрасли – биомедицинского права – были сформулированы уже относительно давно (Sergeev, 2006). Сейчас высказываются предложения о формировании биоправа (Mokhov, 2022), что вполне соотносится с зарубежными тенденциями, рассматривающими его как результат интеграции права и биомедицины (по аналогии с биоэтикой (Vidalis, 2022)). Более того, процесс не стоит на месте: выдвигается идея о новой области междисциплинарных исследований – нейроправе, в рамках которого изучаются возможности влияния достижений в области нейробиологии на юриспруденцию. В российской науке выстроена прямая связь биоюриспруденции и нейроправа

⁸ Guy F. The Warrior Gene: Genetics and Criminology. Available at: <http://www.crimetraveller.org/2016/04/the-warrior-gene/> [Accessed 12th December 2024].

⁹ Hagerty B.B. Can Your Genes Make You Murder? Available at: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=128043329> [Accessed 12th December 2024].

(Kravets, 2022). Взаимодействие нейробиологии и права происходит по разным направлениям:

1) Влияние указанной отрасли естествознания на судебную практику. Во многих странах результаты визуализации сканирования головного мозга лиц, обвиненных в совершении преступлений различной степени тяжести, стали влиять на вынесенный приговор. В 2014–2017 гг. одним из первопроходцев стал Кент Киль (профессор университета Нью-Мексико, США)¹⁰, купивший на гранты научных фондов мобильные установки МРТ и производивший сканирование мозга молодых преступников. Одновременно К. Киль выступал экспертом по нескольким громким делам «прирожденных убийц»¹¹. Однако связь нейробиологии и криминологии долгое время оценивалась скептически (Davis, 2014). Сейчас можно наблюдать постепенную смену аргументации: появление концепции «реинтегративного правосудия» (за преступление следует не наказание, а реабилитация); сомнение в детерминации преступного поведения; максимальный учет внешних рисков преступного поведения (Meunier, 2016). Постепенная модификация юридической практики (в случае сохранения вектора развития) приведет к изменениям в понимании преступника, причин преступного поведения, а значит, всей пенитенциарной системы. Количество судебных решений с новым видением права под влиянием нейробиологии растет с каждым годом; в Австралии, например, создана уже специальная информационная база¹².

2) Внесение изменений в законодательство на основе данных, полученных в области нейробиологии. Одним из первых опытов такого законодательного регулирования следует признать Закон Франции от 7 июля 2011 г. № 2011-814 «О биоэтике»¹³, уточнивший ряд положений Кодекса об общественном здравоохранении, Гражданского кодекса, а также иных нормативных актов. В числе новелл – Гражданский кодекс Франции был дополнен нормой (статья 16-14) – Методы визуализации мозга могут использоваться только в медицинских или научных исследовательских целях или в контексте судебно-медицинской экспертизы. При этом Кодекс об общественном здравоохранении уполномочил министра здравоохранения определять правила добросовестной практики, применяемые к исследованию мозга. Тем самым была разрешена так называемая анатомическая (но не функциональная) визуализация мозга. Данная норма не нашла однозначной поддержки. В научной литературе (как и в публицистике) озвучивалась критика подобного допущения. Основные аргументы: открывается дорога к существенному ограничению автономии личности (а при активном вмешательстве – к изменению самой личности); наличие дискриминационных рисков; сомнения в нейродетерминизме при юридической оценке действий гражданина (Gkotsia et al., 2015). Замечания к закону привели к тому, что уже в 2012 г. высказывались предложения об отмене норм, посвященных визуализации мозга. В 2013 г. Национальный консультативный комитет по этике принял официальное мнение по поводу использования нейротехнологий, где подчеркнул, что любые полученные данные с помощью визуализации мозга не подменяют оценку судьи

¹⁰ Kent A. Kiehl, Ph.D. Available at: <https://kentkiehl.com/> [Accessed 12th December 2024].

¹¹ Gutowski Ch., Mills Brian St. Dugan gives 1st prison interview: «I could not stop» // Chicago Tribune. 2014. 13 Dec. Available at: <http://www.chicagotribune.com/news/ct-brian-dugan-serial-killer-interview-met-20141212-story.html> [Accessed 12th December 2024].

¹² Australian Neurolaw Database. Available at: https://neurolaw.edu.au/about_us [Accessed 12th December 2024].

¹³ Loi n° 2011-814 du 7 juillet 2011 relative à la bioéthique. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000024323102/> [Accessed 12th December 2024].

по вопросам, входящим в его компетенцию¹⁴. В 2018 г. по поручению Правительства Франции был подготовлен доклад об изменениях законодательства в области биоэтики, в котором отдельный параграф был посвящен нейроправу¹⁵. Во многом на его основе был принят Закон от 2 августа 2021 г. № 2021–1017 «О биоэтике»¹⁶, в соответствии с которым прямо было запрещено использование функциональной томографии головного мозга в судебно-медицинской экспертизе.

Еще одним примером влияния нейробиологии на законодательство выступает Закон, внесший коррективы в уголовное законодательство Нидерланд в 2014 г. относительно ответственности молодых граждан. Новая редакция статьи 77с Уголовного кодекса¹⁷ позволяет судье применить привилегированные положения (как для граждан моложе 18 лет) в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте от 18 до 23 лет, если «найдет для этого основания в личности виновного или обстоятельства, при которых было совершено преступление». Как до принятия Закона, так и после судьи и ученые-юристы четко указывали, что основанием указанной новеллы стали исследования головного мозга (Schleim, 2020).

3) Влияние нейробиологии на общую теорию и философию права. Данный аспект имеет повышенную актуальность, поскольку поднимает философские вопросы, которые, в свою очередь, приводят к изменениям содержания (или их интерпретации) основных принципов права. Поскольку они заключают в себе базовые начала, от которых происходит построение всей нормативной системы, то любые значимые изменения влияют на всю правотворческую и правоприменительную политику. Усиление влияния нейробиологии (как и иных биологических наук) приводит к натурализации нормативной науки. Эта тенденция все чаще включается в систему современных рисков. Наиболее четко ее выразил П.Д. Тищенко в понятии «биовласть» (Tishchenko, 2001), где основанием регулирования выступают медицинские рекомендации: власть становится лишь проводником тех концепций, которые выстраиваются в целях обеспечения здравоохранения.

Подобные опасения не новы. Еще М. Фуко неоднократно использовал данный термин, вкладывая в него принятие в расчет постулата – «человеческий род есть человеческий вид животного царства» (Foucault, 2011:13). На его основе М. Фуко определял рождение биополитики, соединяя в едином понятии биологические особенности поведения человека и его экономические интересы (Foucault, 2010). Следствием приведенных выводов можно считать популярность поведенческой экономики, представитель которой Р. Талер стал лауреатом Нобелевской премии 2017 г. Р. Талер вместе с коллегой К. Санстейном представили концепцию либертарианского патернализма (Thaler & Sunstein, 2017), в основе которой попытка конвергенции знаний в области экономики и когнитивной психологии (Thaler, 1985).

Показательно, что рекомендации, которые сформулированы представителями данной школы, выходят далеко за пределы экономических знаний. Во-первых,

¹⁴ CCNE, 12 décembre 2013, avis n° 122, Recours aux techniques bio-médicales en vue de «neuro-amélioration» chez la personne non malade: enjeux éthiques. Available at: <https://www.ccne-ethique.fr/sites/default/files/2023-06/avis122.pdf> [Accessed 12th December 2024].

¹⁵ Étude à la demande du Premier ministre. Révision de la loi de bioéthique: quelles options pour demain? Étude adoptée en assemblée générale le 28 juin 2018. Available at: <https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/184000450.pdf> [Accessed 12th December 2024].

¹⁶ Loi n° 2021-1017 du 2 août 2021 relative à la bioéthique. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043884384> [Accessed 12th December 2024].

¹⁷ Wetboek van Strafrecht. Available at: https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2024-01-01#BoekEerste_TiteldeelVIII_Artikel77g [Accessed 12th December 2024].

предлагается общая смена формата публичного управления – государство должно стать «архитектором выбора», отказавшись от императивов. Во-вторых, именно «технология подталкивания» должна стать главным методом организации общества, что невозможно без знаний о психологии человека (и о его биологической природе). В-третьих, трансформация среды невозможна без реформирования основных социальных сфер бытия. Именно поэтому Р. Талер и К. Санстейн выделяют образование, здравоохранение, семейные отношения, социальное страхование и возмещение вреда как места применения будущих реформ.

Юридическая футурология и современная биомедицина

О влиянии биомедицинских технологий на право и государство в том или ином виде высказывались многие известные футурологи, определяя собственное видение будущего общества. Ф. Фукуяма предрекал «постчеловеческое будущее» (Fukuuyama, 2004), в котором выстроится социальная иерархия на биологической основе (этому будет предшествовать трансформация личности). Необходимо отметить, что высказанные опасения Ф. Фукуяма пытался купировать с помощью своего участия в Совете по биоэтике, созданном при Президенте США. Его деятельность, нацеленная на ограничения многих медицинских инноваций, оценивалась в последующем отрицательно: она привела к отставанию США по ряду аспектов (это обусловило расформирование указанного Совета и прекращение его деятельности).

Э. Тоффлер отстаивал свое видение биологического контроля за всей жизнью человека, в которое укладывались разрешительный механизм для деторождения (исходя из генетических показаний родителей), вплоть до тотальной искусственной прокреации, отказ от классического видения семьи (превращавшейся в большей мере в услугу, входящую в социальный пакет для топ-менеджеров компаний), конструирование человека с помощью вмешательства в его ДНК (Toffler, 2002).

Еще больше прагматизма представлено в нетократии – идеологии, разработанной А. Бардом и Я. Зодерквистом (Bard & Soderqvist, 2005), обосновывавшей ни много ни мало появление «новой человеческой расы». Условиями таких преобразований должны стать геномные и репродуктивные технологии, а также возможность создания «биологической углеродной копии самого себя» (некое подобие биологического бессмертия, в основе которого репродуктивное клонирование). Следует отметить, что побыв некоторое время на пике популярности, нетократия утратила свое первоначальное значение, превратившись в синоним понятия сетевого управления (Da Roit & Busacca, 2024). В нем уже отсутствуют заявки на радикальные преобразования.

Рассмотрим некоторые биомедицинские технологии (выше указывалось на значение репродуктивных технологий), которые могут претендовать на принципиальные преобразования социума, возникающие риски, а также потенциальные правовые последствия.

В числе первых следует упомянуть создание искусственной матки, тем более что в продвижении данной технологии наметился существенный прогресс. В 2017–2022 гг. в Детской больнице Филадельфии в искусственной среде были успешно выращены более 300 ягнят. В сентябре 2023 г. экспертами Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США была проведена первая консультация по этике и правилам использования устройства «Внематочная среда для развития новорожденного» (Extra-uterine Environment for Newborn Development, EXTEND) в отношении плода человека (Kozlov, 2023:459).

Аналогичные исследования проводятся в Австралии, Японии, Нидерландах, Канаде (различаются лишь некоторые подходы) (Romanis, 2020).

Вокруг нового устройства уже создан определенный (во многом спекулятивный) ажиотаж. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, это связано с продвижением концепции эктогенеза – искусственного вынашивания и рождения ребенка. Термин ввел в 1924 г. Дж. Холдейн, тогда спрогнозировав, что через 150 лет (в 2074 г.) появление людей «традиционным путем» будет примерно только в 30 % случаев (James, 1987). Длительное время «суррогатное» вынашивание плода человека (наситуруса) описывалось в фантастических книгах, и не всегда это представлялось как позитивное достижение цивилизации. Эксплуатация искусственно созданных образов не закончилась с появлением новой реальности.

Во-вторых, есть определенная заявка (со стороны части общества) на продвижение эктогенеза как современной формы развития человечества. Это выразилось в его провозглашении «моральным императивом и долгожданным результатом» (Khulbe et al., 2023:618). Объясняется это по-разному. Считается, что эктогенез разрешит проблему гендерной дискриминации, тем самым лишив женщину монополии на деторождение (в этой же логике эту возможность называют еще и стигматом), которая приводит ко многим ограничениям ее прав, выбивая из нормального хода социальной жизни. По мнению сторонников такого обоснования, некоторые аспекты семейной жизни, а именно воспитание детей, ведение домашнего хозяйства – гендерные стереотипы, которым будет нанесен существенный урон благодаря предоставлению вынашивания ребенка в виде услуги. «Технология создаст новый вид гендерного равенства» (Cavaliere, 2020). К тому же искусственная матка может стать заменой суррогатному материнству, внося свои коррективы в вопросы доступности спорной репродуктивной технологии. При таком подходе и масштабном распространении эктогенеза, безусловно, произойдет смена социальных устоев, но прогноз реальных последствий невозможен. Авторы при этом признают, что сформируются новые ценности, изменится формат семейной жизни (хотя часто делается оговорка о том, что нуклеарная семья не является объектом изменений) (Horn, 2020).

В-третьих, расширение возможностей искусственного вынашивания плода человека может привести к установлению дополнительных форм социального контроля. Эйфория освобождения может стать своей полной противоположностью. Разделение женщин на «правильных» и «неправильных» беременных может обусловить принуждение к эктогенезу, а далее к распределению рожденных по социально одобренным семьям. В научной литературе указывается на наличие значительного числа социально неблагополучных женщин. Если обращаться к законодательству некоторых штатов США, то можно увидеть специальные составы преступлений (как например, «крайнее безразличие к человеческой жизни» в штате Южная Каролина), которые инкриминируются беременным за их «рискованное поведение», наносящее вред плоду. К таковым может относиться курение, употребление наркотиков, несоблюдение врачебных рекомендаций. В 2003 г. Верховный суд Южной Каролины по делу «МакНайт против Южная Каролина» признал употребление наркотиков во время беременности как «сознательное равнодушие к правам ребенка», приведшее к его смерти¹⁸.

¹⁸ McKnight v. South Carolina. Available at: <https://www.judicial.state.sc.us/opinions/displayOpinion.cfm?caseNo=25585> [Accessed 12th December 2024].

В настоящий момент следует признать: многие опасения преждевременны. Искусственное вынашивание представляет собой лишь частичный эктогенез, при котором вынашивание плода возможно с 13-й недели беременности. В тех странах, где проводятся успешные эксперименты, новая возможность рассматривается как медицинская помощь в экстренных случаях (и с терапевтическими целями), а не социальный эксперимент. Но даже при этом возникают некоторые сложности именно юридического характера. Использование нового метода искусственного вынашивания обуславливает изъятие плода из материнского тела (экстракция), что потребует изменений в законодательство, определяющее момент рождения ребенка. Статья 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» кратка: моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Эта норма служит основанием для определения живорождения, которое необходимо при квалификации убийства (или его отсутствия). При вариациях появления на свет нового субъекта права – человека, – изменится понимание рождения ребенка, которое не будет ассоциироваться с наличием связи с материнским телом (Hooton & Romanis, 2022). Нельзя рассматривать и плод в специальном инкубаторе как новорожденный (он таковым не будет), он не родился в смысле этого слова – процесс вынашивания не завершен, хотя и видоизменился. В то же время зависимость от матери и ее тела полностью прекратилась. Возникнет также необходимость формирования показаний к переносу плода в искусственное лоно. И будут ли они носить только медицинский характер? – вопрос риторический.

Право и геномное редактирование

Появление определенных рисков и угроз связывают с возможностью геномного редактирования, долгое время которое рассматривалось в режиме медицинского эксперимента, отличающегося собственной эксклюзивностью. Ситуация поменялась с появлением технологии CRISPR/Cas9, серьезно облегчившей проведение манипуляций с ДНК (снизив как лабораторную, так и финансовую составляющую). «ГМО-человек» перестал быть фантастикой, а китайский ученый-биофизик Хэ Цзянькуй в ноябре 2018 г. превратил его в реальность, представив на платформе YouTube¹⁹ свое научное «детище» – ГМО-девочек Лулу и Нана, отредактированных с помощью CRISPR/Cas9. Рожденные девочки невосприимчивы к ВИЧ-инфекции. Подобное направление деятельности не отличается оригинальностью: в Российской Федерации подобные исследования проводились еще до анонса из Китая. Косвенным подтверждением может служить Решение Суда по интеллектуальным правам от 15 июня 2020 г. по делу № СИП-960/2019. Предметом разбирательства служил отказ в выдаче патента на изобретение «Способ редактирования гена человека CCR5 с целью внесения делеции delta32 на ранней стадии эмбрионального развития» по заявке № 2017146920. Патент как раз касался профилактики ВИЧ-инфекции с помощью геномного редактирования. Патент так и не был выдан (этому способствовало российское законодательство, содержащее определенные ограничения на патентование геномных технологий). В то же время отказ в выдаче патента не означает прекращение экспериментов в заявленном направлении.

¹⁹ About Lulu and Nana: Twin Girls Born Healthy After Gene Surgery As Single-Cell Embryos. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=th0vnOmFltc> [Accessed 12th December 2024].

Обобщенный анализ научной литературы, посвященной юридическим проблемам геномного редактирования, показывает, что наибольшие риски видятся в формировании нового комплекса семейных отношений (Brokowski, 2018), появлении «индустрии рождаемости» (Morrison & de Saille, 2019), отложенном (и не предсказуемом) причинении вреда здоровью (Benston, 2016), возрождении евгеники (Ranisch, 2018). В каждом приведенном аспекте появляется угроза использования достижений геномной медицины в несвойственных для нее целях (социальный отбор, дискриминация, стратификация граждан и др.). Наибольшая уязвимость проявляется у права на неприкосновенность частной жизни, которое и так в современных условиях сужает границы своего действия, а при вмешательстве в ДНК, которому предшествует его расшифровка, предопределяет полное раскрытие биологической природы человека. «Ящик Пандоры», который может раскрыться при распространении, насаивается в Российской Федерации на отсутствие надлежащего правового регулирования. По большинству значимых вопросов (по многим из которых есть общественный консенсус) можно констатировать «правовой вакуум». Так, в России действует Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», который в части применения его к человеку прошел противоречивую историю – от отрицания до некоторого распространения, а затем опять возвращение к отрицанию. С 1 сентября 2024 г. его усеченное распространение на генодиагностику и генотерапию прекратило свое действие. Это означает, что в этих вопросах следует руководствоваться общими правилами медицинской деятельности, предусмотренными Законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Однако использование геномных технологий в медицинской практике имеет свои существенные особенности. Например, отсутствует определение ДНК человека, что поднимает вопрос о допустимости редактирования только митохондриальной ДНК или и ядерной ДНК. Вариации на эту тему обуславливают разночтения в понимании модифицированного человека.

Зарубежное законодательство в части регулировании геномной медицины продвинулось значительным образом, что обнажает то число пробелов, которые пока присутствуют в российских правовых актах. Во многих странах действует целый пласт законов, среди которых следует выделить:

– Германия – Закон от 21 ноября 2011 г. о регулировании преимплантационной диагностики²⁰, Закон от 31 июля 2009 г. о генетическом тестировании²¹;

– Испания – Закон от 3 июля 2007 г. 14/2007 «О биомедицинских технологиях»²²;

– Норвегия – Закон от 12 мая 2003 г. об использовании биотехнологии в медицине и т.д.²³;

– Япония – Закон от 27 ноября 2013 г. № 85 «О безопасности регенеративной медицины»²⁴.

²⁰ Gesetz zur Regelung der Präimplantationsdiagnostik (Präimplantationsdiagnostikgesetz – PräimpG. Available at: <https://www.buzer.de/s1.htm?g=Pr%C3%A4implantationsdiagnostikgesetz&f=1> [Accessed 12th December 2024].

²¹ GenDG. Available at: http://www.biodeutschland.org/tl_files/content/positionsapiere/BIO_D_Position-Diagnostikgesetz.pdf [Accessed 12th December 2024].

²² Ley 14/2007, de 3 de julio, de Investigación biomédica. Available at: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-12945> [Accessed 12th December 2024].

²³ Lov om humanmedisinsk bruk av bioteknologi m.m. (bioteknologiloven). Available at: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2003-12-05-100> [Accessed 12th December 2024].

²⁴ Act on the Safety of Regenerative Medicine. Available at: https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/0000150542_00001.html [Accessed 12th December 2024].

В указанные законы уже неоднократно вносились изменения и дополнения. К тому же во многих странах активно развивается уголовное законодательство, направленное на недопущение злоупотреблений геномными технологиями. Например, Уголовный кодекс Франции содержит специальный отдел VI «Посягательства на человека, связанные с исследованием его генетических свойств или идентификацией посредством его генетических признаков» (глава VI Книги II), включающий в себя 6 составов. Кроме того, есть специальный раздел I Книги V «О преступных деяниях в области здравоохранения», включающий в себя несколько отделов, где некоторые из них также относятся к использованию геномных технологий.

Заключение

Современная биомедицина достигла таких результатов, когда может оказывать влияние на ключевые аспекты человеческой жизни: от деторождения до трансформации биологических признаков. С каждым годом ее потенциальные (а в некоторых случаях – реальные) возможности усиливаются, при этом доступ к ним упрощается и удешевляется. Еще несколько лет назад некоторые технологии рассматривались как экзотика, поражая высокой стоимостью и необходимостью вовлечения значительных общественных ресурсов, сейчас они прочно входят в каждодневную практику многих медицинских центров. Это, например, относится к расшифровке ДНК, стоимость которой в начале XXI в. исчислялась миллионами долларов и требовала создания международного консорциума ученых. Сейчас есть международные компании (в частности, «23andMe»), которые предлагают такую услугу за 100 долларов США. Следует признать, что расшифровка будет не в полном объеме, но достаточно информативной, вполне решающей основные медицинские цели в представлении об индивидуальных особенностях конкретного организма человека. Полученные данные, отражая биологические признаки человека, содержат значимый элемент частной жизни, но при этом создавая для нее дополнительную уязвимость.

Такой поход «биомедицины в массы» трансформирует общество, и не всегда последствия такого преобразования носят позитивный характер. До недавнего времени право выступало активным фактором инноваций. В любом случае, ускоряло или тормозило их, право не было пассивным наблюдателем. Сейчас происходит уникальное явление: технологии, меняя мир, в силу набранных скоростей представляют складывающийся социальный мир, уже под который подстраивается право. Поиск политического решения более длителен, чем формирование обновленной реальности. Дополнительные трудности доставляет глобализация: введение запретов в одной стране преодолевается либерализмом в другой. В силу универсальности биомедицинских технологий их распространение сложно обусловить наличием государственных границ. Именно поэтому многие страны продвигают международные инициативы по созданию единого правового поля по тем технологиям, которые имеют наиболее агрессивный характер в отношении самого человека (клонирование, редактирование генома, евгеника). При этом признаем, что отсутствие единства препятствует принятию универсальных конвенций, в которых так нуждается человечество. Можно упомянуть некоторые декларации, в частности, Всеобщую декларацию о геноме человека и о правах человека 1997 г. и Декларацию ООН о клонировании человека 2005 г., но даже эти документы, носящие рекомендательный характер, не принимались единогласно.

Государство пытается настроить собственное законодательство. Большинство стран использует механизмы деконцентрации публичной власти, когда принятие

решений по внедрению биомедицинской технологии в реальную медицинскую практику происходит на низовом уровне управления (с возможным последующим контролем, где основные полномочия переданы профессиональной врачебной корпорации). Так обеспечивается оперативность и приоритет биоэтической экспертизы. В то же время по некоторым вопросам выработался определенный консенсус, который находит отражение в отраслевом регулировании. Приведем только некоторые положения, которые закрепляются в большинстве правовых актов, посвященных биомедицине: запреты на неэтичные эксперименты с эмбрионами человека (например, запрет создания химер); усиление роли суда в решении репродуктивных вопросов (например, предварительная судебная санкция на суррогатное материнство); запрет на дискриминацию по генетическим характеристикам; ограничения в ДНК-идентификации (запрет на тайный тест); формулирование специальных прав человека (например, право на неведение при прохождении генодиагностики); введение национальных регистров репродуктивных технологий и геномных технологий; ограничения на использование результатов визуализации головного мозга в немедицинских целях.

В Российской Федерации актуален запрос на дерегулирование биомедицинских технологий, пока их оборот сопровождается жесткими административными барьерами на результаты исследований и внедрение их в повседневную практику. Ярким примером может служить ситуация с биомедицинскими клеточными продуктами, когда бюрократизация процедур разрешения, установленная Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», практически нивелировала все достижения, которые накопились к его принятию. В августе 2023 г. в закон были внесены некоторые изменения, которые должны упростить порядок использования БКП. В то же время Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не предусматривает особенности геномной медицины, не закрепляет некоторые правовые нюансы биомедицинских технологий.

В качестве мер, носящих экстренный характер и направленных на учет достижений современной биомедицины, необходимо рассмотреть следующие изменения в российское законодательство:

1. Пересмотр правового режима некоторых вспомогательных репродуктивных технологий, а именно – запрет на любые виды суррогатного материнства; жесткие ограничения в отношении преимплантационной генодиагностики (закрепление только медицинских показаний для проведения, ведения реестра всех проведенных исследований, специальный допуск для врачей и медицинских организаций); разрешительный допуск (оценка заботы о будущем ребенке) супружеских пар к процедуре искусственного оплодотворения.

2. Дополнение Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» специальными нормами, посвященными геномной медицине, в которых необходимо сформулировать пределы вмешательства в ДНК человека, ограничения на создание живых химерных организмов с участием человека, гарантии неприкосновенности частной жизни человека при секвенировании его генома, правовой режим медицинских банков данных ДНК человека, ограничения на использование генетических данных человека в немедицинских целях. Необходимо включить дополнительные права человека, которые апробированы в зарубежных нормативных актах и получили свое признание: право на «открытое будущее» (предполагает право совершеннолетнего не знакомиться с данными генетических тестов, полученных в период детства, если они не касаются напрямую его здоровья), право на неведение

(право не знать дополнительную информацию, полученную в результате секвенирования генома, которая не охватывалась целями исследования).

3. Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» нуждается в корректировке в части определения момента рождения ребенка. В настоящее время статья 53 Закона не учитывает даже возможность рождения путем кесарева сечения. Создание искусственной среды для вынашивания плода обуславливает закрепление общей допустимости такой технологии и статуса плода, нерожденного, но помещенного в искусственную среду.

4. Развитие биомедицины, и основанной на ее достижениях персонализированной медицины, предопределяет серьезный пересмотр всего здравоохранительного законодательства. Зарубежный опыт показывает, что во многих странах идут по пути принятия специальных правовых актов – законов о биомедицине (о биоэтике). Российская практика показывает наличие и так значительного числа правовых актов в сфере здравоохранения, многие из которых принимались еще в 90-х гг. прошлого столетия и нуждаются в своей модернизации. Наиболее оптимальным видится путь принятия единого Кодекса об общественном здравоохранении (варианты названия требуют дополнительного обсуждения). Это облегчит труд медицинских работников, унифицирует правоприменительную практику, снизит количество возникающих противоречий. Будущий Кодекс может не только объединить весь пласт законов, который действует в настоящее время в сфере здравоохранения, но и создаст правовую основу для многих инноваций: 3D-биопечать, правовой режим биобанков (включая банки данных ДНК), применение лекарственных средств передовой терапии, генотерапия и др.

References / Список литературы

- Bard, J. & Soderqvist, A. (2005) *NETOCRACY. The New Ruling Elite and Life after Capitalism*. St. Petersburg, Stockholm School of Economics in St. Petersburg Publ. (in Russian).
 Бард Я., Зодерквист А. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 252 с.
- Benston, S. (2020) CRISPR, a Crossroads in Genetic Intervention: Pitting the Right to Health against the Right to Disability. *Laws*. 5 (1): 5. <https://doi.org/10.3390/laws5010005>
- Brokowski, C. (2018) Do CRISPR Germline Ethics Statements Cut It? *The CRISPR Journal*. 1 (2), 115–125. <https://doi.org/10.1089/crispr.2017.0024>
- Cavaliere, G. (2020) Gestation, equality and freedom: Ectogenesis as a political perspective. *Journal of Medical Ethics*. 46 (2), 76–82. <https://doi.org/10.1136/medethics-2019-105691>
- Da Roit, B. & Busacca, M. (2024) Street-level netocracy: Rules, discretion and professionalism in a network-based intervention. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 44 (3–4), 296–310. <https://dx.doi.org/10.1108/IJSSP-04-2023-0087>
- Davis, N.J. (2014) Efficient Causation and Neuroscientific. In: Britta van Beers (ed.) *Explanations of Criminal Action: Humanity across International Law and Biolaw*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 124–140.
- Eastman, N. & Campbell, C. (2006) Neuroscience and legal determination of criminal responsibility. *Nature Reviews Neuroscience*. 7 (4), 311–318. <https://doi.org/10.1038/nrn1887>
- Foucault, M. (2010) The Birth of Biopolitics. Trans. Dyakov, A. V. *Lecture Course Delivered at the Collège de France in the 1978–1979 Academic Year*. St. Petersburg, Nauka Publ. (in Russian).
 Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб. : Наука, 2010. 448 с.
- Foucault, M. (2011) Security, Territory, Population. Trans. Bystrov, V.Yu., Suslova, N.V. & Shestakova, A.V. *Lecture Course Delivered at the Collège de France in the 1977–1978 Academic Year*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russian).

- Фуко М. Безопасность, территории, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. СПб. : Наука, 2011. 544 с.
- Fukuyama, F. (2004) *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnological Revolution*. Moscow, Progress Publ. (in Russian).
- Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М. : Прогресс, 2004. 352 с.
- Gkotsia, G.-M., Moulina, V. & Gassera, J. (2015) Les neurosciences au Tribunal: de la responsabilité à la dangerosité, enjeux éthiques soulevés par la nouvelle loi française [Neuroscience in Court: From Responsibility to Danger, Ethical Issues Raised by the New French Law]. *L'Encéphale*. 41, 385–393. (in French). <https://doi.org/10.1016/j.encep.2014.08.014>
- Hooton, V. & Romanis, E.C. (2022) Artificial womb technology, pregnancy, and EU employment rights. *Journal of Law and the Biosciences*. 9 (1): Isac009. <https://doi.org/10.1093/jlb/Isac009>
- Horn, C. (2020) Gender, gestation and ectogenesis: Self-determination for pregnant people ahead of artificial wombs. *Journal of Medical Ethics*. 46 (11), 787–788. <https://doi.org/10.1136/me-dethics-2020-106156>
- Hung, T.W. & Yen, C.P. (2023) Predictive policing and algorithmic fairness. *Synthese*. 201 : 206. <https://doi.org/10.1007/s11229-023-04189-0>
- James, D.N. (1987) Ectogenesis: A reply to Singer and Wells. *Bioethics*. 1 (1), 80–99. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.1987>
- Khulbe, Y., Gupta, S., Javed, B., Neyazi, A. & Padhi, B.K. (2023) Artificial womb: opportunities and challenges for public health. *International Journal of Surgery*. 109 (3), 618–619. <https://doi.org/10.1097/JS9.0000000000000208>
- Kozlov, M. (2023) Human trials of artificial wombs could start soon. Here's what you need to know. *Nature*. 621 (7979), 458–460. <https://doi.org/10.1038/d41586-023-02901-1>
- Kravets, I.A. (2022) Constitutional biojurisprudence and achieving bioethical well-being (part 1). *Comparative constitutional review*. 2 (147), 16–42. (in Russian). <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-2-16-42>
- Кравец И.А. Конституционная биюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (часть 1) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 2 (147). С. 16–42. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-2-16-42>
- Meynen, G. (2016) Neurolaw: recognizing opportunities and challenges for psychiatry. *Journal of Psychiatry & Neuroscience*. 41 (1), 3–5. <https://doi.org/10.1503/jpn.150317>
- Mokhov, A.A. (2022) Biolaw and the strategy of its development in the Russian Federation. *Actual problems of Russian law*. (2), 201–210. (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.201-210>
- Мохов А.А. Биоправо и стратегия его развития в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 201–210. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.201-210>
- Morrison, M. & de Saille, S. (2019) CRISPR in context: Towards a socially responsible debate on embryo editing. *Palgrave Communications*. 5: 110. <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0319-5>
- Mugari, I. & Obioha, E.E. (2021) Predictive Policing and Crime Control in The United States of America and Europe: Trends in a Decade of Research and the Future of Predictive Policing. *Social Sciences*. 10 (6): 234. <https://doi.org/10.3390/socsci10060234>
- Ranisch, R. (2018) CRISPR-Eugenik? Kritische Anmerkungen zur historischen Bezugnahme in der gegenwärtigen Verhandlung der Genom-Editierung. In: Ranisch, R. & Knoepffler, N. (eds.) *Genome Editing – Quo vadis? Ethische Fragen zur CRISPR/Cas-Technik* Würzburg, Königshausen & Neumann Publ., pp. 131–138. (in German).
- Romanis, E.C. (2020) Artificial womb technology and clinical translation: Innovative treatment or medical research? *Bioethics*. 34 (4), 392–402. <https://doi.org/10.1111/bioe.12701>
- Rouvière, F. (2021) La justice prédictive: peut-on réduire le droit en algorithmes? [Predictive justice: can we reduce the law to algorithms?] *Pouvoirs*. 178 (3), 97–107. (in French). <https://doi.org/10.3917/pouv.178.0097>

- Sabatello, M. & Appelbaum, P.S. (2017) Behavioral Genetics in Criminal and Civil Courts. *Harvard Review of Psychiatry*. 25 (6), 289–301. <https://doi.org/10.1097/HRP.0000000000000141>
- Schleim, S. (2020) Real Neurolaw in the Netherlands: The Role of the Developing Brain in the New Adolescent Criminal Law. *Frontiers in Psychology*. 11: 1762. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01762>
- Sergeev, Yu.D. (2006) Biomedical law of Russia. *Medical law*. (4), 3–4. (in Russian). EDN: KOHAWB.
Сергеев Ю.Д. Биомедицинское право России // Медицинское право. 2006. № 4. С. 3–4. EDN: KOHAWB.
- Strikwerda, L. (2021) Predictive policing: The risks associated with risk assessment. *The Police Journal*. 94 (3), 422–436. <https://doi.org/10.1177/0032258X20947749>
- Thaler, R. & Sunstein, K. (2017) *Nudge. The Architecture of Choice. How to Improve Our Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ. (in Russian). *Талер Р., Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.
- Thaler, R.H. (1985) Mental Accounting and Consumer Choice. *Marketing Science*. 4 (3), 199–214. <https://doi.org/10.1287/mksc.4.3.199>
- Tishchenko, P.D. (2001) *Bio-power in the era of biotechnology*. Moscow, IFRAS Publ. (in Russian). *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М. : ИФРАН, 2001. 177 с.
- Toffler, E. (2002) *Future shock*. Moscow, AST Publ. (in Russian). *Тоффлер Э.* Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.
- Vidalis, T. (2022) *The Emergence of Biolaw. The European Experience and the Evolutionary Approach*. Switzerland, Springer Cham Publ. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-02359-0>

Сведения об авторах:

Романовская Ольга Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Средне-Волжский филиал (институт), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); 430003, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

ORCID: 0000-0002-4563-1725; SPIN-код: 5496-7700

e-mail: olga71.olgarom@gmail.com

Романовский Георгий Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Пензенский государственный университет; 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

ORCID: 0000-0003-0546-2557; SPIN-код: 2791-8376

e-mail: vlad93@sura.ru

About the authors:

Olga V. Romanovskaya – Doctor of Law, Full Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Middle Volga Branch (Institute) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); 430003, Republic of Mordovia, Saransk, 6 Fedoseenko Str.

ORCID: 0000-0002-4563-1725; SPIN-code: 5496-7700

e-mail: olga71.olgarom@gmail.com

Georgy B. Romanovskiy – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University; 40 Krasnaya str., Penza, 440026, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0546-2557; SPIN-code: 2791-8376

e-mail: vlad93@sura.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-886-898>

EDN: LELGIC

Биографический очерк / Biographical Sketch

Александр Владимирович Лохвицкий (1830–1884): педагог, ученый, адвокат

А.А. Демичев

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Нижегородский институт управления – филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, *г. Нижний
Новгород, Российская Федерация*

 aadem@bk.ru

Аннотация. Цель работы – характеристика научно-педагогической и адвокатской деятельности одного из наиболее известных российских адвокатов второй половины XIX в. Александра Владимировича Лохвицкого. Источниками биографического очерка являются документы личного происхождения современников А.В. Лохвицкого (К.Н. Бестужева-Рюмина, Е.И. Козлининой, В.И. Немирович-Данченко, А.В. Никитенко), некрологи, статьи в дореволюционных словарях, научные труды А.В. Лохвицкого, опубликованные судебные речи А.В. Лохвицкого, материалы дискуссии конца XIX – начала XX в. об адвокатской этике и другие. Сделан вывод о том, что хотя в сфере педагогики успехи А.В. Лохвицкого носили локальный характер, но некоторые его идеи оказались реализованными на практике и вполне применимы к современности. В научной сфере А.В. Лохвицкий достиг серьезных успехов, ряд его работ до сих пор представляют интерес для специалистов. В сфере адвокатской деятельности А.В. Лохвицкий также оставил серьезное наследие в виде опубликованных речей. В плане ораторского искусства многие из них могут служить образцом судебных выступлений. Одной из главных заслуг присяжного поверенного Александра Владимировича Лохвицкого является то, что он породил в России дискуссию об адвокатской этике, в ходе которой были поставлены многие вопросы, сохранившие актуальность и в наше время.

Ключевые слова: присяжные поверенные, адвокатура, адвокатская этика, громкие уголовные процессы

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 24 апреля 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Демичев А.А. Александр Владимирович Лохвицкий (1830–1884): педагог, ученый, адвокат // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 4. С. 000–000. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-000-000>

**Alexander Vladimirovich Lokhvitsky (1830–1884):
Teacher, scientist, lawyer**

Alexey A. Demichev

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, *Nizhny Novgorod,
Russian Federation*

Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPa, *Nizhny Novgorod,
Russian Federation*

 aadem@bk.ru

Abstract. The objective of this work is to characterize the scientific, pedagogical, and advocacy activities of Alexander Vladimirovich Lokhvitsky, one of the most renowned Russian lawyers of the second half of the 19th century. The sources for this biographical essay include personal documents of Lokhvitsky's contemporaries (K.N. Bestuzhev-Ryumin, E.I. Kozlinina, V.I. Nemirovich-Danchenko, A.V. Nikitenko), obituaries, articles from pre-revolutionary dictionaries, Lokhvitsky's scientific works, his published court speeches, and materials from discussions on advocacy ethics at the turn of the 19th and 20th centuries. The study concludes that although Lokhvitsky's pedagogical achievements were somewhat localized, several of his ideas found practical application and remain relevant today. He attained noble success in the scientific realm, with a number of his works continuing to interest specialists. In advocacy, A.V. Lokhvitsky left a significant legacy through his published speeches, many of which serve as exemplary models for court oratory. Among his key contributions was sparking a discourse in Russia on attorney ethics, raising issues that continue to resonate in contemporary legal practice.

Key words: attorneys-at-law, advocacy, attorney ethics, high-profile criminal trials

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 24th April 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Demichev, A.A. (2025) Alexander Vladimirovich Lokhvitsky (1830–1884): Teacher, scientist, lawyer. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 000–000. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-000-000>

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи было много ярких, приобретших широкую известность, представителей адвокатуры. Также в этот период немало имелось педагогов, одновременно являвшихся учеными-правоведами, рассматривавших различные актуальные для своего времени теоретические и практические проблемы. Однако сочетание, чтобы один и тот же человек являлся и хорошим преподавателем, и высоко котирующимся представителем сословия присяжных поверенных, и серьезным ученым, – было редкостью. Одним из образцов такого синтеза являлся Александр Владимирович Лохвицкий.

А.В. Лохвицкий (1830–1884) родился в семье купца третьей гильдии, дослужился до потомственного дворянства и прожил короткую, но действительно яркую жизнь, трагически прервавшуюся из-за медицинской некомпетентности врача. Кроме научного и адвокатского наследия, Александр Владимирович оставил после себя шестерых детей. Четверо из них стали известными фигурами в различных сферах жизни: сын Николай получил в царской армии звание генерал-лейтенанта, а дочери Варвара (Мюргит), Елена (Элио), Надежда (Тэффи) пошли по пути литературного творчества, снискав славу на ниве поэзии и художественного перевода.

Подтверждением тому, что А.В. Лохвицкий был неординарной личностью, имевшей всероссийскую известность как ученый и присяжный поверенный, свидетельствует хотя бы то, что о нем имеются персональные статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹ и Русском биографическом словаре², а из семи томов издания «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах», вышедшего в 1895–1903 гг., в пяти томах опубликованы речи А.В. Лохвицкого (Lokhvitsky, 1895–1903). А.В. Лохвицкому посвящали эпиграммы (Shcherbina, 1873; Martyanov, 1893), о нем ходили анекдоты (Shevlyakov, 1898), а после смерти писались некрологи³ (Nevyadomsky, 1884), ему уделяли место в мемуарной литературе (Maikov, 1900; Kozlinina, 1913; Nemirovich-Danchenko, 2001). Имя этого человека было «на слуху» у современников при жизни и в течение десятилетий после смерти. Кроме того, А.В. Лохвицкий упоминается во всех трудах по адвокатуре, ораторскому искусству, адвокатской этике конца XIX – начала XX в. (Nevyadomsky, 1886; Dzhanishiev, 1887; Timofeev, 1900; Hessen, 1914; Koni, 1969).

При всем этом фигура Александра Владимировича Лохвицкого осталась без внимания исследователей советского и постсоветского периодов, за исключением единственной статьи (Vakhmistrov & Vakhmistrova, 2022) и краткой справки в сборнике «Суд присяжных в России» (Kazantsev, 1991). В данной работе мы постараемся в какой-то степени восполнить указанный пробел.

Педагогическая и научная деятельность А.В. Лохвицкого

Кратко охарактеризуем жизненный путь А.В. Лохвицкого до того, как он стал присяжным поверенным.

Итак, как мы уже отмечали ранее, Александр Владимирович Лохвицкий родился в 1830 г. в купеческой семье. Сначала он обучался в Третьей Московской, потом – во Второй Санкт-Петербургской гимназии, после чего поступил на юридический факультет Московского университета, с отличием окончил его в 1851 г. со степенью кандидата права. Обратим внимание, что «кандидат права» в Российской империи и «кандидат юридических наук» в Российской Федерации – это совершенно разные вещи. Тем не менее, окончание университета со степенью кандидата права (для этого нужно было сдать экзамены и написать научную работу) свидетельствует о научных способностях, проявившихся у молодого А.В. Лохвицкого.

В 1855 г. в Московском университете А.В. Лохвицкий защитил уже магистерскую диссертацию, в которой исследовался статус пленных по древнему русскому

¹ Лохвицкий А.В. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII (35): Лопари – Малолетние преступники. СПб. : Типо-литография И.А. Ефрона, 1896. С. 40.

² Лохвицкий А.В. Русский биографический словарь. Т. X. Лабзина – Лященко. СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1914. С. 703–705.

³ С.П.Б. Некролог // Судебная газета. 1884. № 21. 20 мая.

праву в XV–XVII вв. (Lokhvitsky, 1855) и получил степень магистра общенародного права.

Преподавательская деятельность будущего присяжного поверенного началась в 1856 г. в Решильевском лицее в Одессе, который в 1865 г. был реорганизован в Новороссийский императорский университет. Сначала непродолжительное время А.В. Лохвицкий занимал должность адъюнкта, сразу получив чин коллежского асессора (VIII класс по Табелю о рангах), потом встал на профессорскую должность, преподавал историю русского права, законоведение, энциклопедию права.

А.В. Лохвицкий был активным педагогом, стремился совершенствовать учебный процесс в Решильевском лицее. Он способствовал пополнению библиотечных фондов, старался активизировать самостоятельную образовательную деятельность обучающихся, создал в библиотеке специальный кабинет для студенческого чтения. Благодаря его усилиям были изменены правила приема и унифицированы требования к лицам, поступавшим в Решильевский лицей (Vakhmistrov & Vakhmistrova, 2022:152).

В 1856–1857 гг. А.В. Лохвицкий ездил в годовую командировку с сохранением жалования в Германию и Францию «для изучения методики преподавания правовых наук» (Vakhmistrov & Vakhmistrova, 2022:153). Важную роль в развитии молодого ученого сыграло то, что он слушал лекции немецких профессоров в Гейдельбергском университете. Видимо, атмосфера науки, царившая в старейшем университете Германии, еще более стимулировала интерес А.В. Лохвицкого к науке. Побывав в нескольких немецких и французских университетах, а также ознакомившись с функционированием французских уголовных судов и адвокатуры, вернувшись в Россию, 1858 г. он написал небольшую, но интересную работу, посвященную дуэлям (Lokhvitsky, 1858). Одновременно А.В. Лохвицкий стал активно работать с архивными материалами. В итоге в 1864 г. вышло в свет получившее широкое признание исследование (кстати, выдержавшее два издания в один год) земских и правительственных губернских учреждений (Lokhvitsky, 1864a; Lokhvitsky, 1864b). Эта же работа была защищена как докторская диссертация, и А.В. Лохвицкий получил степень доктора государственного права.

Перу А.В. Лохвицкого принадлежит еще две крупные работы: «Обзор современных конституций» (Lokhvitsky, 1862–1863) и очень актуальный для пореформенного периода «Курс русского уголовного права» (Lokhvitsky, 1867). Каждый из этих трудов пользовался спросом, о чем свидетельствует по два их издания с разрывом в несколько лет (Lokhvitsky, 1865; Lokhvitsky, 1871). Кстати, современные специалисты в области виктимологии находят в «Курсе русского уголовного права» А.В. Лохвицкого немало ценного и для современности (Kabanov, 2021). Наряду с крупными работами ученый являлся автором многочисленных научных и публицистических статей в периодических изданиях «Голос», «Журнал Министерства народного просвещения», «Журнал Министерства юстиции», «Московские ведомости», «Народное богатство», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Русский инвалид», «Русский мир», «Русское слово», «Судебный вестник» и др.

А.В. Лохвицкий уже в конце 1850-х – начале 1860-х гг. действительно являлся известным ученым-юристом. Об этом свидетельствует и тот факт, что в 1862 г. комиссия, созданная при Государственной канцелярии для разработки проектов Судебных уставов, в числе прочих ведущих правоведов обратилась и к Александру

Владимировичу с просьбой высказать свои соображения и замечания на «Основные положения преобразования судебной части в России» (Tomsinov, 2015:35).

В 1861 г. А.В. Лохвицкий уехал из Одессы в Санкт-Петербург, где стал преподавать в Императорском Александровском лицее и Военно-юридической академии. После переезда в столицу Александр Владимирович также являлся членом медицинского совета при Министерстве внутренних дел с правом совещательного голоса «для разрешения судебных и законодательных вопросов, возникавших в пределах ведомства этого учреждения» (Nevyadomsky, 1884:48).

А.В. Лохвицкий обладал скандальным, язвительным и грубоватым характером, который проявился еще в период обучения в гимназии. Как отмечал живший с ним некоторое время в одной квартире в гимназический период К.Н. Бестужев-Рюмин, «Лохвицкий был человек самолюбивый, чрезвычайно остроумный и находчивый» (Maikov, 1900:30–31). За перепалку с субинспектором, в ходе которой гимназист Лохвицкий на претензию последнего «Вы еще разговариваете» отреагировал фразой «Я разговариваю только с образованными людьми», попал в карцер (Maikov, 1900:31).

Чуть позже в 1864 г. филолог академик А.В. Никитенко в своем дневнике оставил запись о первой встрече с А.В. Лохвицким: «в нем что-то есть свойственное нынешним передовым людям, то есть непобедимая самоуверенность и дух нетерпимости. Диктаторские приговоры текут из уст его рекою, и, кажется, он никому не позволяет подняться до высоты его полета» (Nikitenko, 1955:410), а в другой записи, признавая научные заслуги своего знакомого, привел такую характеристику: «Лохвицкий умен, но немного смахивает на ярыгу» (Nikitenko, 1955:475), в третьей – назвал его «несимпатичной личностью» (Nikitenko, 1955:497).

Характер А.В. Лохвицкого отразился на манере вести научную и публицистическую дискуссию (особенно показательна в этом плане полемика с К.Д. Кавелиным (Vakhmistrov & Vakhmistrova, 2022:153)) и, конечно, в адвокатской деятельности. Кстати, из-за сложности характера и непростых отношений с окружающими А.В. Лохвицкий не смог стать профессором Санкт-Петербургского университета. Эту попытку он предпринял в 1864 г., но, несмотря на наличие степени доктора права и признаваемые заслуги в науке, баллотировка оказалась неудачной. Не исключено, что невозможность дальнейшего прогресса на ниве преподавания из-за непопадания в Санкт-Петербургский университет в какой-то степени повлияла на последующее решение покинуть эту сферу профессиональной деятельности и перейти в адвокатуру.

Принятие Судебных уставов 1864 г. повлекло издание различных юридических газет и журналов. Одним из таких изданий стала газета «Судебный вестник», выходившая с 1866 по 1877 гг. Изначально одним из ее издателей и редакторов (совместно с профессором А.П. Чебышевым-Дмитриевым) стал А.В. Лохвицкий.

Адвокатская деятельность А.В. Лохвицкого

Судебная реформа 1864 г. оказала серьезное влияние на жизнь Александра Владимировича. В 1869 г. он уволился с государственной службы (преподаватели государственных образовательных учреждений в Российской империи находились на государственной службе), дослуживший до высокого чина действительного статского советника (IV класс по Табелю о рангах, равный генерал-майору в армии), дававшего право на потомственное дворянство. После этого дальнейшая жизнь

А.В. Лохвицкого была связана с адвокатской деятельностью. К сожалению, с переходом в адвокатуру научная деятельность этого талантливого исследователя практически прекратилась.

С 1869 г. А.В. Лохвицкий стал выступать в Санкт-Петербурге защитником по уголовным делам. Неоднократно он подавал прошение о включении его в сословие присяжных поверенных, но в течение шести лет неизменно получал отказ от местной корпорации. После этого он переехал в Москву, где не без трудностей 13 августа 1874 г. был принят в число присяжных поверенных Московского округа (Kozlinina, 1913:148–149).

А.В. Лохвицкий являлся сложной и неординарной личностью. Это осознавалось современниками и приводило к далеко неоднозначным ее оценкам. Признавая эрудицию, остроумие и иные таланты адвоката, многие его не любили, считали неприятным, беспринципным, корыстным человеком.

А.П. Чехов в одностороннем произведении с ироничным названием «Плоды долгих размышлений» опубликовал такой афоризм: «Прочность и постоянство законов природы заключаются в том, что их не может обойти ни один адвокат (кроме Лохвицкого, конечно)»⁴, в котором сочетается сарказм и одновременно признание таланта Александра Владимировича.

«Ядовитость» ума и точность даваемых А.В. Лохвицким характеристик признавал А.Ф. Кони, цитируя в работе «Нравственные начала в уголовном процессе» его высказывание: «у нас члены судов строго разделяются на криминалистов и гражданских, причем первыми считают себя те, кто ничего не понимает в гражданском праве, а вторыми – те, кто тоже ничего не понимает в уголовном праве» (Koni, 1969). Понятно, что представители судейского сообщества недолюбливали А.В. Лохвицкого.

В воспоминаниях полвека проработавшей в судебной системе Российской империи Е.И. Козлиной, лично знакомой со многими судьями, прокурорами и адвокатами, сохранились сведения и о А.В. Лохвицком. От них остается неоднозначное впечатление. Е.И. Козлинина пишет: «благодаря своему необъятному таланту он всякий раз производил огромное впечатление, ставившее его несравненно выше всей остальной адвокатуры, но речи его были далеко не корректны; и после этих речей, приводивших слушателей в неподдельный восторг, оставался какой-то неприятный осадок, который не мог не возмущать нравственного чувства самого заурядного человека. Это был типичный циник и его нравственный облик вполне гармонировал с его непривлекательной внешностью» (Kozlinina, 1913:147).

Ораторские способности Александра Владимировича ни у кого не вызвали сомнений, хотя оценивались весьма специфически. Так, присяжный поверенный Д.И. Невядомский, бывший ранее стажером у А.В. Лохвицкого в адвокатуре, писал, что тот «не был оратором в обыкновенном смысле этого слова, но речи его отличались строгой логикой и исключительной ясностью изложения, производили на слушателей неотразимое впечатление: умение ориентироваться в каждом сложном и запутанном деле при глубоких познаниях его, затем его быстрая находчивость и тонкий юмор, наконец, манера его иллюстрировать речь известными сравнениями и историческими примерами, неисчерпаемый запас которых всегда хранила его богатая память, – все это приковывало к нему внимание слушателей, долго остававшихся под обаянием его мощного слова» (Nevyadomsky, 1884:52).

⁴ А.П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 2. М.: Наука, 1983. 371 с.

Василий Иванович Немирович-Данченко (писатель и журналист, родной брат театрального режиссера Владимира Ивановича Немировича-Данченко) называл А.В. Лохвицкого одним «из талантливейших поэтов трибуны своего времени», отмечал, что «его ответы – всегда неожиданные, меткие – поражали своей находчивостью» (Nemirovich-Danchenko, 2001:121). Другой современник отмечал, что, прекрасно владея пером, Александр Владимирович «еще более блестяще владел живым словом. Оригинальность его речей составляло замечательное соединение ясности и деловитости с блеском остроумия»⁵.

Русским выдающимся адвокатом называл А.В. Лохвицкого и А.Г. Тимофеев – автор работ по судебному ораторскому искусству. «Его речи, – писал А.Г. Тимофеев, – не отличались внешним блеском и мастерством отделки или необычайным богатством и глубиной содержания, оратор не поднимал в них дела до высоты общих вопросов, не затрагивал широких общественных настроений, – он оставался в пределах очерченных обстоятельств дела, но зато умел в этих пределах искусно распорядиться материалом и сделать в пользу своего клиента все возможное, чтобы доказать его невиновность или смягчить грозящее ему наказание», «его речь давала ясное и понятное изложение дела» (Timofeev, 1900:139).

До нас дошли фотография, портрет А.В. Лохвицкого и даже карикатура на него. Таким образом, мы можем составить некоторое представление о внешнем облике адвоката. На фотографии и портрете изображен плотный, лысый человек зрелого возраста с усами на гладко выбритом немного одутловатом лице с не очень добрым пронизательным, сканирующим взглядом. Однако изображения статичны, поэтому интерес представляют описания внешнего вида А.В. Лохвицкого его современниками.

И.Е. Козлинина так описывает А.В. Лохвицкого: «Маленького роста, очень широкий и толстый, с необъятным торчащим впереди животом, с голой, как колено, головой, с хриплым как немазанное колесо, голосом, он производил отталкивающее впечатление, от которого нельзя было отрешиться, пока он не начинал говорить. Но по мере того как лилась его речь, она до такой степени захватывала слушателя, что его внешность как-то ступшеывалась, и он начинал казаться симпатичным. Но речь его кончалась, и по мере того, как слушатель старался резюмировать все им сказанное, получался тот нестерпимый осадок от инсинуаций против тех, кого в интересах своей защиты ему было выгодно очернить, и чувство восхищения само собой переходило в чувство брезгливости» (Kozlinina, 1913:147). О «не очень привлекательной наружности» А.В. Лохвицкого писал в своем Дневнике и академик А.В. Никитенко, оставив запись об их первой встрече (Nikitenko, 1955:410).

В рецензии на многотомное издание «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах» тоже имеется описание внешности А.В. Лохвицкого, в целом совпадающее с тем, что мы видим на сохранившихся изображениях и воспоминаниях Е.И. Козлининой: «громадная лысая голова, неуклюжая фигура, хриплый голос»⁶. И также отмечается дисгармония между внешним видом и умением завораживать слушателя: «умный защитник умел очаровывать слушателей новизной своих

⁵ С.П.Б. Некролог // Судебная газета. 1884. № 21. 20 мая.

⁶ А.Л. Рецензия на книгу «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах».1895. Режим доступа: <https://oldlawbook.narod.ru/lohvitsky.htm> (дата обращения: 10.04.2025).

мыслей и поддерживать внимание аудитории, пересыпая речь свою живыми примерами, историческими фактами и сравнениями, полными юда и сарказма»⁷.

А.В. Лохвицкий брался за совершенно разные дела, не особо заботясь об их моральной составляющей. Е.И. Козлинина писала: «вообще же он не только не гнушался никакими делами, но и не брезговал никакими способами, чтобы их выиграть» (Kozlina, 1913:148), «он охотно брался за такие дела, от которых другие брезгливо отвергались; и здесь, как и там, всякие способы для того, чтобы их выиграть, были для него хороши. А между тем для этого было бы совершенно достаточно и одного его могучего таланта» (Kozlina, 1913:149). А.В. Лохвицкий понимал адвокатскую этику как защиту интересов своего клиента абсолютно любыми способами, если они прямо они не нарушают требований закона. Некорректность в речах нередко приводила к тому, участники процесса пытались привлечь его к уголовной ответственности за клевету, но он всегда «вывертывался» (Kozlina, 1913:147–148).

Как и любой адвокат, А.В. Лохвицкий не всегда выигрывал дела, в том числе и «громкие» уголовные процессы. Например, несмотря на его усилия фигуранты знаменитого «соляного дела» в Нижнем Новгороде были осуждены (Demichev, 2020). Но, естественно, было и много побед, иначе бы он не стал популярным адвокатом, к которому выстаивались очереди. С просьбой о ведении дела по наследству его тетки А.Ф. Куманиной к А.В. Лохвицкому обращался Ф.М. Достоевский. Правда, здесь «не сложилось» – сначала адвокат был занят в других делах, а потом его вовсе исключили из сословия присяжных поверенных и он уже не имел права участвовать в этом деле. Однако сам факт обращения Ф.М. Достоевского к А.В. Лохвицкому свидетельствует о профессиональном авторитете последнего.

А.В. Лохвицкий не участвовал в крупных политических процессах. Возможно, по этой причине его личность и деятельность и не стали объектом внимания ученых советского (и по традиции постсоветского) периода. Зато он был очень скрупулезен в делах, связанных с имущественными спорами и обязательствами. Причем не только в рамках гражданского судопроизводства, но и в уголовных делах, отягощенных гражданско-правовой составляющей, в суде присяжных. Нередко он выступал в качестве гражданского истца по уголовным делам.

До нас дошли многочисленные речи А.В. Лохвицкого, произнесенные в разных «громких» процессах. В задачи нашей работы не входит ни анализ этих дел, ни речей их участников, включая А.В. Лохвицкого. Лишь укажем несколько наиболее известных процессов, в которых принял участие Александр Владимирович:

- дело титулярного советника Бильбасова в Санкт-Петербургском окружном суде, выступал защитником;
- дело корнета Мгеброва в Санкт-Петербургском окружном суде, выступал защитником;
- дело братьев Мясниковых в Санкт-Петербургском окружном суде, являлся гражданским истцом (прокурором был А.Ф. Кони);
- дело о «Клубе червонных валетов» в Московском окружном суде, защищал одного из подсудимых;
- дело игуменьи Митрофании в Московском окружном суде, являлся гражданским истцом (кстати, вместе с Ф.Н. Плевако);

⁷ А.Л. Рецензия на книгу «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах». 1895. Режим доступа: <https://oldlawbook.narod.ru/lohvitsky.htm> (дата обращения: 10.04.2025).

– Нижегородское «Соляное дело» в Сенате, выступал защитником одного из обвиняемых;

– дело бывшего студента Данилова в Сенате, выступал защитником.

– спор между наследниками профессора Д.И. Мейера и профессором А.И. Вицыным об издании записей лекций Д.И. Мейера по русскому гражданскому праву, защищал интересы ответчика в Санкт-Петербургском окружном суде, Санкт-Петербургской судебной палате и в Сенате.

Считается, что ораторские способности практикующих юристов в России после судебной реформы 1864 г. наиболее ярко проявлялись в процессах с участием присяжных заседателей, которые в подавляющем большинстве случаев проходили в окружных судах. Естественно, А.В. Лохвицкий выступал многократно (и весьма успешно) перед присяжными заседателями, однако наибольшую славу он снискал в выступлениях в Сенате. В этом, пожалуй, ему не было равных. И там Александр Владимирович на собственном опыте сумел опровергнуть известную английскую поговорку: «Если адвокат защищает себя сам, то его подзащитный – дурак». Он сам себя сумел успешно защитить в дисциплинарном производстве, последовавшем в отношении него после дела Н. Элькина.

Вообще, дело 26-летнего Н. Элькина, обвиненного в мошенничестве в отношении 50-летней вдовы титулярного советника Поповой, с которой он сожительствовал (Hessen, 1914:313–321; Dulich & Vakhmistrova, 2019:17–18), слушавшегося в 1876 г., стало самым сложным и неоднозначным в карьере А.В. Лохвицкого. Более того, оно повлекло за собой мощнейшую дискуссию об адвокатской этике, продолжавшейся более 30 лет и после смерти А.В. Лохвицкого (Hessen, 1914:321–331; Dulich & Vakhmistrova, 2019:16–21). Мы не будем касаться фактических обстоятельств этого нашумевшего дела, а остановимся на более важных, на наш взгляд, его аспектах.

Несмотря на то, что А.В. Лохвицкий считал Элькина аморальным человеком, не заслуживающим подачи ему руки, он выиграл этот процесс (подсудимый был освобожден от наказания), а потом выиграл и гражданское дело, последовавшее из уголовного (суд благодаря А.В. Лохвицкому отклонил все три гражданских иска, поданных адвокатом Поповой). Это вызвало бурную реакцию не только общественности, но и адвокатского сообщества. Присяжный поверенный Ордынский, представлявший интересы Поповой, подал на А.В. Лохвицкого жалобу в совет присяжных поверенных на то, что тот берется за ведение заведомо недобросовестных дел. В отношении А.В. Лохвицкого было возбуждено дисциплинарное производство. Сначала совет присяжных поверенных Московского судебного округа, а потом Московская судебная палата лишили его статуса присяжного поверенного, мотивировав свое решение, что он нарушил этические требования, предъявляемые к адвокату. Однако А.В. Лохвицкий сумел убедить Сенат как высшую судебную инстанцию Российской империи в своей правоте. В итоге в 1879 г. Сенат не нашел никаких нарушений в действиях А.В. Лохвицкого, прекратил в отношении него дисциплинарное производство и восстановил в сословии присяжных поверенных.

На А.В. Лохвицкого часто сыпались обвинения не только в беспринципности, но и в корыстолюбии. Однако имеются свидетельства современником, что, скорее, это была не правда, а вымысел его недругов. Некий «С.П.Б.» в некрологе, посвященном Александру Владимировичу, писал, что тот был «добрый, верный и нежадный человек», «многие полагали, что он наживает груду денег, а он, между тем, оставляет

очень скромное состояние»⁸. О доброте и бескорыстной помощи людям писал и другой современник: ему «была присуща поистине редкая доброта и та искренняя готовность оказать действительную помощь всякому нуждающемуся в ней. Пишущему эти строки, да вероятно и многим другим, ближе знавшим покойного, известно, сколько добра делал он, сколько лиц получили возможность довершить свое образование, благодаря его материальной поддержке» (Nevyadomsky, 1884:53). Конечно, в некрологах принято писать, в основном, хорошее об умершем человеке. Но и, вряд ли, положительные черты человека, в них указанные, были абсолютной выдумкой.

Скончался А.В. Лохвицкий 16 мая 1884 г. совершенно внезапно в тот момент, когда вся его семья уехала на отдых в деревню на Волыни, успев перед смертью сделать несколько распоряжений присяжному поверенному Д.И. Невядомскому. Как писал Д.И. Невядомский, «покойный оставил после себя многочисленную семью, незначительное недвижимое имение и небольшую сумму на похороны» (Nevyadomsky, 1884:53). 19 мая 1884 г. Александр Владимирович Лохвицкий в соответствии с православными традициями был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве.

Заключение

В целом А.В. Лохвицкий, несмотря на сложный характер и далеко непростые отношения с современниками, оставил после себя глубокий след в юридической науке и в адвокатуре.

В сфере педагогики успехи Александра Владимировича носили локальный характер, но и здесь некоторые его идеи (например, создание специальных кабинетов для самостоятельного студенческого чтения) оказались реализованными на практике и вполне применимы к современности.

Зато многие научные работы А.В. Лохвицкого по-прежнему представляют интерес для специалистов, а монография «Губерния, ее земские и правительственные учреждения» до сих пор является одной из основополагающих в соответствующем проблемном поле.

В сфере адвокатской деятельности А.В. Лохвицкий также оставил серьезное наследие в виде опубликованных речей. В плане ораторского искусства многие из них могут служить образцом судебных выступлений. Но, наверное, одной из главных заслуг присяжного поверенного Александра Владимировича Лохвицкого является то, что он, вольно или невольно, породил в России дискуссию об адвокатской этике. Дискуссию, в ходе которой были поставлены многие вопросы, сохранившие актуальность и в наше время.

References / Список литературы

- Demichev, A.A. (2020) 'The Nizhny Novgorod Salt Business' in 1867–1869 within the Framework of the Dynamics of the Legal Consciousness of the Population of the Russian Empire in the Post-Reform Period. *History of the State and Law*. (6), 73–77. (in Russian). <https://www.doi.org/10.18572/1812-3805-2020-6-73-77>. EDN: TUGPWC.

⁸ С.П.Б. Некролог // Судебная газета. 1884. № 21. 20 мая.

- Демичев А.А. «Нижегородское соляное дело» 1867–1869 гг. в контексте динамики правосознания населения Российской империи пореформенного периода // История государства и права. 2020. № 6. С. 73–77. <https://www.doi.org/10.18572/1812-3805-2020-6-73-77>. EDN: TUGPWC.
- Dulich, L.M. & Vakhmistrova, S.I. (2019) On the discussion of lawyer ethics in the 1878–1900s. *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. (3 (44)), 16–21. (in Russian). EDN: CIQLKD.
Дулич Л.М., Вахмистрова С.И. К дискуссии об адвокатской этике 1878–1900-х годов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 3 (44). С. 16–21. EDN: CIQLKD.
- Dzhanshiev, G.A. (1887) *Conducting unjust cases (Study on lawyer ethics)*. 2nd ed. Moscow, Printing House A.I. Mamontov and Co. Publ. (in Russian).
Джанишев Г.А. Ведение неправых дел (Этюд по адвокатской этике). 2-е изд., доп. М. : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1887. XXVIII, 65 с.
- Hessen, I.V. (1914) *History of the Russian Bar. Bar, Society and State. 20.XI.1864–1914*. Moscow, Publication of the Councils of Jury Attorneys. Publ. (in Russian).
Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство. 20.XI.1864–1914. История русской адвокатуры : в 3 томах. Т. 1. М. : Издание советов присяжных поверенных, 1914. 623 с.
- Kabanov, P.A. (2021) Victimological views of Professor Alexander Vladimirovich Lokhvitsky and their modern significance. *Victimology*. 8 (1), 11–17. (in Russian).
Кабанов П.А. Виктимологические воззрения профессора Александра Владимировича Лохвицкого и их современное значение // Виктимология. 2021. Т. 8. № 1. С. 11–17.
- Kazantsev, S.M. (ed.) (1991) *Trial by jury in Russia: High-profile criminal trials of 1864–1917*. Leningrad, Leinizdat. Publ. (in Russian).
Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. / сост. С.М. Казанцев. Л. : Леиниздат, 1991. 512 с.
- Koni, A.F. (1969) Moral principles in criminal proceedings. *Koni A.F. Collected works: in 8 vol. Vol. 4*. Moscow, Legal literature Publ., pp. 33–69. (in Russian).
Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / Собрание сочинений : в 8 томах. М. : Юрид. лит., 1969. Т. 4. С. 33–69.
- Kozlina, E.I. (1913) *For half a century. 1862–1912: Memories, essays and characteristics*. Moscow, Printing house of Berdonosov, N., Prigorin, F. & Co. Publ. (in Russian).
Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг.: Воспоминания, очерки и характеристики. М. : Тип. торг. д. Н. Бердоноссов, Ф. Пригорин и К°, 1913. 562, XIII с.
- Lokhvitsky, A.V. (1855) *On prisoners according to ancient Russian law (15th, 16th, 17th centuries)*. Moscow, University Press Publ. (in Russian).
Лохвицкий А.В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М. : Унив. тип., 1855. 106 с.
- Lokhvitsky, A.V. (1858) *Duel and the Court of Cassation*. St. Petersburg, Printing house Glazunov, I.I. & Co. Publ. (in Russian).
Лохвицкий А.В. Дуэль и кассационный суд. СПб. : Тип. И.И. Глазунова и К°, 1858. 80 с.
- Lokhvitsky, A.V. (1862–1863) *Review of modern constitutions*. Part 1–3. St. Petersburg, “Russian invalid” Publ. (in Russian).
Лохвицкий А.В. Обзор современных конституций. СПб. : Ред. «Русского инвалида», 1862–1863. Ч. 1–3.
- Lokhvitsky, A.V. (1864a) *The province, its zemstvo and government institutions*. Part 1. St. Petersburg, Printing house I. Bochkareva Publ. (in Russian).
Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб. : Тип. И. Бочкарева, 1864. XXVIII, 228 с.
- Lokhvitsky, A.V. (1864b) *The province, its zemstvo and government institutions*. Part 1. 2nd ed. St. Petersburg, Publishing house of bookseller Bazunov, A.O. Publ. (in Russian).
Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. 2-е изд., изм. СПб. : Изд. книгопродавца А.О. Базунова, 1864. 221 с.

- Lokhvitsky, A.V. (1865) *Review of modern constitutions*. 2nd ed. Part 1–2. St. Petersburg, Bookseller Bazunov, A.F. Publ. (in Russian).
Лохвицкий А.В. Обзор современных конституций. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 1–2. СПб. : Изд. книгопродавца А.Ф. Базунова, 1865.
- Lokhvitsky, A.V. (1867) *Course of Russian criminal law*. St. Petersburg, Governing Senate Publ. (in Russian).
Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1867. 662 с.
- Lokhvitsky, A.V. (1871) *Course of Russian criminal law*. 2nd edition. St. Petersburg, Schroeder's, Y. O. Publ. (in Russian).
Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. 2-е изд., испр. и доп., сведенное с касс. решениями. СПб. : Скоропечатня Ю.О. Шредера, 1871. 704 с.
- Lokhvitsky, A.V. (1895–1903) *In: Russian court orators in famous criminal trials (1895–1903) in 7 volumes*. Vol. 2, 3, 4, 6, 7. Moscow, Legal Book Store Skorova, A.F. Publ. (in Russian).
 Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах : в 7 томах. М. : Юрид. кн. маг. А.Ф. Сорова, 1895–1903. Т. 2, 3, 4, 6, 7.
- Martyanov, P.K. (1893) *Contemporary Russian society. Sketches*. St. Petersburg, Typo-lithography R. Golike Publ. (in Russian).
Мартыанов П.К. Современное русское общество. Кроки и эскизы. СПб. : Типо-литография Р. Голике, 1893. VI, XXIV, 163 с.
- Maikov, L.N. (ed.) (1900) *Memoirs of K.N. Bestuzhev-Ryumin (until 1860)*. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
 Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года) / изд. акад. Л.Н. Майковым. Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1900. 66 с.
- Nemirovich-Danchenko, V.I. (2001) *At the Cemeteries: Memories and Impressions*. Moscow, Russian Book Publ. (in Russian).
Немирович-Данченко В.И. На кладбищах: Воспоминания и впечатления. М. : Русская книга, 2001. 541 с.
- Nevyadomsky, D.I. (1884) A.V. Lokhvitsky. (Obituary). *Journal of Civil and Criminal Law*. 6, 47–53.
Невядомский Д. А.В. Лохвицкий. (Некролог) // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Т. 6. С. 47–53.
- Nevyadomsky, D.I. (1886) *Eternal questions of advocacy. Regarding the "Study on advocacy ethics" by Gr. Dzhanshiev*. Moscow, Neiburger, M.I. Publ. (in Russian).
Невядомский Д.И. Вечные вопросы адвокатуры. По поводу «Этюда по адвокатской этике» Гр. Джаншиева. М. : Типо-лит. М.И. Нейбюргер, 1886. 61 с.
- Nikitenko, A.V. (1955) *Diary*. In three volumes. Vol. 2. Moscow, Goslitizdat Publ. (in Russian).
Никитенко А.В. Дневник : в 3 томах. Т. 2: 1858–1865. М. : Гослитиздат, 1955. 652 с.
- Shcherbina, N.F. (1873) *Complete Works of N.F. Shcherbina*. St. Petersburg, Printing House Ministry of Railways (Benke, A.). (in Russian).
Щербина Н.Ф. Полное собрание сочинений Н.Ф. Щербины. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1873. XXXVI, 440 с.
- Shevlyakov, M. (ed.) (1898) *Historical anecdotes from the lives of Russian sovereigns, statesmen and public figures of the past and present*. St. Petersburg, Published by bookseller Gubinsky, V.I. Publ. (in Russian).
 Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего / под ред. М. Шевлякова. СПб. : Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1898. 328, VIII с.
- Timofeev, A.G. (1900) *Forensic eloquence in Russia: Critical essays*. St. Petersburg, Book store Tsinzerling, A.F. former Meslier and Co. Publ. (in Russian).

Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России: критические очерки. СПб. : Кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, б. Мелье и К°, 1900. 178 с.

Tomsinov, V.A. (2015) Judicial reform of 1864 and its impact on the development of domestic jurisprudence. *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. (2), 22–40. (in Russian). EDN: TTCMFH.

Томсинов В.А. Судебная реформа 1864 года и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2015. № 2. С. 22–40. EDN: TTCMFH.

Vakhmistrov, V.P. & Vakhmistrova, S.I. (2022) Professor of Russian law, dialectician of irresistible wit (Touches to the portrait of Alexander Vladimirovich Lokhvitsky). *Problems of risk management in the technosphere*. (1 (61)), 151–158. (in Russian). EDN: QOEWMH.

Вахмистров В.П., Вахмистрова С.И. Профессор русского права, диалектик неотразимого остроумия (штрихи к портрету Александра Владимировича Лохвицкого) // Проблемы управления рисками в техносфере. 2022. № 1 (61). С. 151–158. EDN: QOEWMH.

Сведения об авторе:

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации; 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, БОКС – 268, Анкудиновское шоссе, д. 3; главный научный сотрудник сектора научных исследований и разработок, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 603057, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 46

ORCID: 0000-0002-9779-100X; SPIN-код: 3998-8230

e-mail: aadem@bk.ru

About the author:

Alexey A. Demichev – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Honorary Worker of higher professional education of the Russian Federation, Full Professor of the department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 3 Ankudinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, BOX-268, 603950; Chief Researcher, Research and Development Sector, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 46 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603057

ORCID: 0000-0002-9779-100X; SPIN-code: 3998-8230

e-mail: aadem@bk.ru

КОЛЛИЗИОННОЕ ПРАВО

CONFLICT OF LAWS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-899-913>

EDN: LHNICS

Научная статья / Research Article

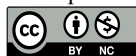
Коллизии между специальными нормами права: понятие и подходы к преодолению

А.А. Петров

Арбитражный суд Челябинской области, г. Челябинск, Российская Федерация;
Самарский государственный экономический университет», г. Самара,
Российская Федерация
 sfu-pravo@yandex.ru

Аннотация. В теории и на практике возникает вопрос, как следует поступать при обнаружении коллизии нескольких специальных норм права, образованных от одной общей, но по разным основаниям, в случае пересечения их гипотез, поскольку напрямую правило о приоритете специальной нормы над общей в таких ситуациях применить нельзя. Цель исследования – поиск оптимального подхода к преодолению коллизии специальных норм права. Автор прибегает к различным общим и специальным методам познания, в частности, системному подходу, концептуально-понятийному анализу, юридико-догматическому методу, юридической герменевтике и сравнительно-правовому анализу. Можно выделить пять основных подходов к преодолению коллизий специальных норм между собой: (1) игнорирование возможности коллизии между специальными нормами, прикрываемое тем, что одна из них «растворяется» в общей и поэтому напрямую подлежит применению максимы *lex specialis*; (2) «интеграционный» подход, основанный на идее элиминирования коллизийной проблемы на основе согласования содержания специальных норм посредством их толкования в контексте общей цели; (3) «сущностный» подход, когда коллизию между специальными нормами предлагается решить на основе нахождения параметра, позволяющего достоверно определить и сравнить степень «специальности» коллидирующих норм с последующим обращением к максиме *lex specialis*; (4) «содержательный» подход, связанный с отысканием универсального или локального метаправового критерия преодоления такой коллизии; (5) «догматический» критерий связывает решение вопроса с обращением к следующей в иерархии приоритетов коллизийной максиме – *lex posterior*. Именно последний подход в силу своей политико-правовой нейтральности и простоты применения представляется возможным к применению в качестве основы для преодоления коллизии специальных норм. Если же специальные нормы приняты одновременно, то наилучшим решением является обращение к

© Петров А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

«сущностному» критерию, однако в качестве факультативного возможно применение и «интеграционного» подхода.

Ключевые слова: коллизия норм права, коллизия нескольких специальных норм права, частично-частичный нормоконфликт, правовые максимы, *lex specialis*

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01893 «Алгоритмы распознавания и нейтрализации сложных юридических коллизий и коллизионных пробелов: потенциал российской юридической доктрины в свете вызовов зарубежных концепций права и юридического рассуждения» <https://rscf.ru/project/24-28-01893>.

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Петров А.А. Коллизии между специальными нормами права: понятие и подходы к преодолению // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 899–913. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-899-913>

Concept and strategies for resolving conflicts between special legal rules

Alexander A. Petrov

Commercial court of Chelyabinsk region, *Chelyabinsk, Russian Federation*

Samara State University of economics, *Samara, Russian Federation*

 sfu-pravo@yandex.ru

Abstract. The paper presents ideas on resolving conflicts between special legal rules. Such norm conflicts occur when several special norms originate from a single general norm based on different criteria. These are partial norm conflicts, which cannot be resolved directly through the legal maxim of *lex specialis*. The purpose of this article is to establish an optimal approach for resolving conflicts between special legal rules by analyzing current methodologies addressing such conflicts. The author employs various methods for investigating legal reality, including the systemic approach, conceptual analysis, legal-dogmatic method, comparative approach, and juridical hermeneutic. Five methods for addressing these conflicts are identified. (1) The ‘ostrich’ approach. This method avoids legal conflicts by narrowly interpreting one special rule as part of general rule, enabling direct application of *lex specialis*. (2) The ‘integrative’ approach: This method eliminates legal conflict by harmonizing the content of special rules through interpretation that aligns them with a common purpose. (3) The ‘essential’ approach: This approach resolves conflicts by identifying a parameter that determines the degree of specialty of colliding norms, then applying the *lex specialis* maxim accordingly. (4) The ‘meaningful’ approach: This involves describing a universal or localized meta-legal criterion to overcome conflicts, for example, applying the humanistic criterion that favors the norm most beneficial to its addressee (in *favorem*) in cases of a conflict. (5) The ‘dogmatic’ criterion: This criterion resolves conflicts based on other general principles, such as the *lex posterior* maxim. Due to its neutrality and simplicity, this approach is recommended as the primary method for resolving conflicts between special norms. If special rules are adopted simultaneously, the ‘essential’ criterion is the preferred method, with the ‘integrative’ approach as a possible alternative.

Key words: normative conflict, partial conflict of norms, legal maxims, *lex specialis*

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Founding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01893 “Algorithms for recognizing and neutralizing complex legal conflicts and conflict gaps: the potential of Russian legal doctrine in light of the challenges of foreign concepts of law and legal reasoning” <https://rscf.ru/project/24-28-01893>.

Received: 28th October 2024

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Petrov, A.A. (2025) Concept and strategies for resolving conflicts between special legal rules. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 899–913. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-899-913>

Введение

Формирование корпуса норм позитивного права с учетом их деления на общие и специальные довольно логично в условиях кодификации законодательства. Такое регулирование позволяет как сформулировать общий стандарт поведения, так и учитывать особые обстоятельства, не укладывающиеся по каким-то причинам в этот универсальный стандарт (приоритет специальной нормы над общей, конечно, ограничен фактором иерархии норм: как только в конфликт вступают норм права различной юридической силы, критерий специальности нормы уступает иерархическому). Критерий разграничения общих и специальных норма вполне конкретен: первая регулирует родовой случай, вторая – видовой (в рамках соответствующего родового).

Существуют два основных варианта соотношения общих и специальных норм:

Так, в одних случаях между специальной нормой и общей коллизией или отсутствием как таковой (когда специальная норма дублирует или конкретизирует положения общей, не вступая с ней в конфликт), или коллизионная ситуация решается путем согласованной интерпретации общей и специальной норм.

В других случаях специальное правило может конфликтовать с общим, отступая от него или просто исключая его действие. Именно для второго варианта актуальна формула о приоритете специальной нормы над общей (*lex specialis derogat legi generali*) (Vlasenko, 1984:80–90), обладающая силой авторитета, восходящего к римской юриспруденции.

В ее основании отыскивается аристотелевская идея справедливости: общая норма отражает ее уравнивающую составляющую («равное равному»), а специальная – распределяющую («неравное неравному»).

При этом общность и специальность норм – это их сопоставительные свойства, т.е. конкретная норма является общей или специальной всегда относительно какой-либо другой конкретной нормы. То есть конкретная правовая норма может быть общей по отношению к другой и специальной в сопоставлении с третьей.

Несмотря на то, что правоведы сходятся во мнении, что коллизионная максима *lex specialis* является инструментом преодоления коллизии внутри какого-либо правопорядка (Michaels & Pauwelyn, 2011:350–352), природа такой максимы остается неясной, что обусловлено тесной связью данного вопроса с общим контекстом правопонимания. Например, Э. Вранеш приводит 10 (!) содержательно различных теоретических позиций по поводу природы коллизионных максим и необходимости их выражения в позитивном праве (Vranes, 2005:391–405).

Примат специальной нормы над общей применяется не только тогда, когда законодатель очевидно умышленно сформулировал оба правила как общее и специальное, но и тогда, когда специальная норма либо предшествует появлению общей и по каким-то причинам не отменяется, либо когда в ее появлении после общей нормы довольно сложно увидеть последовательное развитие какой-либо общей идеи, отраженной в законах.

При этом доктрина приоритета *lex specialis* над *legi generali* всегда обращена не к самому закону как форме права, а к его содержанию – правовым нормам. В частности, не являются редкостью ситуации, когда, например, кодекс содержит специальные нормы, а отраслевой федеральный закон – общие. Поэтому разработанная в постсоветской юриспруденции идея так называемого отраслевого приоритета законов, специально предназначенных для регулирования определенных сфер, не имеет к максиме *lex specialis* никакого отношения, зачастую содержательно противоречит ей.

Вместе с тем иногда применение идеи приоритета специальной нормы над общей становится затруднительным, поскольку от одной общей нормы могут быть образованы несколько специальных, гипотезы которых могут быть сконструированы таким образом, что в некоторых областях они могут «наслаиваться» друг на друга.

Приведем пример такой коллизии:

В частях 1, 3 статьи 180 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) закреплено, что решение арбитражного суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба, если иной срок вступления в силу не предусмотрен АПК РФ или иным федеральным законом (общая норма – N_o).

В соответствии с частью 4 статьи 206, частью 5 статьи 211 АПК РФ решения арбитражного суда по делам о привлечении к административной ответственности, а также по делам об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности вступают в законную силу по истечении 10 дней со дня принятия, если не подана апелляционная жалоба (специальная норма – N_{c1}). А в части 4 статьи 229 АПК РФ установлено, что принятое в порядке упрощенного производства решение суда может быть обжаловано в течение 15 дней с момента принятия резолютивной части или изготовления полного текста решения (специальная норма – N_{c2}).

В силу пунктов 3, 4 части 1 статьи 227 АПК РФ ряд дел о привлечении к административной ответственности, а также по делам об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности подлежат рассмотрению в порядке упрощенного судопроизводства.

Возникает вопрос: в течение какого срока может быть обжаловано в апелляционном порядке (и соответственно – когда вступает в законную силу) решение арбитражного суда, принятое в порядке упрощенного судопроизводства по делу о привлечении к административной ответственности либо об оспаривании постановления по делу об административном правонарушении: спустя 10 дней согласно специальной нормы N_{c1} или 15 дней согласно специальной нормы N_{c2} ?

Неопределенность возникает только в области пересечения правил N_{c1} и N_{c2} , каждое из которых претендует на статус специальной относительно общей (N_o) с точки зрения «своего» критерия, а применение максимы *lex specialis* в таких

случаях невозможно, поскольку родо-видовые отношения между гипотезами указанных норм отсутствуют.

Подобные нормоконфликты получили название коллизии (конкуренции) специальных норм (Zaserin, 2014; Kirpichev, 2019; Gorelik, 1998: 55–60). Ситуации, которые могут быть идентифицированы как коллизии специальных норм, характеризуются следующими чертами:

- наличие общей нормы;
- образование от этой общей нормы на основании разных критериев, как минимум, двух специальных норм;
- существование таких родовых случаев, в которых указанные критерии «накладываются» друг на друга.

Анализ их существа и способов преодоления является предметом настоящего исследования.

Основная часть

В литературе предложено разграничивать коллизии норм *in abstracto* (абстрактные) и *in concreto* (конфликты конкретизации), и типовым примером последних зачастую приводят ситуации частично-частичного нормативного конфликта. Сторонники такого деления утверждают, что конфликты *in abstracto* существуют независимо от того, возникают в наличной реальности конкретные факты (обстоятельства), смоделированные в гипотезах правовых норм, тогда как конфликты конкретизации характеризуют особый тип антиномий, которые возникают только при возникновении определенных фактических обстоятельств и отсутствуют при ненаступлении таковых (Munzer, 1973). Вместе с тем, выделение в качестве отдельного вида конфликтов конкретизации норм основано на путанице между эмпирическим возникновением нормативного конфликта и концептуальной идентификацией его существования, поэтому все коллизии правовых норм существуют *in abstracto* (Sardo, 2018).

Доктриной предложено несколько подходов к решению вопроса о коллизии специальных норм.

Идея отрицания антиномий специальных норм и ее критика

В рамках данного подхода отрицается сама возможность коллизии специальных норм между собой и предлагается редуцировать возникшую коллизийную ситуацию к конфликту общей и специальной норм так, что одна из специальных норм будто бы поглощается общей.

Такой подход присущ анализу т.н. конкуренции «квалифицированных» и «привилегированных» составов в отечественной теории уголовного права (Blagov, 2005: 6, 9). Здесь задача правоприменителя сводится к конструированию из нормативного материала такой модели описания коллизийной ситуации, при которой содержание одной из специальных норм имплицитно включается в контекст понимания общей нормы (эта специальная норма «растворяется» в общей, и поэтому не учитывается при преодолении коллизии), следовательно, на основании максимы *lex specialis* подлжит применению другая специальная норма.

Существенный недостаток изложенной теоретической позиции заключается в игнорировании природы коллизии нескольких специальных норм, поскольку такие

коллизии радикально отличаются от антиномии общих и специальных норм и для их преодоления принцип *lex specialis* напрямую неприменим.

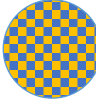
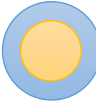

Остановимся на этом моменте подробнее.

Так как в основе деления норм на общие и специальные лежит идея родо-видовых связей гипотез соответствующих норм, для определения общности и специальности норм следует рассматривать (очевидно, по аналогии, поскольку нормы права или их элементы не являются дескриптивными высказываниями) указанные гипотезы как понятия, обладающие объемом и содержанием.

Тогда объем понятия, отраженного в гипотезе специальной нормы, меньше в сравнении с общей, а содержание за счет добавления новых признаков, напротив, больше.

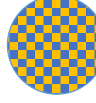

Следовательно, применив взятую из формальной логики модель сравнения объема понятий (исключение, совпадение (тождество), подчинение, пересечение (согласие)), мы получим 4 возможных варианта соотношения гипотез двух любых норм права (см. табл. 1).

Таблица 1. Классификация норм права с позиций характера отношений между гипотезами норм

Отношение объемов понятий	Исключение	Совпадение	Подчинение	Пересечение
Графическое отображение отношения				
Описание соотношения коллидирующих норм	Конфликта норм нет	Полно-полный нормативный конфликт (коллизия двух общих норм)	Полно-частичный нормативный конфликт (коллизия общей и специальной норм)	Частично-частичный нормативный конфликт (в т.ч. конфликт нескольких специальных норм)

Источник: составлено А.А. Петровым.

Table 1. Classification of Legal Norms Based on Relations Between Hypotheses

Types if relation of volumes of legal concepts	Disjunction (Disjoint)	Equality	Inclusion (Subset-Superset)	Intersection (Overlap)
Graphical representation of the relation				
Description of colliding norms	No conflicting norms exist	Full-full normative conflict (direct collision of two general legal norms)	Full-partial normative conflict (collision between a general and a special norm)	Partial-partial regulatory conflict (including conflicts between several special rules)

Source: compiled by A.A. Petrov.

Таким образом, с позиций объема регулирования коллидирующих норм, возможны три вариации коллизий (в терминологии А. Росса):

1) полно-полный нормативный конфликт (коллизия двух общих норм права), когда объем гипотез конфликтующих норм совпадает и ни одна из них не может быть реализована ни при каких обстоятельствах так, чтобы не коллизировать с другой;

2) полно-частичный нормативный конфликт (коллизия общей и специальной норм права), когда специальная норма не может быть применена ни при каких обстоятельствах, чтобы это не вошло в конфликт с общей, но последняя может быть реализована изолированно от первой в какой-то дополнительной области, не охватываемой гипотезой специальной нормы;

3) частично-частичный нормативный конфликт в ситуации пересечения правил, когда каждая из конфликтующих норм имеет как область применения, где коллидирует с другой нормой, так и область применения, где антиномия норм отсутствует (Ross, 1959:128–129).

Очевидно, что в ситуации коллизия нескольких специальных норм имеет место совокупность частично-частичного и полно-частичного нормативных конфликтов, поскольку специальные нормы коллидируют и друг с другом, и с общей нормой.

Тогда любая попытка сведения содержания одной из конфликтующих специальных норм к общей будет нарушать логические связи между тремя указанными нормами, свидетельствуя о том, что вместо преодоления коллизии путем выбора одной из конфликтующих норм существенная часть конфликта трех норм просто игнорируется.

Так, в нашем примере нормативных положений АПК РФ обращение к предлагаемому варианту преодоления коллизий предполагает, что либо норма N_{c1} , либо норма N_{c2} должны быть признаны «как бы включенными» в содержание общей нормы N_o , хотя такое решение вопроса не может быть призвано убедительным: оно явно выходит за рамки толкования закона, не способствует установлению правовой определенности в спорных правоотношениях.

Поэтому указанный подход представляется методологически и нормативно необоснованным.

«Интегративный» подход к преодолению коллизий специальных норм права

Второй, «интегративный», вариант преодоления коллизии специальных норм строится на идее элиминирования коллизионной проблемы на основе согласования их содержания посредством толкования в контексте общей цели и назначения коллидирующих специальных норм.

Проще говоря, задача правоприменителя заключается в интерпретации специальных норм в контексте друг друга так, чтобы показать, что истинный нормативный конфликт между ними отсутствует.

Так, А.Г. Кастерманс и Р. де Граафф замечают, что в ситуации коллизии специальных норм конкуренции исков в голландском конкурсном праве обращение к максиме *lex specialis* осуществляется с целью показать путем толкования возможность кумулятивного применения нескольких коллидирующих специальных норм (как будто бы их конфликт не имеет юридического значения, поскольку все равно нарушенное право должно быть эффективно защищено, не взирая на возможную утрату юридической стройности такого решения с позиции догмы права) (Castermans & de Graaff, 2018:270–272).

По сути, речь идет о примирении конфликтующих специальных норм путем их толкования в контексте общей идеи создания наиболее эффективного механизма защиты нарушенного права даже в ущерб его концептуальной стройности.

Основной недостаток рассмотренного подхода заключается в зыбкости такого решения вопроса, поскольку усмотрение в процессе толкования наличия или отсутствия конфликта норм никто не в силах отменить, что может породить необоснованный разнобой в правоприменительной практике. К тому же согласование конфликтующих специальных норм посредством толкования без видимого ущерба чувству законности возможно далеко не всегда (вспомним наш пример из АПК РФ).

«Сущностный» подход к преодолению коллизий специальных норм права

В рамках третьего («сущностного») варианта предлагается решить коллизию между специальными нормами на основе нахождения параметра, позволяющего достоверно определить и сравнить степень «специальности» коллидирующих норм.

Такое сравнение осуществляется не абстрактно, а на основе выявления существа конкретных отношений, регулируемых соответствующими нормами, то есть путем отыскания того, какая из двух коллидирующих норм является «более специальной», а какая – менее.

Тогда если одна норма все же сможет интерпретироваться как «более специальная», коллизия может быть преодолена путем последовательного обращения к максиме *lex specialis* дважды: общая норма – «менее специальная» – «более специальная» (последняя и будет подлежать применению).

В парадигме выявления того, какая из конфликтующих норм объективно и сущностно является более специальной, рассуждает, к примеру, И.В. Решетникова, обращая внимание на то, что при решении приведенного выше конфликта норм АПК РФ правило N_{c2} должно преобладать над N_{c1}, поскольку упрощенная процедура рассмотрения дела должна поглощать иные правила рассмотрения дел (Reshetnikova, 2013:97).

Такая же логика преодоления коллизии прослеживалась в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда России от 08.10.2012 № 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства», в пункте 24 которого отмечается, что порядок обжалования решений арбитражного суда по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, установлен частью 3 статьи 229 АПК. При этом положения части 4.1 статьи 206, части 5.1 статьи 211 АПК не применяются.

А.Е. Кирпичев, анализируя коллизии специальных норм в российском обязательственном праве, фокусируется на том, что указанные нормоконфликты обусловлены двумя основными способами образования специальных норм – по субъектам и по объектам.

По его мнению, специальные нормы об объектах должны обладать приоритетом над специальными нормами о субъектах.

Предельным основанием такого подхода он считает тест на соответствие двух этих видов специальных норм основному принципу частного права – равенству участников регулируемых отношений.

С этой позиции, как считает А.Е. Кирпичев, специализация норм по субъекту в меньшей степени выдерживает этот тест, тогда как при специализации по объекту

происходит дополнительное регулирование особых отношений, а не изъятие из принципа формального равенства их участников (Kirpichev, 2019:138–145).

Этот вариант преодоления коллизии, несомненно, обладает определенным эвристическим потенциалом, поскольку:

- сам по себе конфликт нескольких специальных норм, не находящихся в родовидовых отношениях;
- при данном подходе не замалчивается, а предлагается решить конфликт норм, исходя из анализа существа правовых идей, стоящих за конфликтующими нормами, путем телеологического толкования;
- возможен рациональный дискурс с последующим достижением соответствующей конвенции, а принятое решение будет концептуально аргументированным и обоснованным.

Несомненно, этот вариант преодоления коллизии нескольких специальных норм гораздо предпочтительнее в сравнении с простым отрицанием возможности коллизии специальных норм.

Недостаток этого подхода произведен от его достоинств: критерий определения того, какая из конфликтующих норм является сущностно более специальной, в отличии, например, от тех же максим *lex posterior* и *lex superior*, применять на практике весьма непросто. Так, установление степени специальности норм на основе сущностного параметра по своей природе является исследовательской (научной) деятельностью, требующей существенных интеллектуальных затрат и весьма высокой квалификации правоприменителей.

Поэтому оптимальной сферой приложения изложенного варианта решения коллизии нескольких специальных норм является, например, деятельность Конституционного Суда России и Верховного Суда России по формированию единообразных подходов к толкованию и применению правовых норм.

«Содержательный» подход к преодолению коллизий специальных норм права (на примере гуманистического критерия)

Данный вариант преодоления коллизии специальных норм связан с обращением к неформализуемым критериям приоритета одной специальной нормы над другой, когда изначально предлагается преодолевать такие коллизии на основе какого-либо иного содержательного параметра.

Речь, прежде всего, идет о гуманистическом критерии (Agashev, 2005:202–209). Его суть в том, что при коллизии специальных норм следует определять, какая из них будет более благоприятной для адресата, выбрать и применять ее.

Наиболее серьезно указанный критерий разработан (и раскритикован) в теории уголовного права, где на основании данного критерия обосновывается приоритет специальных норм, закрепляющих привилегированные составы преступлений над специальными нормами, закрепляющими квалифицированные составы (Inogatova-Negai, 2015:125–127).

Кроме того, указанный принцип преодоления коллизий рецепируется и в других отраслевых теориях права.

Иногда он смотрится весьма удачно и органично – идея преодоления коллизий норм в трудовом праве согласно максиме *in favorem* – приоритет нормы с большим для работника объемом прав и гарантий (Alenina, 2016).

В других же случаях он выглядит весьма странно, как, например, попытка распространить гуманистический критерий преодоления коллизий на область цивилистики, выделяя привилегированные и квалифицированные специальные нормы гражданского права и отдавая первым приоритет в случае коллизии со вторыми (Eremenko, 2011:110–111).

Наконец, отдельные ученые предлагают выделить гуманистический критерий преодоления коллизий в качестве общеправового, подлежащего применению при соблюдении следующих условий:

(1) речь идет о регулировании отношений, в которых одним из участников выступает субъект, наделенный государственно-властными полномочиями, а вторым – подвластный субъект (человек или организация), являющийся слабой стороной правоотношения;

(2) применение указанного критерия невозможно, когда применение более благоприятной нормы затрагивает права и свободы третьих лиц;

(3) указанный коллизионный приоритет не применяется в сфере частного права (Gambaryan & Dallakyan, 2019: 32–33).

Гуманистический критерий преодоления коллизий артикулируется в качестве ориентира для правоприменителей в правовых позициях Верховного Суда России¹ и Конституционного Суда России², а в пункте 4 части 1 статьи 40 Закона Республики Армения от 21.03.2018 № НО-180-N «О нормативных правовых актах» в качестве критерия четвертой степени очередности установлено, что в случае коллизии между нормами применяется норма нормативно-правового акта, более благоприятного для физических и юридических лиц, если применение данной нормы не затрагивают права и законные интересы других лиц.

Вместе с тем, представляется, что к гуманистическому критерию преодоления коллизии специальных норм следует отнести критически по нескольким причинам.

Прежде всего, речь идет о серьезном ограничении сферы его применения.

Так, в частном праве правоприменитель объективно практически всегда не в состоянии без подсказок со стороны законодателя и высших судебных органов (например, в виде концепции «слабой стороны» договорных отношений) выявить, чей интерес из порой противоречивых, но равнозначно охраняемых законом должен в большей мере защищаться, и соответственно – концептуально определить, какая норма, для кого и почему является наиболее благоприятной (что лежит в основе применения данного принципа преодоления коллизий).

Не легче применить гуманистический критерий порой и при преодолении коллизии норм в публичном праве.

Вспомним еще раз наш пример из АПК РФ: какой срок апелляционного обжалования в большей степени соответствует гуманистическому критерию: 15 или 10 дней?

¹ Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза».

² Пункт 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22.05.2019 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Ленинградского областного суда».

Думается, здесь сама по себе постановка вопроса в таком ключе неверна, поскольку и при первом, и при втором сокращенном сроке апелляционного обжалования судебных актов задачи судопроизводства (статья 2 АПК РФ) могут быть успешно решены, тогда как установление соответствующего сокращенного срока с очевидностью относится к дискреции законодателя, не связанной с какими-либо ценностными аспектами, поскольку право на обжалование судебного акта может быть реализовано стороной арбитражного процесса как в течение 10, так и в течение 15 рабочих дней, поскольку оба срока являются разумно установленными, а в случае их пропуска по уважительным причинам возможно их восстановление (статья 117, части 2, 3 статьи 259 АПК РФ).

Да и в том же уголовно-правовом регулировании неоспоримость гуманистического критерия может быть поставлена под сомнение, как минимум, с позиций задачи общей превенции.

Кроме того, гуманистический критерий не является аксиологически нейтральным с позиций содержания рассогласованных правовых норм даже в первом приближении, тогда как в основании выделяемых в общей теории права параметров преодоления коллизии норм путем выбора одной из них лежит представление о возможности нахождения сравнительно точно идентифицируемых универсалий, ценностно нейтральных с позиций содержания коллидирующих норм, при этом – очевидных для усредненного правоприменителя (время принятия нормы, ее юридическая сила, степень общности/специальности регулируемых отношений и т.п.).

Очевидно, что критерий благоприятности нормы для ее адресатов (либо их части) таковым не является, его применение для преодоления коллизий даже в публично-правовых отношениях всегда будет обременено множеством допущений экстра-правового характера.

Так, например, в уголовно-правовой догме обращение к гуманистическому критерию преодоления коллизий норм, закрепляющих принципы разрешения конфликтов норм, устанавливающих привилегированные и квалифицированные составы преступлений, сочетается с отказом от применения указанного критерия при коллизии нескольких специальных норм, закрепляющих только квалифицированные составы.

Рационально объяснить отсутствие последовательности в мышлении о преодолении антиномий норм здесь весьма непросто.

Наконец, за фасадом применения гуманистического критерия преодоления коллизии может скрываться и обращение к идее примирения коллидирующих специальных норм путем их согласованного толкования, когда правоприменитель без формального умаления чувства законности может констатировать, что легислатура не предусмотрела распространение менее благоприятной нормы на рассматриваемую ситуацию, а значит – нет и нормоконфликта.

«Догматический» критерий преодоления коллизий специальных норм права

Пятый («догматический») подход к преодолению коллизии специальных норм связывает решение вопроса с обращением к другому общему принципу преодоления коллизий – *lex posterior*.

Как уже было показано ранее, при конфликте «пересекающихся» специальных норм обращение к критерию общности/специальности напрямую невозможно, однако нет никаких существенных и формальных препятствий для применения темпорального критерия.

Другими словами, если «пересекающиеся» специальные нормы приняты в разное время, тогда можно на основе максимы *lex posterior* применить позднее принятую норму. Например, применительно к рассматриваемому конфликту норм N_{c1} и N_{c2} применение хронологического критерия будет свидетельствовать о приоритете нормы N_{c2} как принятой позднее.

У темпорального критерия для решения коллизий специальных норм есть несколько очевидных преимуществ; так, он:

- полне соответствует догматической традиции Модерна (позднее принятая норма выражает волю актуального, последовательно «умнеющего» законодателя и поэтому считается более приспособленной к условиям меняющейся жизни);
- основан на объективном и легко измеримом параметре (время принятия нормы);
- идеологически нейтрален (у времени нет пристрастий, а степень демократической легитимности равных по юридической силе норм права одинакова);
- универсален (может применяться в любой отрасли права) и доступен любому среднему правоприменителю.

Следует заметить, что здесь возможны три основных варианта хронологического соотношения коллидирующих специальных норм:

- (1) вначале принимается общая норма, затем – две специальные;
- (2) вначале принимается специальная норма, затем – другая специальная, затем – общая;
- (3) вначале принимается специальная норма, затем – общая, затем – другая специальная (см. табл 2).

Однако как это наглядно видно из таблицы, принцип *lex posterior* одинаково применим во всех трех вариантах с учетом того, что ранее принятая специальная норма одерживает верх на позднее принятой общей.

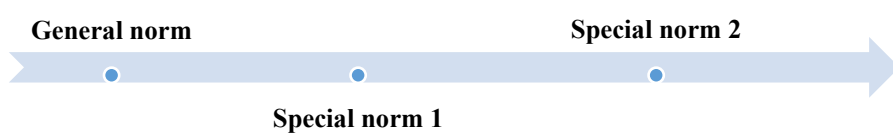
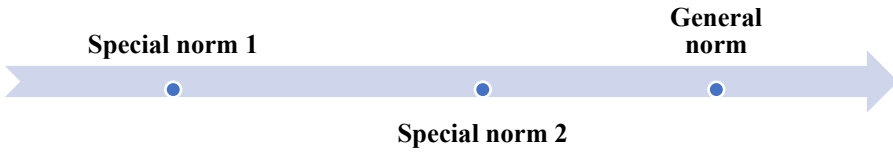
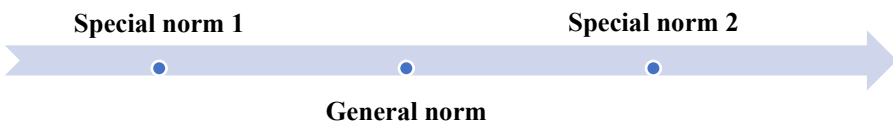
Поэтому при преодолении коллизий специальных норм следует обращать внимание, прежде всего, на хронологию их принятия.

Таблица 2. Хронологическое соотношение коллидирующих специальных норм

Вариант 1	
Вариант 2	
Вариант 3	

Источник: составлено А.А. Петровым.

Table 2. Chronological correlation of colliding special norms

Option 1	
Option 2	
Option 3	

Source: compiled by A.A. Petrov.

Закключение

Проведенное исследование показывает, что если рассогласованные между собой специальные нормы права приняты в разное время, то их конфликт наиболее рационально будет разрешать на основании критерия времени принятия нормы как темпоральную коллизию норм.

В ситуациях же, когда хронологический параметр нельзя будет применить (в случае коллизии нескольких специальных норм, принятых одновременно), представляется, что наиболее рационально будет обращаться к сущностному параметру, поскольку среди всех иных предложенных критериев он является наиболее рационализируемым, хоть для этого и придется потратить значительные интеллектуальные ресурсы на поиск той правовой идеи (концепции, подхода), благодаря которой можно будет аргументировать, почему одна из нескольких специальных норм будет более «специальной» в сопоставлении с другой.

В качестве опциональной альтернативы, если это будет уместно, можно предложить также обращаться к интегративному критерию, если интерпретация одной специальной нормы в контексте другой будет уместной и не приведет к очевидному толкованию *contra legem*.

Наконец, вызывает серьезные опасения как методологического, так и практического характера обращение для целей преодоления коллизий нескольких специальных норм права к метаправовым универсалиям (например, гуманистическому критерию), поскольку обращение к стоящим за ними основаниям демонстрирует их зыбкость и недопустимую легковесность.

References / Список литературы

- Agashev, D.V. (2005) *Legal conflicts in social security law*. Tomsk, NTL Publ. (in Russian).
 Агашев Д.В. Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения: монография. Томск : Изд-во НТЛ, 2005. 272 с.

- Alenina, I.V. (2016) Collision Resolution within the Labor Law using a Principle of Priority of Legal Rules with the Larger Scope of Employee's Rights and Guarantees. *The Russian and foreign labor law*. (1), 3–7. (in Russian). EDN: VOCKCF.
Аленина И.В. Разрешение коллизий в трудовом праве с применением принципа приоритета норм с большим для работника объемом прав и гарантий // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 3–7. EDN: VOCKCF.
- Blagov, E.V. (2005) On conflict of special legal rules in criminal law. *Jurisprudence*. (2), 4–9. (in Russian). EDN: JYJKBV.
Благов Е.В. О проблеме конкуренции специальных норм в уголовном праве // Правоведение. 2005. № 2. С. 4–9. EDN: JYJKBV.
- Castermans, A. G. & de Graaff, R. (2018) The General concept of concurrence applied to European insolvency law. *Civil Law Review*. 18 (1), 268–292. (in Russian). EDN: YTETBR.
Кастерманс А.Г., де Граафф Р. Общая доктрина конкуренции способов защиты в европейском банкротном праве // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 1. С. 268–292. EDN: YTETBR.
- Eremenko, A.S. (2011) Competition of civil standards in the mechanism of theory of civil relationships. *Journal of the Udmurt State University: Law and Economics*. (3), 109–114. (in Russian). EDN: OEYWJV.
Еременко А.С. Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. № 3. С. 109–114. EDN: OEYWJV.
- Gambaryan, A.S. & Dallakyan, L.G. (2019) *The Conflict of Law Rules and Their Competition*. Moscow, Justicinform Publ. (in Russian).
Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Коллизионные нормы и их конкуренция. М. : Юстицинформ, 2019. 160 с.
- Gorelik, A.S. (1998) *Competition of Norms in Criminal Law*. 2nd ed. Krasnoyarsk, KrasGU Publ. (in Russian).
Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск : Изд-во КрасГУ, 1998. 106 с.
- Inogamova-Hegai, L.V. (2015) *Concept of Competition Between Legal Rules*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ. (in Russian).
Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.
- Kirpichev, A.E. (2019) Conflict of special rules in the law of obligations. *Statute*. (3), 138–145. (in Russian).
Кирпичев А.Е. Коллизии специальных норм в обязательственном праве // Закон. 2019. № 3. С. 138–145.
- Koskenniemi, M. (2004) Study on the function and scope of the lex specialis rule and the question of 'self-contained regimes'. *UN Doc ILC(LVI)/SG/FIL/CRD.1 and Add. 1*. Available at: http://legal.un.org/ilc/sessions/55/pdfs/fragmentation_outline.pdf [Accessed 28th October 2024].
- Lindroos, A. (2005) Addressing norm conflicts in a fragmented legal system: The doctrine of lex specialis. *Nordic Journal of International Law*. 74 (1), 27–66. <https://www.doi.org/10.1163/1571810054301022>
- Michaels, R. & Pauwelyn, J. (2011–2012) Conflict of norms or conflict of laws? Different techniques in the fragmentation of public international law. *Duke Journal Comparative & International law*. (22), 349–376.
- Munzer, S.R. (1973) Validity and Legal Conflicts. *Yale Law Journal*. 82 (6), 1140–1174. <https://doi.org/10.2307/795559>
- Reshetnikova, I.V. (2013) Concept of summary procedure. *Statute*. (4), 93–98. (in Russian). EDN: PYZCNF.

- Решетникова И.В.* Упрощенное производство. Концептуальный подход // Закон. 2013. № 4. С. 93–98. EDN: PYZCNF.
- Reshetnikova, I.V. (ed.) (2018) *The Practice of Application of Commercial Procedure Code of the Russian Federation*. 5th ed. Moscow, Jurajt Publ. (in Russian).
- Решетникова И.В.* Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 480 с.
- Ross, A. (1959) *On Law and Justice*. Berkeley, University of California Press Publ.
- Sardo, A. (2018) Let's talk about antinomies. Normative systems reloaded. *Revus*. (36), 53–79. <https://doi.org/10.4000/revus.4089>
- Vlasenko, N.A. (1984) *Conflict Resolving Norms in Soviet law*. Irkutsk, Irkutsk University Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А.* Коллизионные нормы в советском праве : монография. Иркутск : Изд. Иркутского ун-та, 1984. 99 с.
- Vranes, E. (2005) Lex Superior, Lex Specialis, Lex Posterior. Zur Rechtsnatur der “Konfliktlösungsregeln”. *Heidelberg Journal of International Law*. (65), 391–405. (in German).
- Zacepin, A.M. (2014) Competition of civil standards in the mechanism of theory of civil relationships. *The Law. Journal of HSE*. (2), 84–100. (in Russian). EDN: SIIFXR.
- Зацепин А.М.* Конкуренция норм уголовного права и квалификация преступлений // Право: Журнал ВШЭ. 2014. № 2. С. 84–100. EDN: SIIFXR.

Сведения об авторе:

Петров Александр Александрович – кандидат юридических наук, судья, Арбитражный суд Челябинской области; 454091, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Воровского, дом 2; приглашенный исследователь, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный экономический университет»; 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141

ORCID: 0000-0003-3177-8918; SPIN-код: 1429-9064; AuthorID: 215490

e-mail: sfu-pravo@yandex.ru

About the author:

Aleksandr A. Petrov – Candidate of Legal Sciences, Federal Judge, Arbitration Court of Chelyabinsk Region; 2 Vorovskogo Street, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; Visiting Researcher, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Samara State University of Economics”; 141 Sovetskoy Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3177-8918; SPIN-код: 1429-9064; AuthorID: 215490

e-mail: sfu-pravo@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-914-929>
EDN: LHVULW

Научная статья / Research Article

Типы нормативных иерархий: принцип «lex superior» в подходе Р. Гуастини к юридическим коллизиям

Д.Е. Тонков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская
Федерация

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская
Федерация

 d.tonkov@yandex.ru

Аннотация. Один из классических принципов разрешения юридических коллизий – «lex superior derogat legi inferiori» – предполагает приоритет норм правового акта, имеющего большую юридическую силу или занимающего более высокое место в нормативной иерархии. Однако современные правовые системы не состоят из прямых вертикальных иерархий, подразумевая дальнейшие исследования упорядоченности систем и аргументации действительности образующих их норм. Цель работы – анализ подхода итальянского правоведа Риккардо Гуастини к выделяемым им четырем типам нормативных иерархий, для русскоязычных исследователей обильно приводятся аргументы из статьи представителя генуэзского правового реализма «Lex Superior» 2013 г., опубликованной на французском языке. По мнению Р. Гуастини, во-первых, существует формальная иерархия между нормами, определяющими создание закона, и нормами закона, созданным на основе и в соответствии с предшествующими нормами. Во-вторых, существует материальная иерархия между двумя нормами, когда любое противоречие между ними однозначно запрещено третьей нормой. В-третьих, существует логическая иерархия между двумя нормами, когда одна норма отсылает к другой на металингвистическом уровне. И, наконец, в-четвертых, существует аксиологическая иерархия, зависящая от ценностного суждения субъекта толкования, согласно которому одна норма имеет преимущество перед другой. Также показан ход рассуждений Р. Гуастини о концепции «метанормы», которая должна быть использована, по мнению итальянского ученого, исключительно для обозначения норм, в которых упоминаются другие нормы. В конце статьи приведены примеры использования четырех типов нормативных иерархий на практике, в частности, при самоограничении законодателя и пересмотре норм конституции Италии. Сделано заключение о несостоятельности мнения, что любая иерархия предшествует толкованию, и подверженности манипулированию соподчиненности

© Тонков Д.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

выделенных Р. Гуастини типов нормативной иерархии при обосновании действительности конкретной нормы.

Ключевые слова: действительность нормы, толкование права, метанорма, генуэзский правовой реализм

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>

Поступила в редакцию: 25 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Тонков Д.Е. Типы нормативных иерархий: принцип «lex superior» в подходе Р. Гуастини к юридическим коллизиям // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 4. С. 914–929. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-914-929>

Types of normative hierarchies: The principle of “lex superior” in R. Guastini’s approach to legal conflicts

Dmitrii E. Tonkov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*
Samara State University of Economics, *Samara, Russian Federation*
 d.tonkov@yandex.ru

Abstract. One of the classic principles for resolving legal conflicts – “lex superior derogat legi inferiori” – presupposes the priority of norms derived from a legal act that holds greater legal force or occupies a higher position in the normative hierarchy. However, contemporary legal systems do not operate as straightforward vertical hierarchies, which necessitates further study into the ordering of such systems and the arguments supporting the validity of the norms within them. The purpose of the study is to analyze the approach of the Italian legal scholar Riccardo Guastini concerning four types of normative hierarchies he identifies. The article extensively presents arguments from Guastini’s “Lex Superior” (2013), originally published by the proponent of Genoese legal realism in French, to make them accessible to Russian-speaking researchers. According to R. Guastini, first, there is a formal hierarchy, which exists between norms that govern the creation of law and the laws produced in accordance with those norms. Second, a material hierarchy exists when contradictions between two norms are clearly prohibited by a third, higher-ranking norm. Third, there is a logical hierarchy, wherein one norm refers to another at a metalinguistic level. Finally, fourth, an axiological hierarchy depends on the value judgment of the interpreter, where one norm is considered superior based on interpretive assessments. The article also traces Guastini’s development of the concept of “metanorm”, which, he argues should be reserved exclusively for norms that explicitly reference other norms. Practical examples illustrating the application of these four types of normative hierarchies, in particular, such as the self-restraint exhibited by legislators and the revision processes within the Italian Constitution, are provided toward the end of the article. The study concludes by challenging the views that any hierarchy necessarily precedes interpretation and highlights the susceptibility of Guastini’s hierarchy types to manipulation when used to justify the validity of specific norms.

Key words: validity of the norm, legal interpretation, metanorm, Genoese legal realism

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. This study was supported by grant No. 24-28-01893 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>

Received: 25th May 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Tonkov, D.E. (2025) Types of normative hierarchies: The principle of “lex superior” in R. Guastini’s approach to legal conflicts. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 914–929. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-914-929>

Введение

Итальянский правовед Риккардо Гуастини¹ известен мировому академическому сообществу прежде всего своими работами по анализу нормативного языка, правопорядку, структуре правовых систем, технике аргументации, толкованию права, конституционализму и в целом по исследованию фундаментальных категорий юриспруденции. Среди прочего Р. Гуастини считается видным зарубежным исследователем марксизма, коммунизма и советского права (Guastini, 1971; Guastini, 1980). В русскоязычной литературе встречается перевод фамилии ученого как «Гастини» (Kalamkarjan, 2013:84) и «Гвастини» (Negri, 2017:336), однако устоявшимся вариантом является «Гуастини».

Труды Р. Гуастини достаточно широко исследуются в итальяно-, англо-, франко-, испаноязычной и, например, балканской, юриспруденции, чему способствует не только изначальное создание работ на соответствующих языках, но и их многочисленные переводы: в частности, содержание статьи «Реалистический взгляд на право и юридическое познание» (Guastini, 2015), основанное на статье «Переосмысленный правовой реализм»² (Guastini, 2013a), было сразу доступно на итальянском, французском, хорватском (статья 2013 г.) и английском, испанском и словенском (статья 2015 г.) языках. В отечественной науке исследование трудов Р. Гуастини, как и других представителей развивающегося с 1960-х гг. генуэзского правового реализма – Джованни Тарелло, Сильваны Кастиньоне, Паоло Командуччи, Мауро Барбериса, Пьерлуиджи Кыяссони, Сюзанны Поццоло и др. – не столь распространено. Тем не менее заметен интерес российских авторов к изучению болонского направления итальянского правового реализма³ в виде «нормативного реализма» Энрико Паттаро, чей подход к праву является «ярким примером интегративного правопонимания, трактующего право в качестве психосоциокультурной системы, укорененной в реальности Должного и сочетающей в себе нормативные и ненормативные элементы, выступает опытом синтеза нормативизма и реализма, переописания традиционной юспозитивистской, юридико-догматической проблематики в психологическом и социологическом ключе» (Kasatkin, 2010:39).

¹ Риккардо Гуастини (*Riccardo Guastini*, род. в 1946 г.), почетный профессор Генуэзского университета, специалист в области теории и философии права.

² Одним из переводчиков указанной статьи 2013 г., например, выступил знаменитый французский ученый Эрик Мийяр.

³ Генуэзское и болонское направления правового реализма принято объединять термином «итальянский правовой реализм» (Tonkov & Tonkov, 2022).

Р. Гуастини, как и Э. Паттаро, особое внимание уделяет вопросам *нормативности права*, вместе с П. Командуччи установив интеллектуально «близкие отношения» генуэзского правового реализма с аргентинским логиком и философом Карлосом Эдуардо Альчурроном и русско-аргентинским теоретиком права Евгением Викторовичем Булыгином (Barberis, 2023:2005). Отечественным исследователям доступен не только осуществленный Е.В. Булыгином перевод на русский язык анализа Р. Гуастини (Guastini, 1997) ключевого труда творческого тандема из Аргентины – «Нормативных систем» 1971 г. (Alchourrón & Bulygin, 1971)⁴, – в статье «Выдающиеся аспекты “Нормативных систем”» (Guastini, 2011), но и частичное приведение разбора Р. Гуастини предложенных К.Э. Альчурроном и Е.В. Булыгином «гилетической» и «экспрессивной» концепций норм (Ogleznev, 2021): Р. Гуастини предлагает заменить терминологию данных концепций на «семантическую» и «прагматическую», что лучше бы соответствовало их содержанию (Guastini, 2018:4). Более того, Р. Гуастини считает, в отличие от К.Э. Альчуррона и Е.В. Булыгина, что указанные концепции вполне совместимы: «нормы являются значениями предложений, используемых для предписывания (семантическая концепция)», и при этом «ни одна норма не существует вне выражающего ее предложения (прагматическая концепция)» (Ogleznev, 2021:298; Guastini, 2018).

Детально занимаясь вопросами конституционного права, Р. Гуастини внес критический вклад в дискуссию о существовании так называемого «неоконституционализма»⁵, который охарактеризован ученым «конгломератом аксиологических нормативных теорий» (Shustrov, 2017:132; Guastini, 2013c; Barberis, 2015). При разработке собственного подхода к процессам конституционализации (Guastini, 2006), т.е. систематического распространения новых смыслов путем конституционного толкования, Р. Гуастини анализирует различие между нормами-правилами и нормами-принципами и выводит критерии разграничения конфликта конституционных принципов через техники, известные как «балансирование», или «взвешивание» (англ. “balancing”, нем. “Abwägung”, исп. “ponderación” и др.), обращаясь к интерпретационному созданию подвижных иерархий среди них⁶. Таким образом, Р. Гуастини дополняет указанные техники элементом толкования, применимом к трем основным принципам (правилам, предписаниям, максимам) разрешения коллизий норм, которым уделено основное внимание в современной научной литературе (Timoshina, Kraevsky & Salmin, 2015:25–26):

1) времени (лат. «*lex posterior derogat legi priori*»); приоритет норм более позднего закона; далее также – *lex posterior*);

2) специальности (лат. «*lex specialis derogat legi generali*»); приоритет норм специального закона; далее также – *lex specialis*);

3) иерархии (лат. «*lex superior derogat legi inferiori*»); приоритет норм правового акта, имеющего большую юридическую силу, или занимающего более высокое место в нормативной иерархии; далее также – *lex superior*).

⁴ Работа К.Э. Альчуррона и Е.В. Булыгина «Нормативные системы» 1971 г. впервые опубликована на русском языке в издании 2011 г. (Alchourrón & Bulygin, 2011) и повторно – в издании 2013 г. (Alchourrón & Bulygin, 2013).

⁵ Термин «неоконституционализм» введен С. Поццоло (Pozzolo, 1998), концепция активно разрабатывается П. Командуччи и М. Барберисом.

⁶ По мнению Р. Гуастини, интерпретатор не создает нормы самостоятельно, но выводит их из доктринальных и судебных конструкций, т.е. ученые и судьи не исчерпывают процесс правотворчества, а лишь способствуют ему (Barberis, 2023:2005).

Ниже особое внимание уделено принципу «*lex superior*» в понимании Р. Гуастини. Можно согласиться с Н.В. Варламовой, что современные правовые системы не состоят из «примитивных линейных иерархий» и «адекватнее описываются терминами “сеть” и “циркулярность”», что, тем не менее, оставляет проблемы их упорядоченности (не обязательно в виде «жесткой иерархии») и юридического обоснования действительности образующих их норм (Varlamova, 2013:89–90). В связи с этим представляется актуальным подробное рассмотрение концепции Р. Гуастини о нормативных иерархиях, которая изложена в статье «*Lex superior*» (Guastini, 2013b), имеющей подзаголовок «для теории нормативных иерархий» (фр. “*pour une théorie des hiérarchies normatives*”). На основе краткого обзора литературы об иерархии норм в правопорядке (идей Г. Кельзена, А. Меркла, Г.Л.А. Харта, Н. Боббио, Дж. Гавацци, Дж. Тарелло и М. Тропера) итальянский правовед выделяет четыре типа подобной иерархии: формальный (структурный), материальный (субстантивный), логический (лингвистический) и аксиологический. Указанный понятийный аппарат используется Р. Гуастини для того, чтобы прояснить статус принципа «*lex superior*», концепции действительности (валидности) и метанормы, а также при моделировании ситуации самоограничения законодателя и рассмотрении возможного противоречия между нормами, регулирующими процесс пересмотра Конституции Италии.

Четыре типа нормативных иерархий

«Иерархия» (от греч. «*ἱερός*» – священный, «*ἀρχή*» – власть, господство) определяется как принцип структурной организации многоуровневых систем, характеризующий не только взаимную корреляцию и соподчинение процессов на различных уровнях системы, но и обеспечивающий ее функционирование и поведение в целом (Sachkov, 2010:84). В отечественной юриспруденции обусловленные структурой правоустройства конфликты норм принято называть «иерархическими», или «субординационными», что подчеркивает и специфику коллизии норм, и снимающую ее особенность: термин «*иерархические коллизионные нормы*», предложенный Н.А. Власенко в 1982 г., твердо занял свое место в российской юридической науке (Vlasenko, 2017:12–13).

Таким образом, «иерархия в праве» представляется «порядком отношений между разноуровневыми элементами права» и «иерархическая коллизия в праве», соответственно, есть «объективно существующая в форме различия и противоречия связь нормативно-регулятивных средств, расположенных на различных уровнях организационной иерархии в форме права, выражающая несовместимость их одновременной действительности и действенности и порождающая необходимость выбора в качестве модели поведения одного из них» (Petrov, 2009: 186–188). Подобные «различия и противоречия» нередко считаются «дефектами» правового регулирования, однако способствующими более определенной правовой регуляции (при конкуренции норм): т.е. они имеют как негативную, так и позитивную стороны (Vlasenko, 2017:16; Vlasenko, 2014; Kozhokar', 2019b).

Выделяются две предельные формы иерархической организации: основанная на жесткой детерминации и на вероятности (случайности). В первой форме все параметры (элементы, состояния, поведения и т.п.) каждого из структурных уровней «строго однозначным образом» связаны с другими уровнями, тогда как во второй форме параметры «не зависят, не определяются и не коррелируют друг с другом» и

находятся в единстве из-за внешних обстоятельств (Sachkov, 2010:84). В философской традиции «иерархия» неразрывно связана со свободой, при подавлении которой «становится хрупкой и рушится» (Pomeranc, 2010:85): подобная дихотомия используется и в юриспруденции. Так, предварительно исследовав и приведя различные мнения о нормативных иерархиях, Р. Гуастини занимает достаточно умеренную позицию между «жесткостью детерминации» и «вероятностью», выделяя следующие типы нормативных иерархических отношений (Guastini, 2013b:49–50):

1) *Формальные, или структурные, иерархии*. «Формальные», потому что они не затрагивают существо (содержание) норм; «структурные», потому что они подпадают под структуру правового регулирования. То есть Р. Гуастини ведет речь о взаимосвязи, которая сохраняется между нормами, регулирующими создание права, и правом, созданным в соответствии с ними: если норма «Н-1» регулирует создание нормы «Н-2», то «Н-1» формально выше, чем «Н-2».

2) *Материальные, или субстантивные, иерархии*, которые затрагивают существо (содержание) норм, особенно в отношении более низких норм. Первая норма «Н-1» материально выше второй нормы «Н-2», когда третья норма «Н-0» устанавливает, что «Н-2» не может противоречить «Н-1». Другими словами, это случай «позитивной» иерархии, т.е. установленной самим правом (в частности, нормой «Н-0»). Сама же норма «Н-0» может быть выражена в совершенно разных положениях, например:

- прямо устанавливающих, что определенный источник «И-2» не может отступать от источника «И-1»;
- разрешении судебному органу отменять источник «И-2», если он противоречит источнику «И-1»;
- устанавливающих, что источник «И-1» может быть изменен только с помощью более сложной процедуры, чем та, которая необходима для создания источника «И-2».

Р. Гуастини отмечает очевидность приоритета, например, «гибкой» конституции над законом в формальном смысле, в то время как «жесткая» конституция приоритетна над законом и в материальном смысле. Обычно любая материальная иерархия отражает формальную, но обратное будет неверным: в частности, при «гибкой» конституции законодательные нормы формально (структурно), но не материально, подчинены конституционным нормам (Guastini, 2013b:49).

3) *Логические, или лингвистические, иерархии*: они рассматривают язык, в частности, логическую структуру языка источников права. В данном случае Р. Гуастини размышляет об отношениях между нормами и метанормами⁷: первая норма «Н-1» логически приоритетна над второй нормой «Н-2», когда «Н-1» упоминает или ссылается на «Н-2». Такие случаи встречаются, среди прочего, при определении одними нормами действия других норм: это, например, относится к принципу отсутствия обратной силы.

4) *Аксиологические иерархии*, рассматривающие «ценность» норм, или их «важность»: норма «Н-1» аксиологически выше другой нормы «Н-2», когда толкующий нормы субъект наделяет «Н-1» приоритетным значением над «Н-2». Таким образом, отмечает Р. Гуастини, подобная иерархия сохраняется только в результате оценочного суждения интерпретатора. Более того, такая иерархия часто встречается между

⁷ Понимание Р. Гуастини термина «метанорма» рассмотрено ниже.

принципами права, например, при выборе между свободой средств массовой информации и неприкосновенностью частной жизни.

Р. Гуастини приходит к выводу, что формальные и логические иерархии зависят только от структуры языка источников права и от концептуального содержания рассматриваемых норм. В то же время любая материальная иерархия зависит от существования устанавливающей ее «позитивной» нормы и любая аксиологическая иерархия зависит от оценочного суждения толкующего норму лица (Guastini, 2013b:50).

Принцип «*lex superior*» и действительность нормы

Относительно принципа «*lex superior derogat legi inferiori*» Р. Гуастини указывает, что конфликты, или коллизии, между, в частности, законом и каким-либо подзаконным актом (или между «жесткой» конституцией и законом), на первый взгляд, разрешаются довольно легко: путем применения «иерархического» принципа *lex superior*, согласно которому норма более высокого уровня устанавливает недействительность нормы более низкого уровня (Guastini, 2013b:51). Представляется очевидным, например, разрешение иерархической коллизии между нормами, принятыми разноуровневыми правотворцами, в отличие от коллизии между нормами, расположенными в кодифицированном и некодифицированном акте: разрешение второй коллизии нередко ошибочно переходит из разряда иерархических (вертикальных) коллизий в темпоральные (горизонтальные), возникающие между актами⁸ одинаковой юридической силы (Kozhokar', 2019a:18–19).

Однако, по мнению Р. Гуастини, применение принципа *lex superior* предполагает предварительное определение отношений материальной иерархии между различными нормами (или источниками): чтобы узнать, какая норма имеет *приоритет* над другой, необходимо сперва знать, какая норма *выше* другой. Р. Гуастини задается в связи с этим вопросом: «Но какая же норма выше, а какая ниже?» (Guastini, 2013b:51). То есть применение принципа *lex superior* предполагает предварительное определение иерархии норм, на который сам по себе указанный принцип не дает ответа. Подобная ситуация часто возникает, например, при коллизиях норм о правах человека⁹.

Поэтому, как считает Р. Гуастини, на вышеуказанный вопрос требуется искать ответ в других нормах, в частности:

- 1) в тех, которые устанавливают, что определенный источник «И-1» не может противоречить другому источнику «И-2»;
- 2) или в тех, которые разрешают судебному органу отменять (или не применять) источник «И-2», когда он противоречит источнику «И-1».

Подобный ход рассуждений, по мнению итальянского правоведа, означает, что принцип *lex superior* является просто «пустой», или «бессмысленной», тавтологией, потому что иерархия нормы не может быть определена независимо от ее «приоритетности, или первичности» и/или ее недействительности. Следовательно, согласно

⁸ В отечественной правовой науке долгое время под коллизиями понимались только противоречия или расхождения между нормами права, а не между правовыми актами (Denisenko, 2007:28).

⁹ Специфика норм о правах человека (как норм одного уровня: например, в конституции или в международных правовых актах; как норм, пересекающихся по объему; как норм, изданных в одно и то же время) не позволяет применить не только принцип *lex superior*, но и два других классических принципа: *lex posterior* и *lex specialis* (Timoshina, Kraevsky & Salmin, 2015:25–26; Varlamova, 2024:434).

Р. Гуастини, вместо фразы «более высокая норма приоритетна над более низкой» более рационально использовать фразу «приоритетная норма находится выше». Другими словами, недопустимо признавать недействительность нормы, исходя из ее более низкого уровня в иерархии: более низкий статус нормы признается на основании того факта, что такая норма недействительна, когда она оказывается именно противоречащей другой норме (Guastini, 2013b:51).

Р. Гуастини подчеркивает явную *связь формальной и материальной иерархий с действительностью*, так как недействительной будет любая норма, которая не была разработана в соответствии с формально более высокими нормами (то есть регулирующими ее создание) и/или которая противоречит материально более высоким нормам. В частности, даже если конституция является «гибкой», формально недействительным будет любой закон, который не был принят в соответствии с конституционными нормами о законодательном процессе. Если, наоборот, конституция является «жесткой», то любой закон, содержание которого противоречит какой-либо конституционной норме, также недействителен с материальной точки зрения. С другой стороны, согласно Р. Гуастини *нет необходимой связи действительности с логической и аксиологической иерархиями*, хотя в определенных случаях (например, в силу оценочного суждения суда) некоторые конституционные принципы признаются неотменяемыми и неизменяемыми даже путем пересмотра конституции¹⁰: таким образом, аксиологическая интерпретация может переходить в разряд материальной (Guastini, 2013b:50–51).

«Метанорма»

Понятие «метанорма», исходя из своего названия, означает норму, которая обращена к другой норме на уровне метаязыка. Исследование данного понятия в социальных науках достаточно распространено: в одних работах «метанормами» признаются такие феномены, как «права человека», «равенство» и «справедливость» (Lawless, Song, Cohen & Morrison, 2020), в других «метанормы» связываются с «метанормативным поведением», для которого характерен «выход за пределы норм, признаваемым общественным сознанием» (Gojev & Yurkov, 2005:268), в том числе в аспекте опоры наказания на метанормативность (Horne, 2009). В юриспруденции категория «метанорма» воспринимается как совокупность «когнитивных норм, конвенциональных правил, паттернов, стереотипов восприятия и переживания права», т.е. как «итог социокультурного процесса расщепления общего нормативного ядра органических юридических систем и их дифференциации на отдельные автономные составляющие, каждая из которых вырабатывает свой механизм воздействия на поведение отдельных социальных единиц и их коллективных образований» (Vedeneev, 2020:92).

Например, при наличии множества нормотворческих органов разного уровня неизбежны конфликты между издаваемыми ими нормами: разрешить противоречие позволяет введение «метанорм», которые «определяют для каждого нормотворческого органа иерархии свой набор полномочий (то, что они могут разрешить или запретить) и, собственно, зададут это иерархию» (Ogleznev, 2024:309; Boella & van der Torre, 2003). Такие нормативные принципы, как *lex superior*, *lex posterior* и *lex*

¹⁰ Указанный пример детальнее рассмотрен ниже.

specialis, выступают «метанормами», которые следует рассматривать «не как логические принципы, а скорее как то, что задает действительность (валидность) норм, регулирует их создание и, в целом, приводит систему к согласованности» (Ogleznev, 2024:309).

Соответственно, «метанормой» зачастую называют любую норму, регулирующую правотворчество, то есть создание других норм, что, по мнению Р. Гуастини, дискуссионно (Guastini, 2013b:51): «другие нормы» в данном случае являются лишь «нормативными актами» и не относятся фактически к другим нормам. Например, конституционные нормы о законодательстве не затрагивают непосредственно нормы законов: они затрагивают именно законодательные акты. Как считает итальянский правовед, между конституционными нормами и нормами законов существует не логическая (лингвистическая), а формальная (структурная) иерархия. Следовательно, по мнению итальянского ученого, *понятие «метанорма» следует использовать исключительно для обозначения норм, в которых упоминаются другие нормы* (Guastini, 2013b:51–52).

Кроме того, отмечает Р. Гуастини, следует различать правовые положения (части нормативных текстов) и собственно нормы (содержание правовых положений). Тогда становится очевидным, что большинство метанорм, строго говоря, относятся не к другим нормам, а к указанным правовым положениям. В частности, прямо выраженная отменяющая норма относится непосредственно к отменяемому правовому положению (и только косвенно к нормам, содержащимся в этом положении). Таким же образом, например, закон об аутентичном толковании относится, по мнению Р. Гуастини, к интерпретируемому тексту, а не к нормам, которые выражены в этом тексте (Guastini, 2013b:52).

Самоограничение законодателя: пример формальной иерархии

Далее Р. Гуастини моделирует ситуацию самоограничения законодателя и предлагает представить закон «З-1», который определенным образом регулирует законодательный процесс, и изданный позднее закон «З-2», который регулирует, например, институт аренды. Если «З-2» предусматривает процедуру, которая не согласуется с «З-1», то становится ли «З-2» недействительным по формальным причинам? Или «З-1» отменяется данным «З-2»? Интуитивный ответ заключается в том, что «З-2» не может быть недействительным, т.к. речь идет о двух законах одного уровня и здесь должен быть применен принцип *lex posterior*, то есть более поздний закон «З-2» «молчаливо отменил» более ранний закон «З-1» (Guastini, 2013b:52).

Тем не менее итальянский ученый продолжает свои рассуждения именно в русле иерархической связи указанных законов (Guastini, 2013b:52–53):

1. Следует отличать «отмену» нормы и ее «нарушение». Безусловно, при отсутствии какой-либо (материальной) иерархии между двумя законами законодатель имеет право отменить предыдущий закон. Но вопрос в том, имеет ли он также право нарушать какой-либо предыдущий закон.

2. «Молчаливая отмена» возникает тогда, когда две нормы регулируют один и тот же вопрос двумя несовместимыми способами. Однако в указанном случае нет никакого противоречия между «З-1» и «З-2»: «З-1» регулирует законодательный процесс, в то время как «З-2» регулирует совершенно другой вопрос (институт аренды). То, что противоречит «З-1», составляет не суть «З-2», а процедуру его

утверждения (поведение законодателя): процедура утверждения «3-2», как считает Р. Гуастини, не может «отменить» норму из «3-1».

3. Неверным является утверждение, что между «3-1» и «3-2» нет иерархических отношений. Р. Гуастини признает отсутствие материальной иерархии между данными законами, но отмечает наличие формальной (структурной) иерархии: «3-1» формально превосходит «3-2», поэтому «3-2» должен быть недействительным. То есть, согласно «3-1» законодатель наложил ограничение на будущего законодателя (на себя же), которое может быть «отменено» соответствующим законом, но не может быть «нарушено» в период своего существования.

Пересмотр конституционных норм: пример Италии

Для наглядного примера использования аргументов, относящихся к выделению разных типов нормативных иерархий, Р. Гуастини также рассматривает возможное противоречие между нормами Конституции Италии (далее также – Конституция) и законами, изменяющими Конституцию: он обращается к статьям 138 и 139 Конституции, первая из которых регулирует процесс пересмотра Конституции, вторая – запрещает пересматривать республиканскую форму правления в Италии (Guastini, 2013b:53).

Разъяснение Р. Гуастини своего понимания типов нормативных иерархий на примере норм Конституции неудивительно, так как в Италии «конституционная проблематика всегда вызывала серьезный общественный интерес» (Vasilieva, 2018:92). Представители итальянского юридического сообщества участвуют в подготовке конституционных реформ и, в частности, широко обсуждают их методологию и конкретные поправки в рамках академической дискуссии: среди прочего, авторы стараются выявить влияние предлагаемых поправок на признаваемую неизменяемой первую часть Конституции, посвященную основным принципам и правам человека (Vasilieva, 2018:87,89,93; Delledonne & Martinico, 2017).

Так, относительно пересмотра норм Конституции Р. Гуастини исходит из следующих положений (Guastini, 2013b:53–54).

Во-первых, с точки зрения *структурной иерархии* право на пересмотр Конституции не является первоначальным: оно производно от нее, т.е. создано самой Конституцией. Изменяющий Конституцию закон становится источником, который не существовал до Конституции и находит в ней свою основу. Следовательно, подобный пересматривающий Конституцию закон структурно подчиняется конституционным нормам, регулирующим процесс пересмотра и запрещающим определенный вид пересмотра.

Во-вторых, с точки зрения *материальной иерархии* изменяющие Конституцию законы наделяются правом вносить поправки в Конституцию, что материально соответствует другим конституционным нормам, кроме тех, которых они не могут затрагивать. То есть запрещающая пересмотр республиканской формы правления норма накладывает ограничение на изменяющие Конституцию законы и материально их подчиняет конституционным нормам, определяемым путем толкования: в рассматриваемом случае – нормам, закрепляющим республиканскую форму правления.

В-третьих, с точки зрения *аксиологической иерархии* доктрина и практика Конституционного суда Италии определяет, что не все конституционные нормы имеют одинаковое значение: некоторые нормы важнее других. Имеются в виду, согласно

Р. Гуастини, «высшие» принципы, которые находятся на более высокой ступени иерархии, чем другие конституционные нормы и, тем более, изменяющие Конституцию законы. Дискуссионным следствием в этом ключе является то, что изменяющие Конституцию законы не могут затрагивать данные «высшие принципы». Подобное следствие равносильно превращению сугубо аксиологической иерархии – не установленной законом, а уставленной интерпретаторами – в материальную иерархию.

На основе указанных размышлений Р. Гуастини делает следующие выводы (Guastini, 2013b:54).

1. Обе рассматриваемые нормы Конституции (ст. 138–139) *структурно* подчиняют изменяющие Конституцию законы, что означает неспособных последних «законно нарушить» первые. Иными словами, любой закон, принятый отличающейся процедурой от той, что предусмотрена ст. 138 Конституции, был бы неконституционным в силу нарушения данной статьи. И любой закон, претендующий на изменение республиканской формы правления, также был бы неконституционным в силу нарушения ст. 139 Конституции.

2. Однако обе рассматриваемые нормы Конституции, имея структурно более высокое место в иерархии, *материально* не превосходят изменяющие Конституцию законы. Следовательно, указанные нормы Конституции не могут быть нарушены, пока они действуют, но вполне могут быть изменены законами, принятыми в соответствии с предусмотренной статьей 138 Конституции процедурой: то есть закон, изменяющий ту же статью 138 или статью 139 Конституции, не был бы неконституционным.

3. Согласно ст. 139 Конституции некоторые конституционные нормы – нормы, определяющие республиканскую форму правления – не подлежат пересмотру. Эти нормы *материально* превосходят изменяющие Конституцию законы, и любой закон, который претендовал бы на нарушение данных норм, был бы неконституционным (до тех пор, пока статья 139 не будет отменена или пересмотрена конституционным путем, как было указано ранее).

4. Наконец, если принять тезис об *аксиологическом* приоритете высших принципов и в то же время согласиться рассматривать такую аксиологическую иерархию как материальную, то любой изменяющий Конституцию закон, затрагивающий высшие принципы, был бы неконституционным.

Таким образом, предусмотренная статьей 138 довольно сложная процедура изменения Конституции, состоящая из двух стадий – обязательной (одобрение парламентом) и факультативной (вынесение на референдум), – содержит ограничения, предусматривающие запрет пересмотра высших принципов и неотчуждаемых прав как основополагающих ценностей, лежащих в основе демократической системы Италии (Vasilieva, 2018:87, 89). Тем не менее Р. Гуастини отмечает конституционность возможного закона, изменяющего статьи 138 и/или 139 Конституции, с точки зрения одинакового уровня в материальной (даже при разных уровнях в формальной) нормативной иерархии, и его возможную неконституционность при слиянии материальной и аксиологической нормативных иерархий.

Заключение

Выделенные Риккардо Гуастини типы нормативных иерархий и приведенный пример возможного изменения норм Конституции Италии наглядно показывают *несостоятельность* мнения, что любая иерархия предшествует толкованию. Для

итальянского правоведа очевидно, что определенные иерархические отношения не «находятся», а «создаются» интерпретаторами: среди прочего, в случае аксиологической взаимосвязи фундаментальных принципов и конкретных правил; в случае установления взаимосвязи конституционных принципов при их конфликте; в случае установления практикой конституционных судов невозможности изменения конституционных принципов даже путем внесения поправок в Конституцию.

Р. Гуастини разрешил проблему выбора родоначальника генуэзского правового реализма – Дж. Тарелло, – между радикальным (нормы создаются только интерпретатором) и умеренным (законодатели и интерпретаторы, например, судьи, играют разные роли в процессе правотворчества) интерпретационным скептицизмом, приняв концепцию Г. Кельзена о правовых нормах как нормативном значении, выводимом юридическими институтами в рамках иерархически высшей нормы. Однако Р. Гуастини не предоставляет однозначного ответа о соподчиненности выделенных им четырех типов нормативных иерархий, что позволяет манипулировать аргументами при обосновании действительности конкретной нормы, в том числе исходя из политических соображений: последнее замечание выходит на первый план, например, при указанных ранее рассуждениях о действительности пересмотра конституционных норм с точки зрения аксиологической иерархии.

Концептуально переработанный итальянским ученым классический принцип «*lex superior derogat legi inferiori*» с обращением внимания на его четыре грани – формальную, материальную, логическую и аксиологическую – предоставляет новые пути рассуждения при разрешении юридических коллизий: подход Р. Гуастини предлагает не противопоставлять методологию «взвешивания» и «толкования» при коллизии норм, а дополнять статичность первой динамичностью второй, в том числе на основе идей генуэзского правового реализма о судебном усмотрении и языке права. Как подчеркивает Р. Гуастини, иерархия нормативных источников остается одним из важнейших вопросов в любой правовой системе, что стимулирует дальнейшие исследования в этой сфере.

References / Список литературы

- Alchourrón, C.E. & Bulygin, E. (1971) *Normative Systems*. Wien, New York, Springer Publ.
- Alchourrón, C.E. & Bulygin, E. (2011) *Normative Systems*. In: Polyakov, A.V. (ed.) *Russian Yearbook of Legal Theory*. (3). 2010. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 309–472. (in Russian).
- Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Нормативные системы / пер. с англ. М.В. Антонова, под науч. ред. Е.В. Булыгина, Е.Н. Лисанюк // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / под ред. А.В. Полякова. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 309–472.
- Alchourrón, C.E. & Bulygin, E. (2013) *Normative Systems*. In: “*Normative Systems*” and other Works in Philosophy of Law and Logic of Norms. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 44–210. (in Russian).
- Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Нормативные системы / пер. с англ. М.В. Антонова, под науч. ред. Е.В. Булыгина, Е.Н. Лисанюк // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 44–210.
- Barberis, M. (2015) Le néoconstitutionnalisme existe-t-il? [Does Neoconstitutionalism Exist?]. Trans. Brunet, P. & Mercier, J. *Revus*. 25, 101–124. (in French). <https://doi.org/10.4000/revus.3208>

- Barberis, M. (2023) Legal Realism: Genovese. In: Sellers, M. & Kirste S. (eds.) *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*. Dordrecht, Springer Nature B.V., pp. 2003–2008. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-6519-1>
- Boella, G. & van der Torre, L. (2003) Permissions and Obligations in Hierarchical Normative Systems. In: Zelezniakow, J. & Sartor, G. (eds.) *ICAIL '03: Proceedings of the 9th International Conference on Artificial Intelligence and Law*. New York, Association for Computing Machinery Publ., pp. 109–118. <https://doi.org/10.1145/1047788.1047818>
- Delledonne, G. & Martinico, G. (2017) Yes or No? Mapping the Italian Academic Debate on the Constitutional Reform. *The Italian Law Journal. Special Issue: The 2016 Italian Constitutional Referendum: Origins, Stakes, Outcomes*. 49–60.
- Denisenko, V.V. (2007) Conflicts of Legal Acts: Essence and Resolution. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. (3 (272)), 28–33. (in Russian). EDN: MVXYFF.
Денисенко В.В. Коллизии правовых актов: сущность и разрешение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 3 (272). С. 28–33. EDN: MVXYFF.
- Gojev, K.M. & Yurkov, S.E. (2005) The Notion of «Meta-Normal Behavior» and Its Limits. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 5 (10), 268–272. (in Russian). EDN: KVTBUD.
Гожев К.М., Юрков С.Е. Понятие «метанормативное поведение» и его границы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5. № 10. С. 268–272. EDN: KVTBUD.
- Guastini, R. (1971) La “teoria generale del diritto” in URSS. Dalla coscienza giuridica rivoluzionaria alla legalità socialista [The “General Theory of Law” in the USSR. From Revolutionary Juridical Consciousness to Socialist Legality]. In: Tarello, G. (ed.) *Materiali per una storia della cultura giuridica. Vol. 1. [Materials for a History of Legal Culture. Vol. 1]*. Bologna, Il Mulino Publ., pp. 329–508. (in Italian).
- Guastini, R. (ed.) (1980) *Marxismo e teorie del diritto: antologia di scritti giuridici [Marxism and Theories of Law: Anthology of Legal Writings]*. Bologna, Il Mulino Publ. (in Italian).
- Guastini, R. (1997) Aspetti notevoli di Normative Systems [Remarkable Aspects of Normative Systems]. *Analisi e Diritto [Analysis and Law]*. 69–77. (in Italian).
- Guastini, R. (2006) *Lezioni di teoria del diritto e dello stato [Lectures in the Theory of Law and State]*. Torino, Giappichelli Publ. (in Italian).
- Guastini, R. (2011) Remarkable Aspects of “Normative Systems”. Trans. Bulygin, E.V. In: Polyakov, A.V. (ed.) *Russian Yearbook of Legal Theory. № 3. 2010*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 492–499. (in Russian).
Гуастини Р. Выдающиеся аспекты «Нормативных систем» / пер. с ит. Е.В. Булыгина // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / под ред. А. В. Полякова. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 492–499.
- Guastini, R. (2013a) Il realismo giuridico ridefinito [Legal Realism Restated]. *Revus*. 19, 97–111. (in Italian). <https://doi.org/10.4000/revus.2400>
- Guastini, R. (2013b) Lex superior. Pour une théorie des hiérarchies normative [Lex superior. For a Theory of Normative Hierarchies]. *Revus*. 21, 47–55. (in French). <https://doi.org/10.4000/revus.2664>
- Guastini, R. (2013c) Sur le néoconstitutionnalisme [On neoconstitutionalism]. In: Chérot, J.-Y., Cimamonti, S., Tranchant, L. & Trémeau, J. (eds.) *Le droit entre autonomie et ouverture: Mélanges en l'honneur de Jean-Louis Bergel [The Law between Autonomy and Openness: Essays in Honor of Jean-Louis Bergel]*. Bruxelles, Bruylant Publ., pp. 255–269 (in French).
- Guastini, R. (2015) A Realistic View on Law and Legal Cognition. *Revus*. 27, 45–54. <https://doi.org/10.4000/revus.3304>
- Guastini, R. (2018) Two conceptions of norms. *Revus*. 35, 1–9. <https://doi.org/10.4000/revus.4849>
- Horne, C. (2009) Metanorm Expectations: If Everybody’s Doing It, Does That Make It Right? In: *The Rewards of Punishment: A Relational Theory of Norm Enforcement*. Redwood City,

- Stanford University Press, pp. 66–84. <https://doi.org/10.11126/stanford/9780804760218.003.0005>
- Kalamkarjan, R.A. (2013) Russia in the Universal World Space. *State and Law*. (8), 75–85. (in Russian). EDN: QZVVDD.
Каламкарян Р.А. Россия в универсальном мировом пространстве // Государство и право. 2013. № 8. С. 75–85. EDN: QZVVDD.
- Kasatkin, S.N. (2010) Enrico Pattaro's Normative Realism: Basic Concepts and Provisions. *Herald of the Samara Humanitarian Academy. Law Series*. (1 (7)), 19–42. (in Russian). EDN: NTVLJB.
Касаткин С.Н. Нормативный реализм Энрико Паттаро: основные понятия и положения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 1 (7). С. 19–42. EDN: NTVLJB.
- Kozhokar', I.P. (2019a) Conflicts of Law as a Flaw in Russian Legal System. *Legal Science*. (4), 15–22. (in Russian). EDN: TGXPMD.
Кожокар' И.П. Коллизии правовых норм как изъян системы российского права // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 15–22. EDN: TGXPMD.
- Kozhokar', I.P. (2019b) *Defects of Normative and Legal Regulation*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Кожокар' И.П. Дефекты нормативно-правового регулирования. М., Проспект, 2019. 296 с.
- Kraevsky, A.A. (2025) Between holism and realism: H. Kelsen's two theories of legal conflicts. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 117–134. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-117-134> EDN: QRAPJP.
Краевский А.А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 120. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-117-134> EDN: QRAPJP.
- Lawless, S., Song, A.M., Cohen, P.J. & Morrison, T.H. (2020) Rights, equity and justice: A diagnostic for social meta-norm diffusion in environmental governance. *Earth System Governance*. 6, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.esg.2020.100052>
- Negri, A. (2017) Rereading Pashukanis: Discussion Notes. Trans. Ermakov, S. *Stasis*. 5 (2), 302–349. (in Russian). <https://doi.org/10.33280/2310-3817-2017-5-2>
Негри А. Перечитывая Пашуканиса: заметки к дискуссии / пер. с ит. С. Ермакова // Stasis. 2017. Т. 5. № 2. С. 302–349. <https://doi.org/10.33280/2310-3817-2017-5-2>
- Ogleznev, V.V. (2021) Expressive Conception of Norms and Theory of Speech-Acts. In: Antonov, M., Lisanyuk E. & Tonkov, E. (eds.) *How Logic is Possible in the Law? Interpretation of the Sources of Law Series*. Saint Petersburg, Aletheia Publ., pp. 283–298. (in Russian).
Оглеzneв В.В. Экспрессивная концепция норм и теория речевых актов // Как возможна логика в праве? / под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, Е.Н. Тонкова. Серия: Толкование источников права. СПб. : Алетея, 2021. С. 283–298.
- Ogleznev, V.V. (2024) Consistency as a Method of Legal Research. In: Osvetinskaya, I.I. & Samohina, E.G. (eds.) *Normativity in Law: Concept, Interpretation, Correlation with Other Legal Characteristics*. Saint Petersburg, Skifia-print Publ., pp. 296–312. (in Russian).
Оглеzneв В.В. Системность как метод исследования права // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, соотношение с другими правовыми свойствами / под ред. И.И. Осветимской, Е.Г. Самохиной. СПб. : Скифия-принт, 2024. С. 296–312.
- Petrov, A.A. (2009) *Hierarchical conflicts in law*. Diss. ... of Candidate of Legal Sciences. Krasnoyarsk, Siberian Federal University. (in Russian).
Петров А.А. Иерархические коллизии в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2009. 204 с.
- Pomeranc, G.S. (2010) Hierarchy. In: Stepin, V.S. & Semigin, G.Ju. (eds.) *The New Philosophical Encyclopedia. Vol. 2*. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).

- Померанц Г.С. Иерархия // Новая философская энциклопедия. Том второй / Рук. проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. С. 85.
- Pozzolo, S. (1998) Neoconstitucionalismo y especificidad de la interpretación constitucional [Neoconstitutionalism and Specificity of Constitutional Interpretation]. *DOXA. Cuadernos de Filosofía del Derecho*, 21(2), 339–353. (in Spanish). <https://doi.org/10.14198/DOXA1998.21.2.25>
- Sachkov, Ju. V. (2010) Hierarchy. In: Stepin, V.S. & Semigin, G.Ju. (eds.-in-chief) *The New Philosophical Encyclopedia. Vol. 2*. Moscow, Mysl' Publ., pp. 84–85. (in Russian).
- Сачков Ю.В. Иерархия // Новая философская энциклопедия. Том второй / Рук. проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. С. 84–85.
- Shustrov, D.G. (2017) *Essentia constitutionis: The Constitution of the Russian Federation in the focus of constitutional theories of the 20th and 21st centuries. Part 1. Comparative Constitutional Review*. (4 (119)), 124–141. (in Russian). <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-4-124-141>. EDN: ZEKXHT.
- Шустров Д.Г. *Essentia constitutionis: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков. Часть 1 // Сравнительное конституционное обозрение*. 2017. № 4 (119). С. 124–141. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-4-124-141>. EDN: ZEKXHT.
- Timoshina, E.V., Kraevsky, A.A. & Salmin, D.N. (2015) Axiology of Judicial Interpretation: Means of Weighing in the Situation of Competition of Human Rights. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 14 (3), 4–34. (in Russian).
- Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. Сер. 14. Вып. 3. С. 4–34.
- Tonkov, E.N. & Tonkov, D.E. (2022) Italian Legal Realism. In: *Legal Realism*. Pax Britannica Series. Saint Petersburg, Aletheia Publ., pp. 365–372. (in Russian).
- Тонков Е.Н., Тонков Д.Е. Итальянский правовой реализм // Правовой реализм. Серия: Pax Britannica. СПб. : Алетейя, 2022. С. 365–372.
- Varlamova, N.V. (2013) The Normativity of Law: Problems of Interpretation. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. (4), 76–115. (in Russian). EDN: SAMBTJ.
- Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 76–115. EDN: SAMBTJ.
- Varlamova, N.V. (2024) Human Rights: Theoretical Justification and Legal and Dogmatic Concretization. Diss. ... of Doctor of Legal Sciences. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. (in Russian).
- Варламова Н.В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... докт. юрид. наук. М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2024. 817 с.
- Vasilieva, T.A. (2018) Constitutional reforms in Italy: Endless quest for elusory result. *Comparative Constitutional Review*. (4 (125)), 85–99. (in Russian). <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-4-85-99>
- Васильева Т.А. Конституционные реформы в Италии: бесконечный поиск ускользающего результата // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4 (125). С. 85–99. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2018-4-85-99>
- Vedeneev, Yu.A. (2020) Jurisprudence in the Era of Change: Subject and Structure of the Discipline. *Lex russica*. 73 (1), 88–117. (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.088-117>
- Веденеев Ю.А. Юриспруденция в эпоху перемен: предмет и структура дисциплины // Lex russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 88–117. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.158.1.088-117>
- Vlasenko, N.A. (2014) *Reasonableness and Certainty in Legal Regulation*. Moscow, Infra-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М. : Инфра-М, 2014. 157 с.

Vlasenko, N.A. (2017) Conflict of Laws Rules in the Russian Federation: Position and Prospects. *Journal of Russian Law*. (6 (246)), 5–18. (in Russian). https://doi.org/10.12737/article_59240612adb802.72001888

Власенко Н.А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6 (246). С. 5–18. https://doi.org/10.12737/article_59240612adb802.72001888

Сведения об авторе:

Тонков Дмитрий Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76; приглашенный исследователь, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

ORCID: 0000-0002-9841-5743; SPIN-код: 8825-9437

e-mail: d.tonkov@yandex.ru

About the author:

Dmitrii E. Tonkov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Legal Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; 76 Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation; Visiting Researcher, Samara State University of Economics; 141 Sovetskoy Armii str., Samara, 443090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9841-5743; SPIN-code: 8825-9437

e-mail: d.tonkov@yandex.ru

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-930-946>

EDN: LLUELN

Научная статья / Research Article

Социальная защита лиц, выполняющих работу на цифровых платформах труда: подходы к проблеме

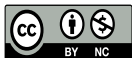
Н.В. Колотова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская
Федерация

 kolotova.n@gmail.com

Аннотация. Проблема социальной защиты работников платформ цифрового труда активно обсуждается во всем мире, однако сбалансированные решения, гармонично сочетающие интересы государства, бизнес-структур, потребителей и работников, занятых на платформе, пока не найдены. Результативность поиска во многом зависит от точности юридической квалификации лиц, выполняющих работы на платформе как наемных работников или независимых подрядчиков (самозанятых, партнеров-исполнителей), поскольку этот статус определяет уровень их социальной защиты. Лица, связанные трудовым договором, традиционно наделяются более обширными и стабильными социальными гарантиями, чем работающие по гражданско-правовым контрактам. При этом платформенная занятость очень разнообразна, и цифровые платформы труда, выступающие в роли активных посредников на локальных трудовых рынках (например, сервисы такси, доставки, выполнения домашних и надомных услуг), трансформируют статус работника, стирая четкие границы между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями. Во многих случаях юридически независимые подрядчики фактически подлежат прямому руководству и контролю со стороны платформы, осуществляемому при помощи алгоритмов цифровой программы. В этом смысле различие самозанятости и трудовых отношений становится актуальной задачей науки и практики, необходимой предпосылкой для развития соответствующих форм социальной защиты трудящихся вне зависимости от форм занятости. Описываются некоторые способы решения этой проблемы: переквалификация статуса занятости в судах, установление в законодательстве презумпции трудовых отношений и гибридных форм занятости. Примеры использования этих способов взяты из опыта различных юрисдикций, в которых регулируется платформенная занятость (США, Европейский союз, Ирландия, Испания). Актуальность исследования подтверждается недавно принятым федеральным законом Российской Федерации, в котором заложена гражданско-правовая модель регулирования труда лиц, выполняющих работы на

© Колотова Н.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

цифровых платформах. Опыт различных стран помогает взглянуть на эту проблему в более широком контексте, определить возможные плюсы и трудности такого подхода, а также задает вектор для дальнейшего поиска сбалансированного регулирования платформенной занятости.

Ключевые слова: платформенная занятость, платформы цифрового труда, правовой статус трудящихся на цифровой платформе, социальная защита выполняющих работы на платформе, трансформация занятости

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 30 июля 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Колотова Н.В. Социальная защита лиц, выполняющих работу на цифровых платформах труда: подходы к проблеме // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 4. С. 930–946. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-930-946>

Social protection of workers on digital labor platforms: Approaches to addressing the issue

Natalia V. Kolotova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*
 kolotova.n@gmail.com

Abstract. The problem of social protection for employees of digital labor platforms is actively discussed worldwide, yet balanced solutions that harmoniously reconcile the interests of the state, business entities, consumers, and platform workers have not been found. The effectiveness of these efforts largely depends on accurately classifying persons performing platform work as either employees or independent contractors (self-employed, implementing partners), since their status determines the scope of their social protection. Individuals under employment contracts typically receive more extensive and stable social guarantees than those engaged through civil law contracts. However, platform employment is diverse, and digital labor platforms that act as active intermediaries in local labor markets (for example, taxi services, delivery services, home and home services) blur the boundaries between labor and civil law relations by transforming the status of workers. Legally independent contractors may, in practice, be subject to direct control by the platform through algorithmic management. This blurring makes distinguishing self-employment from disguised employment a pressing scientific and practical challenge, and a prerequisite for developing appropriate social protections regardless of employment form. This article explores possible approaches to solving this problem: judicial reclassification of employment status, establishing presumption of employment relationships, and introducing hybrid employment models into legislation. Examples from various jurisdictions regulating platform work (USA, European Union, Ireland, Spain) illustrate these methods. The study's relevance is understood by recent Russian federal legislation adopting a civil law model for organizing work on digital platforms. International experience broadens the perspective, highlights advantages and challenges of differing approaches, and guides future efforts to find balanced regulation of platform employment.

Key words: platform employment, digital labor platforms, legal status of platform workers, social protection of platform workers, transformation of employment

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 30th July 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Kolotova, N.V. (2025) Social protection of workers on digital labor platforms: Approaches to addressing the issue. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 930–946. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-930-946>

Введение

Трансформационные процессы, внедрение в нашу жизнь информационно-технологических новаций и цифровизации формируют новые формы занятости, в которых трудовые и связанные с ними социально-обеспечительные отношения претерпевают существенные изменения. В новых сферах труда действующие системы социальной защиты не срабатывают автоматически, а требуют разработки и применения специальных мер по адаптации к изменяющимся условиям (Behrendt, Nguyen & Rani, 2019:27). Проблемы с социальной защищенностью занятых в новых нетипичных формах труда касаются постоянно увеличивающейся доли трудоспособного населения (Sinyavskaya, 2024), среди которой значительную часть составляют люди, относящиеся к уязвимым группам населения (инвалидам, лицам с семейными обязанностями, студентам, пенсионерам) (Nioradze, 2022). Они выбирают занятость на цифровых платформах, поскольку по объективным обстоятельствам не могут трудиться полный рабочий день по жесткому графику. Работники цифровых платформ труда подвержены повышенным социальным рискам в связи с высокой интенсивностью их труда и возможными сверхурочными работами, но оказываются не охваченными в полной мере адекватными и комплексными мерами социальной защиты, не подлежат социальному страхованию или должны осуществлять его на добровольной основе. Если они защищены законом, их страховое покрытие охватывает гораздо меньшее число рисков, чем это принято для традиционных форм занятости.

Платформенная занятость – довольно молодая форма труда, которая стала распространяться после финансовых кризисов 2008 и 2014 г., заставивших компании искать новые формы повышения экономической активности и сокращения издержек, а людей – использовать гибкие формы труда (Motina, Tomashevsky & Chichina, 2024:77). Многочисленные исследования в этой сфере показывают, что платформенная экономика является глобальным феноменом, сопоставимым с индустриальной революцией по своему влиянию на масштабы и организацию рынков (Kuzminov, Koshel & Kruchinskaia, 2025:7), включая рынки труда. Работа на платформе является востребованной формой для развития современной экономики: она открывает множество возможностей как для работника, так и для потребителя и самой компании – платформенного посредника. Эта форма занятости удовлетворяет запросам современных людей на гибкий и мобильный график труда, предоставляя им возможности трудиться как на постоянной, так и на дополнительной основе, в дистанционном или гибридном режиме, на основании временной или периодической занятости. И если гибкость и автономность являются факторами, привлекающими людей к этой форме занятости, то ее отрицательные стороны связаны с неопределенностью статуса лиц, занятых подобным образом, отсутствием надежных гарантий на предоставление достойных условий труда и ограничениями в сфере социальной защиты, которые связаны со статусом работника по трудовому законодательству (Chikanova & Seregina, 2018:151). Так, для самозанятых лиц оказывается ограниченным доступ к таким важным социальным гарантиям, как справедливая оплата труда в размере не меньше установленного минимального уровня; стандарты охраны здоровья

работника и достойных и безопасных условий его труда; соблюдение нормативов рабочего времени и времени отдыха; страхование временной нетрудоспособности и несчастных случаев на производстве; защита от безработицы и увольнения (расторжения контракта); право на коллективные переговоры и механизмы разрешения трудовых споров. В этой связи занятость на цифровых платформах по многим параметрам может быть отнесена к неустойчивым, нестабильным прекарным формам (Standing, 2014; Toshchenko, 2019), развитие которых вызывает много теоретических и практических вопросов, настоятельно требующих разработки.

Проблема состоит не только в том, что развитие технологий и новых форм цифрового взаимодействия в сфере труда зачастую существенно опережает правовое регулирование этих сфер – этот факт подчеркивают многие исследователи данной темы (Kuzminov, Koshel & Kruchinskaia, 2025:13). В области социальной защиты трудящихся одним из основных теоретических вопросов является точность определения статуса работника, занятого на платформе (наемный работник или независимый занятый), от которого зависит объем гарантий его трудовых прав и вытекающих из них прав на социальное обеспечение, а также включенность работающего человека в функционирующие системы социальной защиты. Специалисты в области трудового и социального права считают определение правового статуса платформенных трудящихся самым проблематичным с правовой точки зрения аспектом платформенной занятости (Lyutov & Chernykh, 2023:129).

Складывающаяся на этот счет законодательная и правоприменительная практика многообразна и противоречива. В разных юрисдикциях сформированы различные подходы к этому вопросу, эффективность которых только предстоит подтвердить. Это обуславливает необходимость продолжения поиска оптимальных юридических механизмов, которые позволяли бы при развитии новых нетипичных сфер трудовой занятости устранить пробелы в предоставлении социальных гарантий. Представленный в статье анализ отдельных кейсов и способов адаптации сложившихся систем социальной защиты к новым условиям цифрового труда является важным шагом на пути к концептуализации проблемы соблюдения социальных прав всех трудящихся вне зависимости от форм занятости.

Общие подходы к проблеме регулирования занятости лиц, выполняющих работы на платформе

Эксперты Международной организации труда (МОТ) исходят из того, что работниками цифровой платформы могут быть как наемные, так и самозанятые лица. При этом ко всем работникам вне зависимости от формы занятости надлежит применять базовые трудовые и социальные права, относящиеся к общему понятию трудовой занятости¹. Они определяются содержанием концепции «достойного труда», сформулированной в Декларации столетия МОТ о будущем в сфере труда, и включают в себя всеобъемлющую и устойчивую социальную защиту для каждого трудящегося².

¹ International Labour Organization. 2021. *World Employment and Social Outlook 2021: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work*. Geneva: ILO.

² Раздел III, п. А «iii» Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда. Режим доступа: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_norm/%40relconf/documents/meetingdocumentwcms_715175.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

Цифровые платформы определяются МОТ как в широком смысле – дистанционные структуры, предлагающие цифровые продукты и услуги и способствующие взаимодействию между пользователями посредством Интернета, включая предложения труда, обмен товарами (электронная торговля) или программным обеспечением, так и более специализированно – как платформы цифрового труда. Под ними имеются в виду цифровые технологии, которые выполняют посреднические функции между отдельными поставщиками и клиентами либо за счет того, что напрямую привлекают работников для оказания услуг³.

В свою очередь, платформы цифрового труда подразделяются на два вида: (1) онлайн-платформы на основе веб-технологий, которые могут организовывать связь людей в глобальном масштабе, предлагая оказание самых различных услуг и выполнение работ, значительная часть которых может быть осуществлена дистанционно; и (2) локальные платформы, базирующиеся в определенной местности, которые выступают промежуточным звеном для различных сервисов (например, такси, доставки, выполнения домашних и надомных услуг и пр.), нередко складывающиеся параллельно с традиционными рынками труда.

Исследователи описывают особенности двух видов платформ как различия двух видов цифровых посредников – «информационного» и «активного» (Girich, Ivanovicheva & Levashenko, 2022:46). Платформа как информационная площадка взаимодействия представляет работнику программное обеспечение, техническое содействие и в целом обеспечивает инфраструктуру поиска, а занятое лицо самостоятельно устанавливает стоимость своих услуг, условия их оказания и контролирует получение результата. Платформа как «активный посредник» сама устанавливает тарифы и условия оказания услуг, предоставляет инструменты и оборудование, устанавливает меры контроля за лицами, осуществляющими платформенные услуги и контролирует процесс их оказания, в том числе, пользуясь алгоритмами (Girich, Ivanovicheva & Levashenko, 2022:47). На таких платформах традиционная трудовая деятельность, связанная с предоставлением услуг и выполнением работ (например, перевозки, доставки, домашнего ухода, клининга и т.д.), реорганизуется для ее исполнения самостоятельными работниками, независимыми от платформы напрямую.

Таким образом, различные виды платформ порождают различные последствия для занятости лиц, работающих при их помощи. На онлайн-платформах, являющихся информационными посредниками, вся деятельность, как правило, опосредуется гражданско-правовыми контрактами, что возлагает на ее работников единоличную ответственность за уплату налогов и взносов на социальное страхование. Деятельность на активно-посредничающих платформах с точной локализацией создает между сторонами отношения, похожие на трудовые (Girich, Ivanovicheva & Levashenko, 2022:47), что «размывает» критерии отличия между samozанятостью и трудовыми отношениями и влечет сомнения в самостоятельном статусе такого работника. Даже когда лица, занятые на платформах такого типа, юридически позиционируются как независимые подрядчики, они фактически подлежат прямому руководству компании, владеющей платформой (Behrendt, Nguyen & Rani, 2019:19–20). Ряд исследователей полагают, что эта форма труда трансформирует классическое положение как работника, так и работодателя, и в целом преобразует отношения

³ International Labour Organization. 2021. World Employment and Social Outlook 2021: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work. Geneva: ILO.

занятости, стирая четкие границы между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями (Motina, Tomashevsky & Chichina, 2024:77).

В трудовом праве такое положение актуализировало дискуссию о необходимости серьезной модификации существующей модели единого трудового правоотношения. Ее основы были заложены в процессе становления трудовых прав еще в период формирования организации труда индустриального типа и предполагали социальную защиту работника как слабой стороны таких отношений (Chucha, 2024:24). В современных условиях данный подход предлагается расширить, ориентируясь на теорию комплекса трудовых отношений. В рамках этого подхода имеется больше возможностей для распространения на формы платформенной занятости норм по охране труда, социальному страхованию, социальному партнерству (Chucha, 2024:30, 45).

Практика различных государств в этом вопросе значительно различается: в зависимости от степени контроля платформы связанные с ней лица могут признаваться наемными работниками или независимыми подрядчиками, кроме того, могут существовать промежуточные варианты, которые позволяют распространять на лиц, трудящихся на цифровых платформах по контрактам, нормативы по охране труда или социальному обеспечению (International Labour Organization, 2021:203). В связи с тем, что от правильной классификации правового статуса таких лиц зависит их доступ к полному объему трудовых и социальных прав, этот вопрос широко обсуждается как в научных публикациях, так и в парламентах и залах судебных заседаний.

В отчете 2024 г. по проблемам самозанятости Европейского фонда улучшения условий жизни и труда (Еврофонд)⁴ было предложено выделить четыре основных способа обеспечения доступа к социальной защите лиц, занятых на платформенной работе: (1) переквалификация работников платформы из самозанятых в наемных работников посредством судебных разбирательств; (2) введение презумпции занятости; (3) развитие предоставления о промежуточном статусе – «третьей занятости»; (4) подписание соответствующих коллективных договоров (Eurofound, 2024:66). Эти способы не являются изолированными и могут применяться одновременно, в различном сочетании друг с другом. Так, презумпция трудовых отношений часто формулируется в решениях суда, связанных с изменением статуса трудящихся, далее она может быть закреплена в законодательстве наряду с положениями о промежуточном («гибридном», «третьем») статусе занятости («экономически зависимые самозанятые» в Испании, «квазирабочники» в Италии) и т.д.

Примеры, изложенные ниже, иллюстрируют некоторую условность любой такой классификации, а также демонстрируют, насколько активно во всем мире идет поиск форм и способов адаптации систем социальной защиты к новым формам нетипичной занятости. В настоящее время модели регулирования цифровой платформенной экономики быстро развиваются, но пока нигде в мире не найдены сбалансированные регулятивные механизмы, оптимально сочетающие интересы государства, бизнес-структур и конкретных потребителей (как заказчиков, так и исполнителей работ на платформах) (Kuzminov, Koshel & Kruchinskaia, 2025:13). При этом, несмотря на большое число экономических, социологических и юридических исследований в этой области, в отечественной литературе и регионе ЕАЭС дискуссии о правовом

⁴ Агентство Европейского союза, которое занимается сбором информации и организацией исследований в области социальной политики и проблемами улучшения жизни и труда. Режим доступа: <https://www.eurofound.europa.eu/en/home> (дата обращения: 15.07.2025).

статусе лиц, занятых через онлайн платформы, менее заметны, чем в иных юрисдикциях (Lyutov & Chernykh, 2023:124).

Квалификация статуса занятости: трудность разработки единого подхода (на примере Соединенных Штатов Америки)

Проблема определения статуса занятости лиц, выполняющих работу на платформе, сложна и многоаспектна, в ней сталкиваются противоположные интересы сторон конфликта, поэтому судебные дела, посвященные разрешению правового спора в этой области, вызывают противоборство сторон и широкий общественный резонанс. Ярким примером такого дела, повлекшего за собой далеко идущие последствия, является решение 2018 г. Верховного суда Калифорнии по делу *Dynamex Operations West, Inc. против Верховного суда Лос-Анджелеса*⁵. В этом деле была сформулирована презумпция, согласно которой работник, оказывающий услуги нанимателю, в том числе и при работе на платформе, признается его наемным сотрудником и на него распространяется законодательство о труде. Для того, чтобы работники сохранили статус независимых подрядчиков, компании-работодатели обязаны представить доказательства по трем пунктам (тест «ABC»).

Это решение стало основанием для внесения изменений в законодательство Калифорнии. Законом, известным как Закон АВ 5 (Assembly Bill 5), в 2019 г. тест ABC и исключения из него были внесены в Трудовой кодекс Калифорнии (§§ 2775–2787⁶). Согласно данному тесту работник является наемным сотрудником, если только компания не докажет, что в отношении данного лица соблюдены три условия: (А) оно освобождено от контроля и руководства со стороны нанимающей организации в связи с выполнением работы как по договору, так и фактически; (В) выполняет работу, которая не является обычной для компании-нанимателя; (С) занимается самостоятельной торговлей, ремеслом или бизнесом того же рода, что и выполняемая работа. Для работников, подпадающих под одно из исключений АВ 5 (а это более 100 профессий), применима классификация по другому многофакторному тесту, известному в судебной практике как тест *Borello*⁷. Этот тест предлагает изучить для классификации работников одиннадцать факторов, связанных с характером и степенью контроля компании-нанимателя над работником, например, наличие собственной лицензии и своего помещения для ведения бизнеса, права устанавливать свои расценки и определять рабочие часы для своей работы и т.д. Ряд комментаторов считает, что этот тест более точно отражает традиционные различия между сотрудниками и независимыми подрядчиками, чем тест ABC (Burdic, 2019).

В Калифорнии был принят довольно жесткий вариант теста⁸, который, хотя и предполагал десятки исключений, но не охватывал многие похожие категории

⁵ Supreme Court of California. *Dynamex Operation West Inc. v. Superior Court of Los Angeles Country*, April 30, 2018. 4 Cal.5th 903 (2018). Available at: <https://law.justia.com/cases/california/supreme-court/2018/s222732.html> [Accessed 15th July 2025].

⁶ California Labor Code. Available at: https://california.public.law/codes/labor_code_section_2775 [Accessed 15th July 2025].

⁷ Supreme Court of California. *S.G. Borello & Sons, Inc. v. Department of Industrial Relations*. March 23, 1989. 48 Cal.3d 341 (1989) Available at: <https://law.justia.com/cases/california/supreme-court/3d/48/341.html> [Accessed 15th July 2025].

⁸ В аналитических материалах, размещенных на сайте адвокатской компании, представляющей интересы транспортных компаний в продолжающихся до сих пор судебных разбирательствах, показаны раз-

работников. Его введение вызвало негативную реакцию работодателей и самозанятых, не желавших переходить в статус наемных сотрудников. Законодательное собрание Калифорнии было вынуждено расширить и уточнить перечень исключений, внеся поправки в Закон АВ 5 (Закон АВ 2257)⁹ в сентябре 2020 г. Однако и они не охватили две основные отрасли, организованные при помощи цифровых платформ, которые были заинтересованы в том, чтобы их работники сохраняли свой независимый статус – грузоперевозки и работа водителей по вызову. Представители больших транспортных платформ развернули мощную лоббистскую компанию и добились включения данного вопроса в бюллетени голосования штата Калифорния в ноябре 2020 г. Данная инициатива, известная под названием Поправка 22 (Proposition 22), получила поддержку 59 % избирателей и стала основанием принятия Закона о защите водителей и служб¹⁰, работающих на основе приложений, положения которого также были включены в разделы 7448–7467 Кодекса Калифорнии о бизнесе и профессиях¹¹.

Принятые законодательные положения обосновывали необходимость сохранения выгодного для работников статуса независимых подрядчиков, предоставляющего им гибкость и вариативность трудовой деятельности (§ 7449). Вместе с тем они были направлены на обеспечение безопасности при осуществлении таких услуг как потребителей, так и водителей служб такси и доставки. Водителям был предоставлен доступ к различным вариантам субсидий на медицинское страхование (в зависимости от количества часов работы на платформе); гарантии получения минимального заработка в размере 120 % от установленной минимальной заработной платы; компенсации транспортных расходов; страхование от несчастных случаев на производстве для покрытия травм, полученных на рабочем месте; а также защита от дискриминации и домогательств (§ 7453–7455).

Таким образом, законодательство Калифорнии под влиянием судебных решений и общественного мнения установило для одной категории платформенных занятых – водителей такси и служб доставки – особый режим занятости, сочетающий в себе преимущества независимого положения самозанятых лиц и определенные гарантии соблюдения их трудовых и социальных прав. Тем самым было существенно уточнено правило, первоначально сформулированное решением Верховного суда Лос-Анджелеса.

Вопрос о разграничении статусов занятости в США регулируется и на федеральном уровне. Министерство труда США в 2024 г. утвердило новые рекомендации на эту тему, получившие название «Заключительное правило классификации

личия калифорнийского теста ABC от аналогичных тестов в других штатах, где они либо сформулированы более узко, либо используются исключительно для определения того, подпадает ли работник под действие норм о компенсации по безработице // См.: Официальный сайт адвокатской компании CullenLaw Режим доступа: <https://cullenlaw.com/analysis/ab5> (дата обращения 15.07.2025).

⁹ An act to amend Section 3351 of, and to add Section 2750.3 to, the Labor Code, and to amend Sections 606.5 and 621 of the Unemployment Insurance Code, relating to employment, and making an appropriation therefor. Available at: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201920200AB [Accessed 15th July 2025].

¹⁰ Protect App-Based Drivers and Services Act (Added November 3, 2020, by initiative Proposition 22, Sec. 1. Effective December 16, 2020).

¹¹ Business and Professions Code. Sec. 7448-7467. Available at: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=BPC&division=3.&title=&part=&chapter=10.5.&article=1. [Accessed 15th July 2025].

наемных работников и независимых подрядчиков в соответствии с Законом о справедливых трудовых стандартах» (Final Rule: Employee or Independent Contractor Classification Under the FLSA)¹². Оно заменило собой признанные неудачными Правила определения статуса независимых подрядчиков, принятые Министерством труда в 2021 г.

Закон о справедливых трудовых стандартах 1938 г., в соответствии с которым разработаны рассматриваемые рекомендации, использует самые широкие формулировки понятий «работник» и «работодатель»¹³. Статус застрахованного работника, согласно данному Закону, гарантирует выплату заработной платы на уровне не ниже установленного федеральным законодательством за каждый час работы, при этом рабочее время, превышающее сорокачасовую рабочую неделю, оплачивается с коэффициентом 1,5 (раздел 3-е). За годы действия Закона для определения статуса занятости работника на основании обширной судебной практики был сформирован тест «экономической реальности». На этот устоявшийся тест опирается и Заключительное правило 2024 г., которое предполагает анализ совокупности шести факторов, в которой ни один не имеет преимущества или заранее установленного веса. При этом в тех штатах, где законодательно установлен тест «ABC», будет применяться именно он¹⁴.

На примере США, где в одной стране сосуществуют различные подходы к правовому регулированию цифровых платформ и действуют разные критерии разграничения статусов занятости, исследователи подчеркивают коллизионность нормативов, существующих в этой сфере, и отсутствие единых правовых рамок (Kuzminov, Koshel & Kruchinskaia, 2025:18–19). В этой связи полагаем, что комплексный анализ проблем платформенной занятости и возможностей социальной защиты работников платформ не может обойтись без описания и последующего обобщения конкретных примеров существования правовых норм и практики их применения.

Презумпция трудовых отношений на наднациональном уровне: практика Европейского Союза

Проблеме точной классификации трудовых отношений в условиях технологических новаций уделяется внимание на международном и наднациональном уровнях. Перечень критериев трудового характера отношений определен Рекомендацией МОТ от 15 июня 2006 г. № 198 «О трудовом правоотношении»¹⁵, в которой указано, какие условия для установления факта существования трудовых отношений могут быть включены в законодательство страны или служить ориентиром при вынесении судебных решений (п.12, 13). Кроме того, в Рекомендации № 198 установлен важный для анализа статуса занятости принцип приоритета фактов, согласно которому наличие трудовых отношений между сторонами должно определяться в первую очередь

¹² Employee or Independent Contractor Classification Under the Fair Labor Standards Act. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/01/10/2024-00067/employee-or-independent-contractor-classification-under-the-fair-labor-standards-act> [Accessed 15th July 2025].

¹³ Fair Labor Standards Act. Available at: <https://hr.ucmerced.edu/compensation/compensation-tools/flsa> [Accessed 15th July 2025].

¹⁴ Режим доступа: <https://www.dol.gov/agencies/whd/flsa/misclassification/rulemaking/faqs> (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁵ Режим доступа: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r198_ru.htm (дата обращения 07.07.2025).

на основе фактов, подтверждающих реальное положение работника, невзирая на то, каким образом оно характеризуется в любом другом соглашении (ст.9).

Этот подход применяется и в законодательстве Европейского Союза. Недавно принятая Директива ЕС (вводится в действие с декабря 2026 г.) об улучшении условий труда в сфере платформенной занятости¹⁶ прямо нацелена на предотвращение случаев неправильной классификации занятости лиц, выполняющих работы на платформе. Директива подразделяет этих лиц на две категории, которые могут иметь разные трудовые и социальные права (пп. «с»), «d» п. 1 ст. 1): лица, обладающие статусом работников в рамках трудовых отношений с платформой (*platform worker*); и все лица, выполняющих работу на платформе (*person performing platform work*), независимо от характера договорных отношений или их определения участвующими сторонами. Для всех трудящихся вне связи с их статусом провозглашается принципы прозрачности, справедливости и контроля со стороны человека при использовании алгоритмических способов управления.

Установленная Директивой презумпция трудовых отношений должна стать юридическим инструментом для корректного определения статуса занятости, защищающим работников цифровых платформ от возможных ограничений в доступе к трудовым и социальным правам (преамбула, п. 6). В отличие от документов МОТ и предварительных проектов¹⁷ в ее согласованной версии нет списка конкретных критериев трудового характера отношений. Первоначальные предложения, содержащие такой перечень¹⁸, вызвали резкую критику с разных сторон и не вошла в окончательную редакцию Директивы (Potemkina, 2024).

Согласно презумпции договорные отношения между цифровой платформой и лицом, выполняющим работу при ее помощи, в которых имеются подтвержденные факты, указывающие на руководство или контроль, считаются трудовыми (п. 1 ст. 5). Квалификация соответствующих отношений как трудовых должна основываться в первую очередь на оценке фактической ситуации выполнения работы, независимо от того, как эти отношения обозначены в договоре, заключенном сторонами (ст. 4). При этом каждое государство-участник должно самостоятельно закрепить в законодательстве применимые критерии, которые будут использоваться для определения уровня контроля и руководства со стороны платформы.

По своей сути презумпция представляет собой упрощение процедуры доказывания статуса занятости при судебном или административном разбирательстве, осуществляемое в интересах лиц, выполняющих работу на платформе. Она не может трактоваться как обременение для работающих лиц или автоматически приводить к переквалификации их статуса. Бремя доказывания обратного возлагается на саму платформу цифрового труда.

¹⁶ Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and the Council on improving working conditions in platform work of 23 October 2024// OJ L 11.11.2024. P. 1–26.

¹⁷ Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work. 09.12.2021. Art. 3. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021PC0762> [Accessed 02th July 2025].

¹⁸ Aloisi, A. & Georgiou, D. Two steps forward, one step back: the EU's plans for improving gig working conditions. A critique of the EU's proposed approach to employment status and algorithmic management for platform workers. // Ada Lovelace Institute. 2022. Available at: <https://www.adalovelaceinstitute.org/blog/eu-gig-economy> [Accessed 20th July 2025].

Примечательно, что в соответствии с Директивой государства-члены ЕС обязаны включить указанную презумпцию в законодательство только в отношении трудовых прав. Распространение презумпции на налоговые и уголовные отношения или вопросы социального обеспечения относится на усмотрение национальных государств, которые могут предусмотреть такой порядок в своем законодательстве (п. 3 ст. 5). Это значит, что страны-участницы будут применять презумпцию по-разному, определяя свои перечни критериев для конкретизации статуса занятости и степень ответственности за неправильную классификацию работников.

Пока рано оценивать, каким образом Директива будет применяться в странах-участницах ЕС, в каких из них презумпция занятости будет распространена на национальное законодательство о социальном обеспечении. Можно предположить, что широкий характер некоторых определений, отсутствие единых критериев для отнесения платформенных работников к наемным сотрудникам и выведение за рамки наднационального регулирования вопросов о социальной защищенности лиц, выполняющих работы на платформе, будут способствовать развитию разных национальных практик применения презумпции, и поиск универсальных решений для адаптации систем социальной защиты к новой занятости в мире цифровых технологий будет продолжен.

Переквалификация статуса занятости судебными решениями (на примерах Ирландии и Испании)

Судебные процессы, в результате которых лица, занятые на цифровых платформах, решением суда переквалифицируются из самостоятельных подрядчиков в наемные работники, происходят практически в любой стране¹⁹. Подобная судебная практика есть и в Российской Федерации, однако она носит противоречивый и непоследовательный характер (Girich, Ivanovicheva & Levashenko, 2022:54). Чаще всего с такими исками обращаются сами занятые, для которых доказательство трудового характера отношений означает доступ к полному объему социальной защиты по законодательству (например, расторжение контракта с цифровой платформой может быть переквалифицировано как несправедливое увольнение с получением соответствующей компенсации), но иногда заявителями выступают государственные органы, предъявляющие иски в целях взыскания налоговых выплат с платформ как с работодателей. Сформулированные судами критерии отличия статусов рабочей занятости широко используются для защиты прав трудящихся на платформах и часто являются основаниями для изменений в национальном законодательстве. Приведем примеры переквалификации статуса занятости и ее последствий в двух знаковых решениях из судебной практики европейских стран – Ирландии и Испании, на которых можно проследить формирование общих тенденций.

Если в законодательстве Ирландии нет четкого определения терминов «наемный работник» и «независимый самозанятый», а суды на протяжении многих лет применяли различные критерии для их конкретизации, то законодательство Испании, напротив, в этом отношении хорошо детализировано. Помимо Закона «О статусе трудящихся», в котором в ст. 8.1 сформулирована презумпция трудовых отношений (трудовым предполагается возмездный договор между сторонами,

¹⁹ См. научный обзор, основанный на анализе более 800 судебных и административных решений в 18 европейских странах (Hiebl Ch., 2024).

по которому одна из сторон оказывает услуги от своего имени и в рамках организации под руководством другого лица)²⁰, в Испании широко употребляется понятие «зависимого самозанятого». Оно применяется по отношению к лицам, которые несмотря на свою функциональную автономию осуществляют профессиональную деятельность в сильной и почти исключительной экономической зависимости от одного клиента, который обеспечивает им до 75 % дохода (ст. 11.1 Закона о статусе самостоятельного труда²¹). В преамбуле этого Закона говорится, что данная форма занятости фактически является гибридным, промежуточным видом между двумя традиционными формами. На такой основе в Испании сложилась обширная судебная практика: о статусе работников платформы приняты сотни решений, из них 17 постановлений – Верховным судом (Hiebl, 2024:38).

Верховный суд Ирландии в 2023 г. по делу Karshan (Midlands) Ltd против налоговых инспекторов²² переквалифицировал статус занятости водителей службы доставки продуктов, которые были наняты как независимые сотрудники. В данном деле Суд на основе обширного (почти 200-страничного) исследования законодательной и судебной практики Англии и Ирландии разъяснил различие статусов работников, соответствующее современным тенденциям.

Для определения трудового характера отношений Верховный суд разработал и применил пятиэтапный тест (п. 213–219). Три первых этапа теста представляют собой фильтры, прохождение которых позволяет приступить к последующему выяснению фактических обстоятельств. На этих этапах суд оценивает: 1) является ли договор возмездным, по которому в обмен на услугу предполагается выплата вознаграждения (п. 220–223); 2) носит ли работа личный характер и какова степень автономности работника в случае, если потребуется замена исполнителя (п. 224–226); 3) уровень контроля за работником в ходе выполнения заказа (п. 227–234). На четвертом этапе выясняются все фактические обстоятельства трудоустройства (п. 235–250). Суд руководствуется принципом приоритета фактов и толкует договор (а) в свете фактических обстоятельств его заключения; (б) с учетом реальных действий сторон; (в) не связывая выясненные факты и обстоятельства с анализом предыдущих пунктов теста и возлагая бремя доказывания факта на сторону, которая его утверждает. В случае непризнания договора трудовым от суда требуется точная классификация типа рассматриваемого контракта. И, наконец, на пятом, финальном этапе теста суд должен проверить наличие нормативных актов, которые могут потребовать корректировки или дополнения любого из этих соображений (п. 251–252).

Проведя проверку по разработанному тесту Верховный суд в деле Karshan (Midlands) Ltd против налоговых инспекторов оставил в силе решение первой инстанции, установившей, что водители, занятые на платформе, были наемными работниками. На основе этого решения Министерство социального обеспечения Ирландии издало Кодекс практики для определения статуса занятости – документ рекомендательного характера, которой содержит в себе руководящие принципы

²⁰ Real Decreto Legislativo 2/2015, de 23 de octubre, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley del Estatuto de los Trabajadores. // Boletín Oficial del Estado de 24.10.2015. N 255. Available at: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-11430> [Accessed 15th July 2025].

²¹ Ley 20/2007, de julio, del Estatuto del trabajo autonomo. // Boletín Oficial del Estado de 12/07/2007 № 166. Available at: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-13409> [Accessed 15th July 2025].

²² Supreme Court of Ireland. Revenue Commissioners v. Karshan t/a Dominos. IESC 24. Appeal Number: S:AP:IE:2022:000109 [2023] IESC 24. Available at: https://www.courts.ie/acc/alfresco/e4ee7c3d-0e02-4a33-82b7-26458d895138/2023_IESC_24.pdf/pdf#view=fitH [Accessed 15th July 2025].

помогающие правоприменителям избежать социально-правовых и налоговых последствий неправильной квалификации²³.

Постановлением Верховного суда Испании от 25 сентября 2020 г. также был переквалифицирован статус занятости заявителя, работавшего курьером по доставке заказов на платформе Glovo²⁴. Суд подчеркнул, что обращение к прояснению основных признаков наемного и самостоятельного труда обусловлено их постоянной эволюцией. Содержание основных юридических понятий в постиндустриальном обществе претерпевает постоянные изменения, в частности, современные цифровые системы контроля трансформируют формы зависимости работника, делая их более гибкими и мягкими (п. 7.1; здесь и далее цитируется мотивировочная часть Постановления).

Суд подтвердил, что содержательными критериями отличия трудовой занятости от гражданско-правовой являются: зависимый характер труда; отчужденность работника от результатов своего труда, характеризующая степень его автономности; гарантированное вознаграждение. Однако Суд признал, что грань, разделяющая трудовой договор от соглашений, регулируемых гражданским и коммерческим законодательством, не является четкой ни в доктрине, ни в законодательстве, ни даже в социальной реальности (п. 9.1 (3)).

Заявитель по данному делу имел статус «зависимого самозанятого», и в этом смысле, как полагают исследователи, его экономическая зависимость может считаться даже более сильной, чем зависимость наемного персонала, так как при сохранении всех рисков, характерных для самостоятельного труда, заработная плата такого работника не фиксирована, а привязана к определенному объему работ (Shevchuk, 2010:41). Для самозанятых (включая экономически зависимых) в Испании установлен специальный режим социального обеспечения (ст. 23 Закона о статусе самостоятельного труда), предполагающий обязательное внесение страховых взносов (ст. 25). Это дает возможность застрахованным работникам получать определенные социальные и пенсионные выплаты (например, в случаях временной нетрудоспособности, беременности, рождения ребенка и ухода за ним, достижения возраста, несчастного происшествия или профессионального заболевания) (ст. 26). Но и эти гарантии не равны тем, которые предоставляются при аналогичной занятости наемным работникам.

Значимым аргументом в пользу классификации курьера Glovo как сотрудника компании стала практика распределения заказов платформы при помощи автоматизированной системы рейтингов, когда наиболее выгодные заказы распределялись работникам, получившим наибольшее количество очков. Суд счел, что без гарантий минимальной оплаты эта система предопределяет максимальные нагрузки работников, поскольку понижение в рейтинге ведет к потерям заработной платы и равносильно потере работы (п. 16–19). Кроме того, компания Glovo не только поручала выполнение определенных услуг: она указывала, каким образом они должны быть оказаны, контролировала выполнение инструкций и сроков доставки через приложение, в том числе в режиме реального времени при помощи GPS геолокатора. Поэтому

²³ URL: <https://www.gov.ie/en/department-of-social-protection/publications/code-of-practice-on-determining-employment-status/> [Accessed 20th Juny 2025].

²⁴ Tribunal Supremo de España (Sala de lo Social). Sentencia N 805/2020. 25 de Septiembre de 2020. Centro de Documentación Judicial. Available at: <https://www.poderjudicial.es/search/AN/openDocument/05986cd385feff03/20201001> [Accessed 05th July 2025].

Суд пришел к выводу, что платформенная компания является единственным субъектом, располагающим необходимой информацией для ведения этой бизнес-системы оказания услуг, и в одностороннем порядке принимает все коммерческие решения (о форме оплаты, вознаграждении и компенсации время ожидания заказа клиента). Тем самым, платформа не является простым посредником между продавцом и поставщиком услуг, а выполняет работу по координации и организации обслуживания своих клиентов, посредством алгоритмического управления влияя на их активность. В этом случае автономия лиц, выполняющих работу на платформе, ограничена и распространяется только на второстепенные вопросы (п. 20–22).

После данного постановления Верховного суда в 2021 г. в Закон «О статусе трудящихся» было внесено специальное дополнение о лицах, занимающихся доставкой при помощи цифровых платформ (Дополнительное положение 23). Эти изменения получили название «Закон о курьерах»²⁵, поскольку они ввели в сферу действия трудового права работу платформенных служб доставки товаров. Исследователи полагают, что именно испанское законодательство вдохновило ЕС на разработку общих правил регулирования платформенной занятости (Potemkina, 2024). Очевидно, что определение правового статуса работников платформ является сложной проблемой, решаемой судами на основании анализа всех фактических обстоятельств правового спора.

Российская Федерация: гражданско-правовая модель занятости и ее расширение

Вопрос о поиске юридических способов защиты социальных прав лиц, занятых на работах на платформе, актуален и для нашей страны. Принятый в 2023 г. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации»²⁶ эту сферу не затронул. В новом законе «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» от 22 июля 2025 г.²⁷ за основу регулирования отношений занятости на платформе, взята гражданско-правовая модель: лица, выполняющие работу на платформе считаются партнерами-продавцами или партнерами-исполнителями (п. 4, 5, 6 ст. 2). Самозанятые партнеры-исполнители выполняют конкретные работы или услуги лично, без привлечения третьих лиц; вне установленного графика или правил трудового распорядка; самостоятельно принимая решения о выполнении заказа; они получают вознаграждение за каждый выполненный заказ отдельно. При этом предоставление социальных гарантий, а также еженедельных выходных дней и отпуска, принятых трудовым законодательством за счет платформы и заказчиков не предусматривается (ст. 15). Установлен запрет на систематическое и продолжительное выполнение работ в интересах одного пользователя-

²⁵ Ley 12/2021, de 28 de septiembre, por la que se modifica el texto refundido de la Ley del Estatuto de los Trabajadores, aprobado por el Real Decreto Legislativo 2/2015, de 23 de octubre, para garantizar los derechos laborales de las personas dedicadas al reparto en el ámbito de plataformas digitales // Boletín Oficial del Estado de 29.09.2021. N 233. Available at: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2021-15767> [Accessed 05th July 2025].

²⁶ Федеральный закон от 12 декабря 2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

²⁷ Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.

заказчика (пп. 5 п. 1 ст. 17), т.е. «экономически зависимые самозанятые», аналогичные испанскому законодательству, исключены из сферы действия Закона.

Однако при взаимодействии с партнером-исполнителем оператор цифровой платформы может выполнять далеко не только посреднические функции. В частности, он может оценивать деятельность исполнителя и ограничивать его доступ к принятию заказов; контролировать максимальное время систематического и продолжительного выполнения отдельного вида работ, в том числе связанных с использованием источника повышенной опасности или риском причинения вреда жизни, здоровью и имуществу и не допускать несовершеннолетних к выполнению работ определенного типа. По отдельным видам работ исполнитель должен быть проинформирован о наличии предельно допустимых норм физических и иных нагрузок. Тем партнерам-исполнителям, которые добровольно вступают в правоотношения по обязательному пенсионному и социальному страхованию, а также заключают договоры добровольного медицинского страхования, платформой должны быть предоставлены преференции, минимальный объем которых устанавливается Правительством РФ (пп. 9 п.1 ст. 17). Расходы таких лиц на страховые выплаты могут быть возмещены платформой полностью или частично (пп. 6 п. 2 ст. 17). Кроме того, оператор платформы может предоставлять исполнителям возможности дополнительного профессионального образования и обучения, предоставлять для исполнения заказа свои инструменты и материалы (пп. 7, 8 п. 2 ст. 17). Представляется, что такие положения нового Федерального закона подтверждают вывод о том, что платформенную занятость трудно определить в рамках дихотомии «трудовые отношения – работа по найму» и «самозанятость – предпринимательство» (Ponomareva, 2025:111). Судя по опыту различных стран, такая модель правового регулирования платформенной занятости потребует принятия специальных нормативных мер по адаптации системы социальной защиты, с тем чтобы права занятых на платформе людей не были нарушены.

Заключение

Во всем мире специалистами в области налогового, трудового права и права социального обеспечения ведутся дискуссии о правовом статусе платформенных трудящихся. Несмотря на то, что многие работники платформ считаются самозанятыми, их статус во многом остается неясным (особенно в отношении лиц, занятых на платформах активного типа, базирующихся в определенной местности). Во многих странах сложилась обширная судебная практика, связанная с оспариванием статуса занятости лиц, выполняющих работу на платформе, приняты комплексные законодательные акты. Важной целью предпринимаемых усилий по уточнению правового статуса занятых является обеспечение правовой защиты работников платформ с тем, чтобы они могли пользоваться социальными правами, эквивалентными правам наемных работников. На практике и в научной литературе продолжают сталкиваться противоположные подходы к этому вопросу, для смягчения которых разрабатываются компромиссные предложения, связанные с адаптацией существующих механизмов социальной защиты для новых нетипичных форм занятости, актуальных для эпохи цифрового труда.

References / Список литературы

- Behrendt, Ch., Nguyen, Q.A. & Rani U. (2019) Social protection systems and the future of work: Ensuring social security for digital platform workers. *International Social Security Review. Special Issue: Social security and the digital economy*. 72 (3), 17–41.
- Burdic, B. (2019) Dynamex Operation West Inc. v. Superior Court. *Berkely Journal of Employment and Labor Law*. 40 (1), 167–180. <https://www.doi.org/10.15779/Z38RVOD141>
- Chikanova, L.A. & Seregina, L.V. (2018) Legal Protection of Citizens against Unemployment in Context of Information Technology Innovations in the Field of Labor and Employment. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. (3), 149–171. (in Russian). <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2018.3.149.171>
Чиканова Л.А., Серегина Л.В. Правовая защита граждан от безработицы в условиях информационных технологических новаций в сфере труда и занятости // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 149–171. <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2018.3.149.171>
- Chucha, S.Y. (2024) *Ensuring and Protecting Social and Labor Rights in the Context of the Transformation of the Sphere of Labor and Employment*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Чуча С.Ю. Обеспечение и защита социально-трудовых прав в условиях трансформации сферы труда и занятости. М. : Проспект, 2024. 48 с.
- Girich, M.G., Ivanovicheva, K.V. & Levashenko, A.D. (2022) Taxation and Social Insurance for Employees of Online Platforms: Comparison of Russian and International Experience. *Financial Journal*. 14 (3), 44–60. (in Russian). <https://www.doi.org/10.31107/2075-1990-2022-3-44-60>
Гирич М.Г., Ивановичева К.В., Левашенко А.Д. Налогообложение доходов и социальное страхование занятых на онлайн-платформах: сравнение опыта России и других стран // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 3. С. 44–60.
- Hiebl, Ch. (2024) Case Law on the Classification of Platform Workers: Cross-European Comparative Analysis and Tentative Conclusions. *Comparative Labour Law & Policy Journal*. <https://www.doi.org/10.2139/ssrn.3839603>
- Nioradze, G.B. (2022) Older Workers' Labor and the Gig-Economy: Precarization or New Opportunities? *Sociological Journal*. 28 (4), 102–117. (in Russian). <https://www.doi.org/socjour.2022.28.4.9317>
Ниорадзе Г. В. Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 4. С. 102–117. <https://www.doi.org/socjour.2022.28.4.9317>
- Kuzminov, Ya.I., Koshel, A.S. & Kruchinskaia, E.V. (2025) Platform regulation as bona fides: From economic efficiency to rule. *Public Administration Issues*. (1), 7–37. (in Russian). <https://www.doi.org/10.17323/1999-5431-2025-0-1-7-37>
Кузьминов Я.И., Кошель А.С., Кручинская Е.В. Регулирование цифровых платформ как bona fides: от экономической эффективности к норме // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 1. С. 7–37. <https://www.doi.org/10.17323/1999-5431-2025-0-1-7-37>
- Lyutov, N.L. & Chernykh, N.V. (2023) *Labor law in conditions of great challenges*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Лютлов Н.Л., Черных Н.В. Трудовое право в условиях больших вызовов. М. : Проспект, 2023. 172 с.
- Motina, E.V., Tomashevsky, K.L. & Chichina, E.V. (2024) *Legal regulation of atypical forms of employment in the context of digitalization and regional integration*. Minsk, Amalfeya Publ. (in Russian).
Мотина Е.В., Томашевский К.Л., Чичина Е.В. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции. Минск : Амалфея, 2024. 244 с.

- Ponomareva, K.A. (2025) The legal status of digital platforms and their employees: Transformation at the intersection of tax and labor law. *Pravovedenie*. 69 (1), 102–124. (in Russian). <https://www.doi.org/10.21638/spbu25.2025.106>
Пономарева К.А. Цифровая платформа с точки зрения трудового и налогового права: работодатель или посредник? // Правоведение. 2025. Т. 69. № 1. С. 102–124. <https://www.doi.org/10.21638/spbu25.2025.106>
- Potemkina, O.Yu. (2024) Employed or Self- Employed: the Problem of Regulating Platform Work in the EU. *Sovremennaiia Evropa*. (4), 126–139. (in Russian). <https://www.doi.org/10.31857/S0201708324040107>
Потемкина О.Ю. Самозанятые или наемные: проблема регулирования платформенного труда в ЕС // Современная Европа. 2024. № 4. С. 126–139. <https://www.doi.org/10.31857/S0201708324040107>
- Weber, T., Eiffe, F.F. & Adăscăliței, D. (2024) Self-employment in the EU: Job quality and developments in social protection. Luxembourg, Publications Office of the European Union.
- Shevchuk, A.V. (2010) Boundaries of autonomy: the phenomenon of “dependent self-employment”. *Sociological Journal*. 2010. (3), 35–51.
Шевчук А.В. Границы автономии: феномен «зависимой самозанятости» // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 35–51.
- Sinyavskaya, O.V. et al. (2024) *Platform employment in Russia: the dynamics of prevalence and key characteristics of the employed*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. (in Russian).
Синявская О.В. [и др.] (2024) Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 64 с.
- Standing, G. (2014) *The Precariat: a new dangerous class*. Moscow, Ad Marginem Press Publ. (in Russian).
Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Toshchenko, Zh.T. (2019) The Precariat Phenomenon: Theoretical and Methodological Premises of its Study. *Sociological research*. (9), 51–63. (in Russian). <https://www.doi.org/10.31857/S013216250006669-8>
Тощенко Ж.Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 51–63. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250006669-8>

Сведения об авторах:

Колотова Наталья Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, и.о. зав. сектором прав человека, Институт государства и права Российской академии наук; 119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

ORCID: 0000-0001-6184-3763; SPIN-код: 5472-6255

e-mail: kolotova.n@gmail.com

About the authors:

Natalia V. Kolotova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Acting Head of the Human Rights Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6184-3763; SPIN-code: 5472-6255

e-mail: kolotova.n@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-947-961>
EDN: LMFGRM

Научная статья / Research Article

Идентификация сущностных характеристик права в цифровую эпоху

С.Б. Зинковский

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Одинцовский филиал МГИМО МИД России, г. Одинцово, Российская Федерация
 zinkovskiy-sb@rudn.ru

Аннотация. Обосновывается необходимость использования новых подходов к исследованию права, обусловленных внедрением цифровых технологий в общественную жизнь. В этих условиях качественные изменения в сознании и способах формирования мировоззрения человека, виртуализация общественных отношений и их ценностная основа, трансформация культурной идентичности приобретают значение типологических характеристик права в цифровую эпоху. Цифровая реальность – это особая «среда обитания» человека, которая меняет направленность процесса эволюции человеческого мозга и сознания; в сочетании с социальным опытом изменяет тип человеческого мышления и мировосприятия; создает условия для трансформации ценностной основы культуры, «расщепления» индивидуальности человека и его культурной идентичности; виртуализирует значительную часть общественных отношений; порождает новую структуру общества и новые формы социального неравенства. Эти направления эволюции социальной практики, общественных отношений, их ценностной основы, сознания и мировоззрения человека, будучи выраженными в праве, приобретают значение его типологических характеристик, в которых в новой уникальной форме проявляет себя феномен синкретизма. Типологической характеристикой права становится слитное, нераздельное выражение в нем комплекса природно-биологических и социальных закономерностей развития человека и общества, а также технических закономерностей, обусловленных интеграцией в человеческое сознание элементов цифровой среды, небιологическими ресурсами. Право цифровой эпохи считает ценностью не конкретного человека, а приемлемую с точки зрения власти его идентичность, юридическая оценка которой сопряжена с появлением новой группы объектов правового регулирования – виртуальных интерпретаций человеком юридически значимых социальных смыслов. Цифровая эпоха порождает новые формы социального деления, критериями которого становятся степень интеграции человека в виртуальное пространство и отношение человека к технологиям как к средствам производства, а следствием – отражение в праве новых групп социальных интересов, меняющих его сущность.

Ключевые слова: типология права, миропонимание, цифровая среда, виртуальный, синкретизм, культурная идентичность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 01 сентября 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

© Зинковский С.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Зинковский С.Б. Идентификация сущностных характеристик права в цифровую эпоху // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 947–961. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-947-961>

Identification of the substantial characteristics of law in the digital age

Sergey B. Zinkovskiy

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Odintsovo branch, MGIMO University, Odintsovo, Russian Federation

 zinkovskiy-sb@rudn.ru

Abstract. The article discusses the need for new approaches to legal research, driven by the introduction of digital technologies into public life. Under these conditions qualitative changes in consciousness and methods of human worldview formation, virtualization of social relations and their value basis, and transformation of cultural identity acquire the significance of typological features of law in the digital age. Digital reality is a special human "habitat" that changes the direction of the evolution of the human brain and consciousness; in combination with social experience, it alters the type of human thinking and worldview; creates conditions for the transformation of the value basis of culture, the splitting of human individuality and cultural identity; virtualizes a significant part of social relations; gives rise to a new structure of society and new forms of social inequality. These directions of evolution of social practice, social relations, their value basis, consciousness, and human worldview, being expressed in law, acquire the significance of its typological characteristics, in which the phenomenon of syncretism manifests itself in a new, unique form. The typological feature of law is its fused, inseparable expression of a complex of natural, biological, and social regularities governing human and social development, as well as technical regularities conditioned by the integration of elements of the digital environment and non-biological resources into human consciousness. The law of the digital age considers value not in the individual, but in their identity, acceptable from the perspective of the official authorities. The legal assessment of this identity is associated with the emergence of a new group of objects of legal regulation—human virtual interpretations of legally significant social meanings. The digital age is giving rise to new forms of social division, the criteria of which are the degree of human integration into virtual space and the human attitude toward technology as a means of production. This results in the reflection in law of new groups of social interests, changing its essence.

Key words: typology of law, worldview, digital environment, virtual, syncretism, cultural identity

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 01st September 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Zinkovskiy, S.B. (2025) Identification of the substantial characteristics of law in the digital age. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 947–961. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-947-961>

Введение

Типологическая характеристика права конкретной культурно-исторической эпохи предполагает опору на его сущностные признаки. Их комбинация позволяет построить типологию права вообще и сформировать представление о каждом из

выделенных его типов. В числе таких признаков – характер понимания права на разных стадиях исторического развития, форма права, его структура, механизм действия (Muromtsev, 2021:363), социальное назначение права, выраженные в праве социальные интересы, характер миропонимания и сознания людей, духовные и материальные особенности общественных отношений, наконец, особенности культурной идентичности, проявляющиеся в характеристиках природно-социальной и технологической среды, в которой существует право. Типологические характеристики права не сводятся исключительно к его внутренним свойствам, они находят свое выражение в плоскости миропонимания, социальной практики, биологических (в частности – генетических) закономерностей развития человека и общества.

«Современные цивилизационные изменения, глобальные общественные трансформации и смена технологического уклада жизни общества порождают множество эффектов, проявляющихся в том числе в социальном регулировании» (Khabrieva, 2021:6). В начале XXI в. в социально-гуманитарных исследованиях наметилось смещение акцентов в восприятии цифровых пространств – если раньше они рассматривались как носители информации, то современная наука интерпретирует их как пространства коммуникации (Horst & Miller, 2012; Blank & Reisdorf, 2012; Van Dijck, 2013), как «электронно-опосредованные формы жизни» (Winner, 1997). Цифровая реальность опирается на физический мир, на аналоговую культуру, но одновременно формирует новые культуры и социальные практики, внутри которых участники процесса коммуникации наделены собственными социальными ролями и идентичностями (Boellstorff et al., 2012; Jones, 2002). Характеристики цифровой коммуникации становятся в этой связи частью описания социальных процессов (Bryzgalina, 2023).

С учетом этого **цель исследования** – определить, как качественные изменения в сознании и способах формирования мировоззрения человека, виртуализация общественных отношений и их ценностная основа, трансформация культурной идентичности приобретают значение типологических характеристик права в цифровую эпоху.

Методология и материалы

Методологической основой исследования был выбран культурно-исторический подход к праву, предполагающий рассмотрение права как элемента культуры общества во всем многообразии ее конкретно-исторических форм. Специфика содержательных характеристик цифровой эпохи как объекта исследования предопределила необходимость рассмотрения общественных отношений, в которые вступает человек в аналоговом и цифровом мире, с позиций теории коммуникации в ее кибернетической, феноменологической, семиотической и социально-психологической интерпретациях. Фундаментально-теоретический характер вопроса о типологии права, являющегося для цели исследования системообразующим центром, потребовал обращения к философии и анализа обширного объема философских исследований проблематики цифровой эпохи. Внимание не только к социальным, но и к природным закономерностям развития права позволило в необходимой мере обратиться к данным, полученным в рамках нейронаук, в частности, нейроантропологии.

Результаты исследования и дискуссия

1. Качественные изменения в сознании и способах формирования мировоззрения человека цифровой эпохи.

Цифровая реальность формирует особые «среды обитания» человека, в которых сознание человека оказывается под воздействием множества факторов (Khalin,

2018), элементы этой среды становятся частью повседневного бытия человека, подчас более значимой, чем его социальное окружение (Pishchalnikova, 2018). В современной научной литературе в этой связи выдвинута гипотеза – цифровая реальность меняет направленность эволюционного процесса, создавая препятствия для эволюции мозга человека (Markov, 2013) – человек не стремится к пониманию информации, он просто ею пользуется, не обращая внимания на ее качество. Процесс коммуникации в цифровой среде характеризуется стандартизацией и упрощением ее невербальных форм, что меняет психику человека.

Думается, что такие изменения закономерны и соответствуют логике эволюции мышления в связи с развитием средств коммуникации. Так, для дописьменной эпохи существования человечества господствующим типом коммуникации и способом формирования мировоззрения была человеческая речь (McLuhan, 1962), человек существовал в слуховой коммуникационной среде и, получая информацию, был ограничен возможностями и объемом своего мозга.

На определенном этапе развития человечества ограниченность этого объема преодолевается путем зарождения письменности, что позволило: а) изменить основную среду коммуникации, актуализировав значение зрения, через которое воспринимается текст, а впоследствии б) усилить роль знаковой формы передачи информации в целом. Человек создает культуру – множество «...искусственных источников стимуляции, которыми пользуемся для взаимодействия друг с другом, – изображения, модели, фотографии, музыку, знаки, символы и средства массовой коммуникации» (Gibson, 2002).

По мере накопления информации об окружающем мире и с развитием цифровых технологий появляется новая коммуникативная среда – цифровая, способности которой к аккумуляции информации существенно превосходят письменные источники. Однако человеческий мозг, ранее адаптировавшийся под объем информации, сконцентрированной в письменных источниках, оказывается неспособным содержательно переработать ее в том объеме, который обеспечивает цифровая среда. Объективно такая ситуация предполагает два выхода – либо игнорировать какую-либо часть информации, либо изменить форму ее подачи и способ ее обработки, соотнеся их с особенностями средств ее получения. Второй путь, очевидно, продуктивнее, но при его реализации человек получает готовую информацию в упрощенной форме без какой-либо необходимости в аналитической работе. Упрощение процесса получения и усвоения информации с точки зрения нейрофизиологии удобнее и менее энергозатратно для человеческого мозга. Однако обратная сторона ситуации заключается в упрощении мозговой активности – в отказе от выполнения критической функции по отношению к информации, от систематизации знаний, в формирующейся фрагментарности мышления без выстраивания целостной картины мира. То есть средства получения информации, предопределяя особые формы подачи и способы обработки знаний, становятся инструментом изменения мировоззрения человека.

Как это ни парадоксально, но цифровая эпоха актуализирует проблему синкретизма как характеристики человеческого сознания в том смысле, что элементы цифровой среды, технологии, используемые в ней, накладываются в сознании на социальный опыт и трансформируют тип человеческого мышления (Parshin & Akhlibininsky, 1996). Если раньше, в аналоговую эпоху мышление человека характеризовалось как линейное, то сейчас оно приобретает сетевую, клиповую форму,

сужает мировоззрение человека и предлагает ему вместо цельной и системной картины мира набор фрагментов информации, не предполагая их критического осмысления (Petrova, 2022). В свою очередь, мировоззрение человека включает в себя ценностный компонент, обуславливающий поведение человека, его мотивы, специфику его взаимодействия с иными субъектами. Сужение мировоззрения упрощает, выхолащивает, деформирует и подменяет ценностные ориентиры, формирующие мотивы человеческого поведения. То есть средства получения информации и среда их применения становятся фактором, под влиянием которого трансформируются ценности, мировосприятие человека (McLuhan, 1964).

Другой аспект «нового» синкретизма человеческого сознания выражается в том, что развитие существующих технологий, компенсирующих недостаточность отдельных функций человеческого организма (протезирования, кардиостимуляции и т.д.), может рано или поздно привести к появлению технологий, модифицирующих психику человека (Clark, 2004). Переплетение мозга с небиологическими ресурсами воспроизведет вид совместного развития природного, социального и технического (Latour, 2005), личность предстанет открытой системой со специфическими социальными ролями в общественных отношениях.

То есть сознание человека в эпоху цифровизации качественно изменяется (Lectorsky, 2018), с одной стороны, оно становится примитивнее, чем в доцифровую эпоху, и открывает возможности для манипулирования когнитивными способностями, эмоциями и поведением человека при осуществлении правового регулирования, а с другой – расширяет круг возможностей государства для рассмотрения человека как носителя новых социальных ролей, которые он может выполнять в создаваемой государством системе правового регулирования.

Этот сдвиг подтверждается результатами исследованиями киберкультуры и влияния цифровых технологий на когнитивные процессы и идентичность, которые также подчеркивают усиление синкретизма – когда внешние цифровые стимулы смешиваются с внутренними когнитивными процессами, что часто приводит к снижению индивидуальной автономии и более фрагментарному, реактивному мышлению (Clark, 2008). Открытая системная природа личности теперь выходит за рамки биологии и включает в себя технологическое посредничество, преобразуя социальную и правовую динамику.

2. Виртуализация общественных отношений и их ценностная основа в цифровую эпоху.

«Сращивание» человека с цифровой средой означает, что он, продолжая существовать в реальном мире, параллельно выполняет взятые на себя социальные роли в виртуальной реальности (Leshkevich, 2022). Сетевое мышление становится основой для его сетевого существования. Человек выходит за рамки своих возможностей, которыми он обладает в реальном мире, дополняя свои биологические, в том числе нейрофизиологические функции, технологическими возможностями. В цифровой среде он фактически создает видоизмененную копию себя, при этом, не будучи скованным ограничениями реального мира, он может вложить в эту копию любые ценностные ориентиры, включить ее в любые практики социального общения, реализуемые в виртуальной среде (Welsch et al., 2020). На копии человека отражаются все его предубеждения, комплексы, искаженные представления о себе и об окружающей действительности.

В реальном мире человек – это конкретная, определенная социальная единица, характеризующаяся такой же определенной идентичностью. В виртуальном пространстве человек обладает множеством идентичностей, которые могут не совпадать с его реальной идентичностью, его цифровая личность характеризуется неопределенностью (Katrechko, 2004), которая усиливается в связи с использованием людьми в виртуальном пространстве так называемых «ников». Последние анонимизируют человека и размывают его индивидуальность как характеристику, конкретизирующую участника общественного отношения – в результате в праве цифровой эпохи отражается ценность не конкретного человека, а приемлемой с точки зрения власти его идентичности.

В этой связи становится следующей закономерность – погружение в виртуальное пространство часто производится с целью коррекции проблемного социального смысла. Человек либо пытается изменить окружение, «среду» проблемы, с которой он столкнулся в реальном мире, перейдя в иные формы своего бытия, либо конструирует при помощи виртуального мира свое видение этой проблемы, абстрагируясь от ее «неудобного», «враждебного» смысла. Созданная им интерпретация социальной ситуации, по сути, обесмысливает для него, но не для государства и права, проблему, с которой он столкнулся (Ivanenko, 2009). В правовой сфере это влечет за собой появление новой группы объектов правового регулирования – виртуальных интерпретаций человеком юридически значимых социальных смыслов – то есть право цифровой эпохи может столкнуться с необходимостью выхода за рамки оценки только поведенческих актов.

Интеграция людей в виртуальное пространство происходит неравномерно и стимулирует формирование новой структуры общества, включающей в себя: а) людей, привязанных только к реальному пространству и не использующих виртуальное пространство, б) людей, не привязанных ни к реальному, ни к виртуальному пространству, в) людей, привязанных к реальному пространству, сознательно ограничивающих использование виртуального пространства, г) людей, одинаково привязанных к реальному и виртуальному пространствам, интегрирующих реальное и виртуальное, д) людей, полностью поглощенных виртуальной средой, которые свели свои функции в реальном пространстве к минимуму (Misra & Stokols, 2012). Эти группы людей имеют свои уникальные социальные интересы, невнимание к которым со стороны права приведет к «выпадению» этих людей из правового поля. Следовательно, понимание сущности права как совокупности выраженных в нем социальных интересов требует включения их «новых» разновидностей в сферу правового регулирования.

Виртуализация жизни человека ведет к формированию его новой функциональности и моральным деформациям, которые становятся возможными из-за отсутствия физического контакта с иными участниками виртуального общения и сопутствующих ему обязанностей, ограничений (Szecsi & Koller, 2017). Человек оказывается в ситуации, когда он формирует окружающую среду, которая, в свою очередь, формирует его самого – человек становится руководимым алгоритмами сетевых практик (пример – присущая виртуальному миру погоня за фолловерами – подписчиками на аккаунт – и лайками – положительными реакциями на контент). Под их влиянием происходит трансформация системы ценностей, появляются те из них, на основе которых реализуется поведение человека в виртуальной сфере:

1. Ценность пути к информации – в цифровой среде поиск и последующее присвоение информации становятся эквивалентом когнитивных способностей, то есть

если в реальном мире ценностью является само знание, то в виртуальном ценностью обладает сам путь к нему;

2. Ценность алгоритмизации деятельности – в цифровой среде решение задачи по шаблону имеет преимущество по сравнению с творческим подходом; то есть эта ценность виртуального мира прямо противоположна ценности деятельности в человеческом, реальном измерении;

3. Ценность «права на сетевое самоопределение» (Belli, 2017) – человек считает себя уполномоченным на введение других участников коммуникационного процесса в заблуждение относительно своего реального социального статуса, на сознательное искажение представлений о себе;

4. Ценность «нового доверия» – информация, получаемая из цифровой среды, воспринимается человеком как истинная, без каких-либо доказательств – то есть механизм восприятия такой информации аналогичен доверию человека к сигналам собственного мозга.

Другим следствием виртуализации общественных отношений становится десоциализация индивида (Kolyadko, 2022) и появление на ее основе новых форм социального неравенства.

Еще идеологи глобализации, кризис которой мы наблюдаем в настоящее время, отмечали, что индивидуализация (а погружение индивида в виртуальное пространство является формой его обособления от общества, способом разрыва некомфортных для него социальных связей) на самом деле не ведет к росту автономии индивида, а, напротив, еще более способствует его зависимости в связи с ростом его подчиненности структурному принуждению и всеобщей стандартизации. Такая зависимость становится результатом усиления сил, неподконтрольных человеку, а также неопределенности в широком смысле слова – в статусе, в формах и способах коммуникации и т.д. (Bauman, 2005). Логика процесса здесь такова: стремление к индивидуализации означает утраты тех или иных форм социальности. Так, в цифровую эпоху социальное начало человека и его жизнедеятельности вытесняется технологиями. Между тем именно оно обеспечивает полноценное развитие человека как личности. При «выключении» человека из пространства аналоговой социальной коммуникации создается угроза дезинтеграции, разобщения (Toffler, 1997).

В свою очередь, это открывает возможности для государства в лице правящих социальных групп использовать широкий спектр инструментов для подчинения социальной жизни своим интересам. В цифровой сфере таким инструментами становятся, например, метаданные, являющиеся неотъемлемой частью цифровой реальности (Hui, 2016; Lovink & Hui, 2016). Действия индивида в цифровой среде (поисковые запросы, посещение конкретных интернет-ресурсов, скачивание файлов, комментарии к постам и т.д.) получают количественное обобщение и используются государством в интересах власти, правящей социальной группы (в цифровую эпоху – технологических олигархов (Noble, 2018)), в частности, этими данными государство руководствуется при реализации различных проектов в области социальной инженерии (Clough et al., 2015; Zhuravleva, 2018). То есть метаданные становятся эффективным каналом контроля за поведением индивидов, за любыми их действиями, получившим наименование «цифровая тень» (Hildebrandt, 2008).

В конечном итоге цифровая эпоха характеризуется появлением новой формы социального неравенства – общество разделено на технологически развитое меньшинство, верхушку которого составляют технологические олигархи,

и технологически ограниченное меньшинство (Ossewaarde, 2019). Социальные интересы этих групп людей также в значительной степени меняют сущность права с точки зрения его типологических характеристик.

3. Трансформация культурной идентичности и ее влияние на типологические характеристики права в цифровую эпоху.

Цифровая эпоха характеризуется не только изменением социальной структуры, но и трансформацией основных черт культуры, в совокупности образующих ее идентичность: системообразующих принципов, традиций и ценностей, лежащих в основе культуры, причин и оснований социальных конфликтов, специфики мировосприятия, иных параметров бытия человека, в частности, изменения параметров социального пространства и времени.

В современном обществе происходит деформация традиционной культуры (Bauman, 2005:65–70; Lazarevich, 2015:198; Laing, 2002:104) – она приобретает мозаичные формы (Moles, 2008:44–46), отвечающие по своей природе особенностям новых каналов социализации индивида, новым способам передачи ему ценностных убеждений и мировоззренческих моделей (Stepin, 2011:61–63). Мозаичная форма культуры способствует атомизации всей жизнедеятельности человека, что делает его культурную идентичность динамичной, неопределенной, порождая конфликты ее разных составляющих (религиозной, лингвистической, этнокультурной, исторической и т.д.) и кризис самой культурной идентичности. «Цифровые технологии в этой ситуации способствуют массовизации и радикализации подобных процессов» (Trufanova & Khan, 2022). То есть принадлежность индивида к определенной группе, объединенной общими ценностями, являющимися для нее системообразующим фактором, размывается (Semenenko, 2017:312). Такие же закономерности характеризуют кризис коллективной культурной идентичности (Astafyeva, 2010). Одно остается неизменным – проблема культурной идентичности сводится к делению мира на «своих» и «чужих», к отношению человека или групп людей к представителям других культур, к противоречиям, конфликтам, возникающим в процессе межкультурного взаимодействия.

Академик В.С. Степин понимает культуру как «систему информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт, который выступает по отношению к различным видам деятельности, поведения и общения (а значит, и всем порождаемым ими структурам и состояниям социальной жизни) как их надбиологические программы» (Stepin, 2001:342). То есть культурная идентичность определяется сочетанием природно-биологических (например, генетических) и социальных факторов (через восприятие языка, социальных норм, традиций, элементов религиозной сферы, привычек и т.д. (Trufanova, 2022:41–49)). В современных научных исследованиях (Han & Ma, 2014; Sfera & Osorio, 2014) высказывается идея о том, что как «надбиологические» элементы культурной идентичности могут быть предопределены биологически, так и социальные факторы могут спровоцировать изменения биологических характеристик человека. Так, в рамках одной из относительно «молодых» наук – нейроантропологии, – которая изучает культурные различия сквозь призму процессов, происходящих в мозге человека, предпринимались попытки выяснить, как приобретение определенных культурных навыков влияет на физиологические и иные характеристики человеческого мозга. Такие нейроантропологические исследования показали, что разница в социальных навыках

представителей различных культур предопределяет активность разных нейронных комплексов головного мозга при решении одной и той же задачи, особенно ярко эта закономерность проявляет себя при сопоставлении мозговых процессов у представителей западных культур, базовым принципом которых является индивидуализм, и восточных правовых культур, основанных на принципе коллективизма.

Описанные результаты нейроантропологических исследований позволили сформулировать довольно смелые выводы о том, что культурные особенности неразрывно связаны с генетикой, то есть в некотором смысле социальное в человеке синкретично с природно-биологическим. Параллельно в цифровую эпоху культурная идентичность человека формируется не только внутри определенной социокультурной среды, но и в цифровом пространстве, в котором одновременно происходят два процесса: а) традиционные (религиозные, этнокультурные и т.д.) ее аспекты видоизменяются, искажаются, б) появляются качественно новые ее плоскости (придуманные социальные роли, предопределяющие виртуальные идентичности, принадлежность к различным интернет-сообществам и т.д.).

Сегодня можно выделить ряд социокультурных факторов, связанных с развитием цифровой среды и предопределяющих специфику развития права как минимум на ближайшую и среднесрочную перспективы.

Первым фактором можно считать технологическую революцию в коммуникациях, ускорившую время и сжавшую пространство (Evstafyev, 2024:38–39). Сегодня изменился характер течения исторического времени – оно едино для всех обществ, – в отличие от предшествующих эпох, когда развитие общества, государства и права в различных регионах происходило в разных темпах, что обеспечивало гармоничность такого развития в национальных социокультурных рамках, но обостряло неравенство, неодинаковость процессов и результатов такого развития в масштабах Земного шара. Изменение характера течения исторического времени не может не отразиться на процессе развития государств, которые не относятся к наиболее развитым странам мира – скорее всего, процессы развития в них будут противоречивыми, деформированными как минимум по причине того, что эволюция правовых форм будет опережать темпы развития общественных отношений и общественного сознания там. Это, в свою очередь, не может не вызвать отторжения соответствующими обществами политических и правовых моделей, которые предлагаются наиболее развитыми государствами и концептуализируются в правовых документах. Очевидно, что это болевая точка, которая, по-видимому, усугубит кризис права в ближайшей перспективе.

Сжатие пространства в современном мире приводит к изменению значимости фактора расстояния в общественных отношениях – в современном мире реализуются крупнейшие логистические проекты – например, коридоры «Север–Юг», «Один пояс – один путь» – эти логистические проекты формируют качественно новые взаимозависимости между регионами, состоящими из типологически различных, подчас несовместимых культур, и при этом дают этим культурам колоссальные возможности для модернизации, к которой они подчас не готовы. В совокупности с противодействием государств, интересам которых угрожает формирование новых логистических проектов, а также с исторической закономерностью – логистика на протяжении всей истории человечества была фактором, стимулирующим дестабилизацию в общественных отношениях, обоснованно предположить, что право столкнется с качественно новыми межгосударственными и цивилизационными конфликтами, инструментов для решения которых на данный момент просто нет.

Примером практических следствий ускорения времени и сжатия пространства могут служить особенности жизни современных мигрантов – если в аналоговом обществе они довольно быстро могли утратить связь с родной культурой, то в цифровую эпоху они постоянно сохраняют эту связь, используя, например, мобильные телефоны. Это создает препятствия для «включения» мигранта в культуру страны пребывания, для усвоения им соответствующих ценностей, стандартов поведения. В таких условиях повлиять на культурную идентичность мигранта при реализации целей национальной миграционной политики невозможно. Они не могут полностью адаптироваться к особенностям принимающей культуры и со своей стороны сохраняют упоминавшуюся выше модель мировосприятия «свой–чужой».

Второй фактор, связанный с развитием цифровой среды и предопределяющий специфику развития права, – это так называемый мегаполисный космополитизм. Современный мир – это мир мегаполисов, предполагающий специфические формы общественного управления и соответствующие им модели правового регулирования. Отметим, что фактор системообразующего значения городов для общественных отношений не является чем-то новым. Однако на новом витке истории он становится более сложным в идеологическом и структурном плане – современные мегаполисы существуют, как было указано выше, в едином времени, в едином социально-экономическом и социально-политическом пространствах. Влияние цифровых коммуникаций на жизнь человека порождает для него массу возможностей получать в режиме реального времени информацию о своей собственной культуре, ее ценностях, наследии, на основе которых человек может воссоздавать культурные связи и воспроизводить культурные образцы, являющиеся продуктом его родной социокультурной общности. Культурная идентичность человека осознается им без прямого аналогового контакта с представителями соответствующей культурной традиции. Мультикультурализм крупных городов сталкивается с культурной реидентификацией их жителей. «Культурная идентичность современного человека оказывается проблематичной и неустойчивой: она находится на распутье между глобалистским космополитизмом и глокалистским пестованием локальных культур» (Trufanova & Khan, 2022:92).

Таким образом, относительная однородность социально-экономических и социально-политических характеристик мегаполисов в различных государствах создает «эффект ложного понимания социокультурной универсальности, отрицания фактора цивилизационных идентичностей» (Evstafyev, 2024:40). Следствием этого рискует стать ошибочность целеполагания в праве, неверная оценка точек конфликтности общественных отношений и потенциала к предотвращению и разрешению таких конфликтов и иных социальных проблем. То есть фактором развития права станет в ближайшей перспективе способность обществ и культур к критической переоценке идейных основ и целей правового регулирования, деформированных эффектом мегаполисного космополитизма.

Наконец, третий фактор, связанный с развитием цифровой среды и предопределяющий специфику развития права, демонстрирует, что развитие цифровой среды и включенность в нее индивидов обеспечивает более интенсивные контакты представителей разных культур, чем аналоговый мир, в котором межкультурное взаимодействие, как правило, локально – физические расстояния препятствуют межкультурным контактам большинства людей. Цифровая среда, как было обосновано выше, обнуляет значение расстояний и дает возможность любому человеку взаимодействовать с представителями других культур, подчас типологически

несовместимых с их собственной культурой, «здесь и сейчас». Это способно сделать более частыми и интенсивными межкультурные конфликты, спровоцировать ситуации «культурного шока» (Oberg, 1960), агрессию.

Заключение

Цифровая реальность представляет собой особую «среду обитания» человека, которая а) меняет направленность процесса эволюции человеческого мозга и сознания, объединяет естественные, биологические и социальные законы с техническими законами, сформированными элементами цифровой среды, создает новое, неразрывное сочетание этих факторов, формируя отличительную типологическую черту современного права; б) в сочетании с социальным опытом изменяет тип человеческого мышления и мировосприятия на фрагментарную, клиповую модель мышления, предполагающую не системное, а суженное, упрощенное понимание реальности; в) создает условия для трансформации ценностной основы человеческой культуры, «расщепления» индивидуальности человека и его культурной идентичности; г) виртуализирует значительную часть общественных отношений; д) порождает новую структуру общества и новые формы социального неравенства.

Эти направления эволюции социальной практики, общественных отношений, их ценностной основы, сознания и мировоззрения человека, будучи выраженными в праве, приобретают значение его типологических характеристик, в которых в новой уникальной форме проявляет себя феномен синкретизма. Так, типологической характеристикой права становится слитное, нераздельное выражение в нем комплекса природно-биологических и социальных закономерностей развития человека и общества, а также технических закономерностей, обусловленных интеграцией в человеческое сознание элементов цифровой среды, небιологическими ресурсами.

Право цифровой эпохи имеет дело с новым мышлением – клиповым, фрагментарным, не нацеленным на системное восприятие мира, основанным на суженном, упрощенном мировоззрении. Носители этого мышления – субъекты права – имеют качественно новые черты, существенно меняющие отношение права к человеку как к ценности. Так, субъект права, интегрированный в цифровую среду, обладает множественностью идентичностей, часть из которых не находят своего воплощения в реальных характеристиках лица. Цифровая личность имеет размытую, «расщепленную», неопределенную индивидуальность. Цифровая эпоха меняет само содержание культурной идентичности человека, которая теперь включает в себя комплекс природно-биологических (в частности, генетических), социальных (язык, традиции, ценности и т.д.) и виртуальных (вымышленные социальные роли, феномен фолловеров, черты и виртуальные статусы, обусловленные соблюдением правил, созданных интернет-сообществами и т.д.) характеристик. Это позволяет праву цифровой эпохи считать ценностью не конкретного человека, а приемлемую с точки зрения власти его идентичность, юридическая оценка которой сопряжена с появлением новой группы объектов правового регулирования – виртуальных интерпретаций человеком юридически значимых социальных смыслов.

Наконец, цифровая эпоха порождает новые формы социального деления, критериями которого становятся а) степень интеграции человека в виртуальное пространство; б) отношение человека к технологиям как к средствам производства,

а следствием которого становятся новые формы социального неравенства и отражение в праве новых групп социальных интересов, меняющих его сущность как типологическую характеристику этого социального явления.

References / Список литературы

- Astafyeva, O.N. (2010) Restructuring and Demarcation of Collective Identities in the Globalization Conditions: the Future of the National-cultural Identity. *Questions of social theory. Vol 4: Human in Search of Identity*. Moscow, Interdisciplinary Society for Social Theory Publ., pp. 255–281. (in Russian).
Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. Т. IV. Человек в поисках идентичности. М. : Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. 528 с.
- Bauman, Z. (2005) *Individualized Society*. Trans. Inozemtsev, V.L. Moscow, Logos Publ. (in Russian).
Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.
- Belli, L. (2017) Network Self-Determination and the Positive Externalities of Community Networks. Available at: <http://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/handle/10438/1992> [Accessed 09th September 2025].
- Blank, G. & Reisdorf, B.C. (2012) The participatory Web: A User Perspective on web 2.0. *Information, Communication and Society*. 15, 301–318.
- Boellstorff, T., Nardi, B., Pearce, C. & Taylor, T.L. (2012) *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, Princeton University Press.
- Bryzgalina, E. V. (2023) Digital Bioethics: Disciplinary Status between Tradition and Computation. *Questions of Philosophy*. (1), 94–103. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-94-103> EDN: OWEWDE.
Брызгалина Е.В. Цифровая биоэтика: дисциплинарный статус между традицией и вычислением // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 94–103. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-94-103> EDN: OWEWDE.
- Clark, A. (2004) *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford, Oxford University Press.
- Clark, A. (2008) *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford, Oxford University Press.
- Clough, P., Gregory, K., Haber, B. & Scannell J. (2015) The Datalogical Turn. In: Vannini, P. (ed.) *Nonrepresentational Methodologies: Re-Envisioning Research*. Oxford, Taylor & Francis Publ.
- Evstafyev, D.G. (2024) *Strategy of the “Big Game”. Russia and the USA in the New World*. Moscow, Antipin K.V. Publ. (in Russian).
Евстафьев Д.Г. Стратегия «большой игры». Россия и США в Новом Мире. М. : ИП Антипин Константин Валерьевич, 2024. 320 с.
- Gibson, J. (2002) Perception as a function of stimulation. *Psychology of sensations and perception*. In: Gippenreiter, Yu.B., Lyubimova, V.V. & Mikhalevskaya, M.B. (eds.) Moscow, CheRo, Moscow Psychological and Social Institute Publ. (in Russian).
Гибсон Дж. Восприятие как функция стимуляции // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимовой, М.Б. Михалевской. М. : ЧеРо; Московский психолого-социальный институт, 2002.
- Han, S. & Ma, Y. (2014) Cultural differences in human brain activity: A quantitative meta-analysis. *Neuroimage*. 99, 293–300. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2014.05.062>
- Hildebrandt, M. (2008) Defining Profiling: A New Type of Knowledge? In: Gutwirth, S. (ed.) *Profiling the European Citizen*. Dordrecht, Springer Publ.
- Horst, H.A. & Miller, D. (2012) The Digital and the Human. In *Heather A. Horst and Daniel Miller’s Digital Anthropology*. New York, Berg Publ., pp. 3–35.

- Hui, Y. (2016) *On the Existence of Digital Objects*. Minneapolis, University of Minnesota Press.
- Ivanenko, E.A. (2009) Ray.ru: beta version. In: Savchuk, V.V. & Stepanov, M.A. (eds.) *Media Philosophy II. Boundaries of the discipline*. St. Petersburg, Center for Media Philosophy Publ. (in Russian).
- Иваненко Е.А. Рай.ру: бета-версия // Медиафилософия II. Границы дисциплины / под ред. В.В. Савчука, М.А. Степанова. СПб. : Центр Медиафилософии, 2009.
- Jones, S. (1999) Studying the Net: Intricacies and Issues. *Doing Internet Research: Critical Issues and Methods for Examining the Net*. Thousand Oaks, SAGE Publications Inc.
- Katrechko, S.L. (2004) Internet and consciousness: Towards the concept of a virtual person. In: Rozin, V.M. (ed.) *The Impact of the Internet on Consciousness and the Structure of Knowledge*. Moscow, IF RAS Publ., pp. 57–73. (in Russian).
- Катречко С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека // Влияние интернета на сознание и структуру знания / Под ред. В.М. Розина. М. : ИФ РАН, 2004.
- Khabrieva, T.Y. (2021) Identification of Law in Modern Social Regulation. *Questions of Philosophy*. (12), 5–17. (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> EDN: USBBUG.
- Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> EDN: USBBUG.
- Khalin, V.G. & Chernova G.V. (2018) Digitalization and its impact on the Russian economy and society: Advantages, challenges, threats and risks. *Administrative Consulting*. (10 (118)), 46–63. (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> EDN: YNFXNZ.
- Халин В. Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> EDN: YNFXNZ.
- Kolyadko, I.N. (2022) Anthropological crisis of technogenic civilization: Parameters and ways to overcome it. *Questions of Philosophy*. (3), 76–80. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-76-80> EDN: NNICRD.
- Колядко И.Н. Антропологический кризис техногенной цивилизации: параметры и пути преодоления // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 76–80. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-76-80> EDN: NNICRD.
- Laing, R. (2002) *Self and Others*. Moscow, Class Publ. (in Russian).
- Лейнг Р. «Я» и другие. М. : Класс, 2002. 178 с.
- Latour, B. (2005) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory*. New York, Oxford University Press.
- Lazarevich, A.A. (2015) *Formation of the information society: communicative-epistemological and cultural-civilizational foundations*. Minsk, Belarusskaya Navuka Publ. (in Russian).
- Лазаревич А.А. Становление информационного общества: коммуникативно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания. Минск : Беларусская навука, 2015. 536 с.
- Lectorsky, V.A. (2018) Human in the electronic world: Opportunities and dangers. *Polylogos*. 2 (1). (in Russian). <https://doi.org/10.18254/S0000036-1-1>
- Лекторский В.А. Человек в электронном мире: возможности и опасности // Polylog/Polylogos. 2018. Т. 2. № 1. <https://doi.org/10.18254/S0000036-1-1>
- Leshkevich, T.G. (2022) The virtual person and transmitting cultural values to the digital generation. *Questions of Philosophy*. (3), 53–63. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-53-63> EDN: GXTQUM.
- Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53–63. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-53-63> EDN: GXTQUM.
- Lovink, G. & Hui, Y. (2016) Digital Objects and Metadata Schemes. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/78/82706/digital-objects-and-metadata-schemes/> [Accessed 08th September 2025].

- Markov, A.V. (2013) *Human evolution. Book 2. Monkeys, neurons, and soul*. Moscow, AST: Corpus Publ. (in Russian).
Марков А.В. Эволюция человека. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М. : АСТ : Corpus, 2013.
- McLuhan, M. (1962) *Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man*. Canada, University of Toronto Press.
- McLuhan, M. (1964) *Understanding Media. The Extensions of Man*. Canada, McGraw-Hill Publ.
- Misra, Sh. & Stokols, D. (2012) A Typology of people – environment relationships in the digital age. *Technology in Society*. 34 (4), 311–325. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2012.10.003>
- Moles, A. (2008) Sociodynamics of culture. Trans. Birukov, B.V. Moscow, LKI Publ. (in Russian).
Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр. ; предисл. Б.В. Бирюкова. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 416 с.
- Muromtsev, G.I. (2021) Law genesis: problems of methodology. *RUDN Journal of Law*. 25 (2), 359–375. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-359-375> EDN: ZEZMGI.
Муромцев Г.И. Правогенез: проблемы методологии // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2. С. 359–375. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-359-375 EDN: ZEZMGI.
- Noble, S. (2018) *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York, New York University Press.
- Oberg, K. (1960) Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Anthropology*. 7 (4), 177–182. <https://doi.org/10.1177/009182966000700405>
- Ossewaarde, M. (2019) Digital Transformation and the Renewal of Social Theory: Unpacking the New Fraudulent Myths and Misplaced Metaphors. *Technological Forecasting and Social Change*. 146, 24–30. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.05.007>
- Parshin, S.A. & Akhlibininsky, B.V. (1996) Human ecology in the information and post-information society. In: Uvarov, M. (ed.) *Russia: Past, present, future. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. St. Petersburg, BSTU Publishing House, pp. 102–1107. (in Russian).
Паришин С.А., Ахлибининский Б.В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее : материалы Всер. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. / отв. ред. М.С. Уваров. СПб. : Изд-во БГТУ, 1996.
- Petrova, E.V. (2022) Ecology of the digital environment as an attempt to respond to the civilizational challenges of the digital age. *Questions of Philosophy*. (11), 99–109. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109> EDN: RHCNE.
Петрова Е.В. Экология цифровой среды как попытка ответа на цивилизационные вызовы цифровой эпохи // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 99–109. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109 EDN: RHCNE.
- Pishchalnikova, V.A. (2018) New cognitive structures in the digital information environment. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. (13 (807)), 192–201. (in Russian). EDN: RPINSW.
Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 13 (807). С. 192–201. EDN: RPINSW.
- Semenenko, I.S. (2017) Cultural, sociocultural, civilizational identity. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Identity: Personality, Society, Politics*. Moscow, Ves' Mir Publ., pp. 312–318. (in Russian). EDN: SGRIDO.
Семененко И.С. Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М. : Весь Мир, 2017. С. 312–318. EDN: SGRIDO.
- Sfera, A. & Osorio, C. (2014) Thinking Pattern East and West. *SOJ Psychology*. 1 (4), 1–2. <https://doi.org/10.15226/2374-6874/1/4/00117>

- Stepin, V.S. (2001) Culture. In: Stepin, V.S. (ed.) *New Philosophical Encyclopedia*. Moscow, Mysl Publ., pp. 341–347. (in Russian).
Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. М. : Мысль, 2001. 635 с.
- Stepin, V.S. (2011) *Civilization and culture*. St. Petersburg, Humanitarian. St. Petersburg University of Trade Unions Publ. (in Russian). EDN: QOMXIL.
Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с. EDN: QOMXIL.
- Szecsí, G. & Koller I. (2017) Community and Morality in the Digital Age. *Coactivity: Philosophy, Communication*, 25 (1), 18–25. <https://doi.org/10.3846/cpc.2017.270>
- Toffler, A. (1997) *Future Shock*. St. Petersburg, Lan Publ. (in Russian).
Тоффлер А. Футурошок. СПб. : Лань, 1997. 461 с.
- Trufanova, E.O. & Khan, Sh.J. (2022) Transformations of cultural identity in the digital world. *Questions of Philosophy*. (12), 84–94. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-12-84-94> EDN: TTZFPE.
Труфанова Е.О., Хан Ш. Дж. Трансформации культурной идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 84–94. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-12-84-94> EDN: TTZFPE.
- Trufanova, E.O. (ed.) (2022) *Individual and Collective Memory in the Digital Age*. Moscow, Aquilon Publ. (in Russian).
 Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху : коллективная монография / отв. ред. Е.О. Труфанова. М. : Аквилон, 2022. 400 с.
- Van Dijck, J. (2013) *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. Oxford, Oxford University Press.
- Welsch, R., Castell, von C., Rettenberger, M., Turner, D., Hecht, H. & Fromberger, P. (2020) Sexual Attraction Modulates Interpersonal Distance and Approach-Avoidance Movements towards Virtual Agents in Males. *PLoS ONE*. 15 (9): e0239935. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231539>
- Winner, L. (1997) Cyberlibertarian myths and the prospects for community. *Acm Sigcas Computers and Society*. 27 (3), 14–19. <https://doi.org/10.1145/270858.270864>
- Zhuravleva E.Yu. (2018) Challenges of Big Data Technologies for Modern Social and Humanitarian Sciences. *Questions of Philosophy*. (9), 50–59. (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440001353-3> EDN: CUKVKR.
Журавлева Е.Ю. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 50–59. <https://doi.org/10.31857/S004287440001353-3> EDN: CUKVKR.

Сведения об авторе:

Зинковский Сергей Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры публичного права, Одинцовский филиал МГИМО МИД России; Российская Федерация, 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

ORCID: 0000-0001-6494-0542; SPIN-код: 8662-8904; Scopus ID: 57194431845

e-mail: zinkovskiy-sb@rudn.ru

About the author:

Sergey B. Zinkovskiy – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Law, Odintsovo branch, MGIMO University; 3 Novosportivnaya str., Moscow region, Odintsovo, 143007, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6494-0542; SPIN-code: 8662-8904; Scopus ID: 57194431845

e-mail : zinkovskiy-sb@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-962-980>

EDN: LMPFNL

Научная статья / Research Article

Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан

Ю.А. Гаврилова , Ю.А. Боков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

 gavrilova_ua@volsu.ru

Аннотация. Исследуется механизм формирования правовой культуры цифровых граждан. Данное понятие является новым, отражающим генезис и развитие, смысловое содержание и роль этого феномена в период цифровых социальных трансформаций. Цель исследования – анализ понятия механизма формирования правовой культуры цифровых граждан, его стадий и элементов. Применены методы: системный, логический, моделирование и обобщение, прогнозирование, формально-юридический, сравнительно-правовой, культурологический. Понятие правовой культуры цифровых граждан формулируется в результате синтеза трех научных понятий и явлений: правовой культуры, гражданства и цифровой культуры, поэтому характеризуется особенностями и признаками каждого из них. Для рассмотрения сложного динамизма и последовательного функционального взаимодействия традиционных элементов правовой культуры и новых элементов цифровой культуры граждан используется конструкция механизма формирования правовой культуры цифровых граждан. Выявлены стадии этого механизма: приобретения надлежащих цифровых компетенций; осознания, консолидации и развития цифровой идентичности; освоения, закрепления базовых цифровых ценностей и стандартов цифрового мышления; формирования социально активного и ответственного цифрового поведения. Предложены элементы механизма, раскрывающие и конкретизирующие цели каждой стадии: цифровые знания, умения и навыки; цифровая идентичность; ценности и стандарты цифрового мышления; мотивационные установки правомерного и социально активного цифрового поведения. Значение механизма формирования правовой культуры цифровых граждан для юридической науки и практики состоит в сохранении и совершенствовании гуманистического и аксиологического подходов к определению места и роли личности в правовой системе цифрового общества, выявлении культурной ценности цифровых начал в правовом статусе гражданина, оптимизации правового регулирования взаимоотношений цифровых граждан с цифровым обществом и органами публичной власти.

Ключевые слова: цифровая культура, цифровые компетенции, цифровая идентичность, цифровое мышление, цифровое поведение, публичная власть, цифровое общество

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Боков Ю.А. – общая концепция исследования, введение, заключение; Гаврилова Ю.А. – общая часть, разделы 1–6. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01342 «Правовая культура цифровых граждан».

Поступила в редакцию: 06 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 4. С. 962–980. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-962-980>

Mechanism of legal culture formation among digital citizens

Yulia A. Gavrilova^{ID}✉, Yuri A. Bokov^{ID}

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

✉ gavrilova_ua@volsu.ru

Abstract. This article studies the mechanism of formation of the legal culture of digital citizens, a concept that reflects the genesis, development, semantic content, and role of this phenomenon amid digital social transformations. The study aims to analyze the mechanism by which the legal culture of digital citizens forms, detailing its stages and components. The research employs methods including systemic, logical, modeling and generalization, forecasting, formal-legal, comparative-legal, and cultural analysis. The concept of legal culture of digital citizens emerges from synthesizing three scientific phenomena: legal culture, citizenship, and digital culture, each contributing distinctive features and attributes. To understand the complex dynamics and consistent functional interaction between traditional elements of legal culture and new elements of citizens' digital culture, a mechanism design is proposed. This mechanism includes the following stages: acquiring digital competencies; awareness, consolidation and development of digital identity; mastering and reinforcing core digital values and standards of digital thinking; and forming socially active and responsible digital behavior. The mechanism's components specify the objectives for each stage: digital knowledge, skills, and abilities; digital identity; values and standards of digital thinking; and motivational attitudes fostering lawful and socially active digital behavior. The significance of this mechanism for legal science and practice lies in preserving and advancing humanistic and axiological approaches to defining the individual's role within the digital society's legal system, recognizing the cultural value of digital principles in a citizen's legal status, and optimizing legal regulation of relations among digital citizens, digital society, and public authorities.

Key words: digital culture, digital citizens, digital competencies, digital identity, digital thinking, digital behavior, public authority, digital society

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Bokov Yu.A.* – conceptualization of the research, introduction, summary, conclusion; *Gavrilova J.A.* – introduction, general part, Sections 1–6. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 24-28-01342), titled “Legal Culture of Digital Citizens.”

Received: 06th February 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Gavrilova, Y.A., Bokov, Y.A. (2025) Mechanism of legal culture formation among digital citizens. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 962–980. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-962-980>

Введение

В научных исследованиях тема цифрового гражданства приобретает все более масштабный предметно-содержательный интерес и практическую ценность в связи с развитием социокультурной цифровой парадигмы. Перед человечеством стоит сложный выбор: не принимать или отказываться от цифровых технологий, а, признавая их значительное влияние и роль в современном мире, определить формат взаимодействия с цифровой реальностью в долгосрочной перспективе. С учетом актуального тезиса нашего времени, что «цифра давно среди нас и является неотъемлемой частью нашей жизни», полагаем, что настало время фундаментальных правовых решений по вопросам цифровой среды. В соответствии с требованиями своевременности решения задач и эффективности достижения целей общественного развития проблема цифрового гражданства должна получить свой определенный статус в юридической науке.

Отметим, что цифровое гражданство является общемировым вектором развития, так как информационно-коммуникационные технологии и обслуживающая их организационно-технологическая, юридическая и финансовая инфраструктура не просто объединили, а тесно связали множество представителей разных этнокультурных, социальных, региональных сообществ и цивилизаций народов на планете. Цифровые технологии проникают во все сферы общественной жизни, поэтому идентифицируется рост теоретических исследований в каждой такой области их использования: реализация демократических процедур и выборов, создание цифровой экономики, популяризация телемедицины и цифрового образования, развитие цифровой культуры и искусства. При этом активными темпами происходит внедрение технологий «цифрового государства» и «электронного правительства», расширение практики электронного судопроизводства, автоматизация быта и досуга и др.

Параллельно с этими общемировыми тенденциями возрастает запрос на суверенную государственную политику в информационной сфере, поскольку развитие цифровых технологий продуцирует новые «превращенные» формы хорошо известных проблем человечества. Если раньше источниками власти и отчуждения рассматривались сложные социальные структуры, идеология, деньги (капитал), военная сила, ритуальное и легитимное воспроизводство существующего политического порядка, то сегодня, в чьих руках технологии, те лица и властвуют над людьми. Ни одно разумное и сильное государство не допустит отчуждения контроля за ресурсами и принесение национальных интересов в жертву глобальным владельцам цифровых технологий. Оно вынуждено создавать собственные цифровые базы данных и национальную систему цифрового гражданства.

Мы рассматриваем цифровое гражданство как культурное явление, поэтому обращаем внимание на правовую культуру цифровых граждан. В первую очередь, она выступает как часть общей и правовой культуры личности, отражающая их существенные черты, закономерности формирования и развития. Вместе с тем она характеризуется качественным своеобразием, вытекающим из особенностей и свойств цифровой онтологии, что требует более подробного рассмотрения следующих

вопросов: как использование онлайн-технологий влияет на восприятие гражданином цифровой реальности, на изменение модели его политико-правового участия в жизни общества, на эффективность взаимодействия с институтами публичной власти; что происходит с правовой культурой в ходе цифровой трансформации социально-экономического пространства: развивается она или сохраняет прежний уровень, может ли она деформироваться; как зависит поведение цифрового гражданина от решения проблем цифровой конфиденциальности и цифровой идентификации; необходимо ли конституционное закрепление и регламентация т.н. цифровых прав, свобод и обязанностей граждан; в чем состоит общий вектор развития цифровых технологий и перспективы эволюции правового статуса гражданина в контексте этих технологий и т.д.

Изучение правовой культуры цифровых граждан предполагает обращение к источникам ее формирования, частично совпадающим с факторами формирования правовой культуры личности, но имеющим важные отличия. Для этих целей следует использовать понятие механизма формирования правовой культуры цифровых граждан. Он необходим для того, чтобы обобщенно и концептуально изложить весь процесс «кристаллизации» цифровых начал в правовом статусе гражданина, обосновать взаимное влияние сохраняющихся жизнеспособных элементов традиционной правовой культуры и прогрессивных элементов новой цифровой культуры, раскрыть объем и содержание используемых философских, социально-гуманитарных и юридических средств.

Понятие правовой культуры цифровых граждан

Правовая культура цифровых граждан как особый объект исследования находится в зоне взаимодействия трех научных понятий, из которых два широко известны юридической науке – это правовая культура и гражданство, являющиеся правовыми категориями, а третье (цифровая культура) стало исследоваться сравнительно недавно, прежде всего, в рамках философии, социологии и других общественных наук. Результатом взаимного соотнесения и проникновения содержательных признаков этих понятий является образование общей логико-смысловой конструкции правовой культуры цифровых граждан.

Рассмотрение правовой культуры имеет давние традиции в отечественной юриспруденции. Например, Е.В. Аграновская включает в состав правовой культуры личности сложный комплекс явлений правовой жизни, преломляющийся под углом практики реализации прав, свобод и обязанностей в правовом поведении личности. Именно через субъективно-психологическое отношение к правам и свободам выявляется общее отношение личности к праву как ценности культуры и предъявленным в нем требованиям: нормам права, правосознанию, правоотношениям и т.д. (Agranovskaya, 1988:15–18).

В.П. Сальников применяет многосторонний подход к правовой культуре и в наиболее общем виде концептуализирует ее как совокупность всех прогрессивных правовых ценностей, созданных людьми и обществом в процессе исторической практической и духовной деятельности (Salnikov, 1989:5–12).

По мнению А.П. Семитко, правовая культура – это качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовых текстов (предметная подсистема), уровне развития правовой деятельности (деятельностная подсистема), уровне развития правосознания (субъективированная

подсистема) и в целом уровне развития правового субъекта (субъектная подсистема). Сложными элементами правовой культуры являются результаты комбинации, сочетания этих подсистем: правовой психологический климат социальных групп, правовое поведение и т.п. (Semitko, 1990:33).

Традиции комплексного и гуманистического анализа российской правовой культуры развиваются в настоящее время. Так Е.А. Певцова считает, что правовая культура должна изучаться через призму уровня правовой осведомленности граждан, их оценочного отношения к законодательству и праву, поведенческих алгоритмов в правовой сфере. Соответственно выделяются логико-нормативный, эмоционально-образный и мотивационный блоки правовой культуры (Pevtsova, 2024:198).

Что касается цифровой культуры, то в силу обширности и новизны этого понятия отсутствует единство даже первоначальных подходов к его осмыслению. В зарубежных исследованиях намечаются два принципиальных направления: гуманистическое и технологическое. В первом, гуманистическом, утверждается, что границы для цифровой культуры очерчиваются социальными структурами и отношениями посредством доступа людей к цифровым технологиям (Solberg, 2024:401). Во втором, технологическом, подчеркивается определяющее влияние цифровых технологий, формирующих нашу цифровую жизнь и цифровое будущее, регулирующих цифровые способы жизнедеятельности и познание человеком цифровой культуры как жизни в цифрах и кодах (Giannini & Bowen, 2019:4).

В отечественной литературе придерживаются гуманистической трактовки. Например, Г.М. Шаповалова считает, что цифровая культура – это обусловленная развитием Интернета и других сетевых структур форма выражения общечеловеческой культуры, реализующая традиционные информационно-познавательные, творческие и научные функции культуры по гуманизации жизни и деятельности человека с помощью новых цифровых форм и способов (Shapovalova, 2020:67).

Е.В. Грязнова предлагает субстратный подход к цифровой культуре, компонентами которой (субстратами) являются цивилизационный, социальный и антропологический. Цивилизационный субстрат показывает уровень технологического развития цивилизации (цифровую личность, цифровые способности, цифровые институты и пр.). Социальный характеризует цифровизацию как новую теорию социальной организации, основанную на всеобщей автоматизации человеческой деятельности. Антропологический субстрат описывает трансформацию родовых качеств человека, подвергнутых широкому цифровому воздействию: язык, мировоззрение, сознание, поведение и т.д. (Gryaznova, 2021:73).

Наиболее плодотворными являются позиции тех исследователей, которые представляют цифровую культуру как один из аспектов цифровой трансформации общества (культурный аспект), когда в тесном взаимодействии социально-сетевых коммуникаций людей и новых моделей цифровой экономики общества происходит объединение больших массивов данных, кадровых, организационно-производственных ресурсов и достигается масштабный синергетический эффект развития государства (Panshin, 2021:28; Burkardt et al., 2023:117–123).

Гражданство – это устойчивая и гарантированная политико-правовая связь лица и государства, находящая выражение в их взаимных правах, обязанностях и ответственности по отношению друг к другу. Конституционное законодательство регламентирует, а доктрина детально исследует историю возникновения института гражданства, его содержание, основания приобретения, изменения и прекращения,

механизмы реализации всего комплекса основных прав и обязанностей граждан, а также конституционные гарантии их реализации и ответственность за нарушение прав и свобод.

Однако способы соотнесения традиционных элементов правовой культуры граждан и новых элементов цифровой культуры остаются не проясненными в полной мере в настоящее время. Как отмечает М.Е. Черемисинова, уровень правовой культуры «населения» виртуального пространства (цифровых граждан. – *Авт.*) непосредственно влияет на целостное правовое состояние интернет-среды, ориентирует эту среду на ценности человеческой культуры. В это же время новая среда виртуальных отношений способна оказывать существенное обратное воздействие на юридическую практику и результаты деятельности субъектов права, создавать новые эталоны и образцы культурности и цивилизованности в правовой сфере (Cheremisinova, 2024:490).

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что базовым понятием должна выступать правовая культура, но ее содержательные компоненты (знания, умения, навыки, отношение к праву и солидарность с правом в юридически значимом поведении граждан) неизбежно соприкасаются с цифровой культурой. Итогом взаимодействия становится состояние, при котором цифровые знания, умения и навыки (цифровые компетенции) как бы «наслаиваются», «надстраиваются» над традиционными элементами, а иногда (и это, вероятно, тоже неизбежно в условиях цифровой среды) образуют с ними сложные культурные конгломераты.

С учетом же разных методологических подходов к формированию правовой культуры: как только позитивных аспектов и сторон правовой действительности, так и совокупности позитивных и негативных элементов, будем придерживаться второй точки зрения. Реальная характеристика правовой культуры цифровых граждан многосторонняя и в идеале должна иметь позитивную гуманистическую направленность соответствующего уровня (высокого, среднего, базового, продвинутого и т.д.).

В противном случае мы имеем дело с низкой либо деформированной цифровой правовой культурой или юридическим цифровым «бескультурьем», цифровой юридической аномией и т.п. Именно в этих кризисных ситуациях отчетливо проявляется наиболее общая модель правовой культуры цифровых граждан: это часть правовой культуры личности, выражающаяся в уровне сознательного понимания и усвоения передовых (гуманистических) цифровых знаний, умений и навыков и готовности руководствоваться ими, применять их в повседневной практической деятельности цифрового общества.

Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан, его стадии и элементы

Для общей характеристики функционирования права в социальной системе, развертывания его динамической сущности в юридическую науку была введена категория «механизм правового регулирования». Она охватывает комплекс правовых средств, воздействующих на систему социальных связей, и раскрывающих порядок их взаимодействия, темпы и внутреннюю направленность развития права, его функциональный жизненный цикл (Alekseev, 1966:172–178).

Как сложная развивающаяся система механизм правового регулирования включает в себя ряд стадий, последовательно раскрывающих процесс юридического воздействия на общественные отношения под углом целей, назначения и роли

участвующих в нем субъектов. Это правотворчество, возникновение и реализация прав и обязанностей субъектов. К числу параметров механизма правового регулирования принято относить также элементы, т.е. части и компоненты этого механизма, выражающие существо каждой стадии и наиболее репрезентативно иллюстрирующие смысл и задачи правовой деятельности на данных стадиях. Речь идет о нормативных актах, правоотношениях и индивидуальных юридических актах.

Если выделить роль правосознания и правовой культуры, то они выступают связующими началами и «подключаются» к работе всех стадий и звеньев механизма правового регулирования. От уровня правовой культуры зависит в числе других предпосылок состояние законности и правопорядка в государстве.

Одним из локальных проявлений механизма правового регулирования можно считать механизм формирования правовой культуры цифровых граждан. Его назначение в том, чтобы показать становление и функционирование правовой культуры цифровых граждан, социальное и юридическое содержание, взаимосвязь ее сущностных и структурных характеристик. Изучение этого феномена в правовой литературе только начинается. Выделяются философский, юридический, политологический, культурологический, исторический подходы (Larova, 2023:117–118).

Стадиями такого механизма могут выступать влияние семейных, образовательных и иных институциональных форм правовой социализации личности; деятельность субъектов; воспроизводство элементов цивилизационной матрицы страны; образование историко-хронологических культурных структур в сопоставительном плане и т.д. Элементами механизма служит их инструментальное и символическое выражение (усвоение, объективация, средства и методы творческой деятельности, ценности, социальные отношения, регуляторы и т.п.).

Нами были предложены элементы юридической конструкции цифрового гражданства: 1) цифровое образование; 2) цифровая компетенция (грамотность); 3) цифровая идентичность; 4) цифровое мышление; 5) цифровое поведение (Gavrilova & Vokov, 2024:551). Исходя из развиваемой нами научной идеи, выскажем мнение, что механизм формирования правовой культуры цифровых граждан может включать в себя соответствующие стадии и элементы:

1) стадия приобретения надлежащих цифровых компетенций, элементами которой служат цифровые знания, умения и навыки, которые характеризуют в понятийном ряду правовой культуры состояние цифровой грамотности гражданина;

2) стадия осознания, консолидации и развития цифровой идентичности, где элементом является цифровая идентичность гражданина как совокупность его обобщенных и отличительных характеристик в сети;

3) стадия освоения, закрепления базовых цифровых ценностей и стандартов цифрового мышления, где в качестве элементов могут выражаться идеи, представления, понятия и категории, ценностные ориентации в цифровой среде как результат сложного взаимовлияния традиционных элементов правовой культуры и новых элементов цифровой культуры;

4) стадия формирования социально активного и ответственного цифрового поведения, где обеспечивающими элементами являются взгляды, убеждения, вкусы, нравы, привычки, устойчивые мотивы и глубоко интериоризованные установки деятельности цифрового гражданина. К рассмотрению этих важнейших функциональных аспектов правовой культуры цифровых граждан мы и перейдем.

Стадия приобретения надлежащих цифровых компетенций

Выделение из большого массива современных данных осмысленной и ценностной (значимой) для человека информации, трансформация этой информации в подлинное знание, наращивание умений и навыков его контекстуального и эффективного использования в жизни личности и общества – это неотъемлемая часть так называемого цифрового образования, включенного в общий процесс комплексной социализации человека. Интеллектуальным продуктом этого процесса выступает набор приобретенных цифровых знаний, умений и навыков работы с программами и технологиями, данными и платформами, обозначенных понятием цифровых компетенций. Качественным показателем такой образовательной деятельности является состояние цифровой грамотности обучающихся и воспитанников.

Особенность цифрового образования в его непрерывном характере и неотделимости от общих моделей накопления социального опыта, что осуществляется в семье и иных социальных группах по месту жительства и работы цифрового гражданина, на производстве и быту, в ходе получения общего и профессионального образования, а также проведения специальной научной подготовки. Все эти обстоятельства порождают вызов перед традиционным институтом образования: чему учить, как учить и в каком объеме.

Содержание цифрового образования («чему учить») предполагает не только освещение цифровых технологий и внешних форм их выражения (ноутбуки, смартфоны, антивирусные программы и т.д.), но и выработку осознанного представления о существенных изменениях, происходящих в культуре и обществе цифровой эпохи (Sokolova, 2012:9). Отрадно, что часть зарубежных ученых рассуждает в том же ключе. Цифровое образование стимулирует более широкую и опережающую рефлексию, умение самостоятельно анализировать и оценивать настоящие и будущие социально-технологические процессы в культуре, не полагаясь исключительно на цифровой комфорт и привлекательность новых форм сетевого демократического участия (Roberge, 2016:49–52).

Методы цифрового образования («как учить») основываются на разнообразии подходов. Однако верно отмечено, что вместе с плюрализмом в цифровом образовании приходят трудности и риски, связанные главным образом с культурными паттернами общества массового потребления. Снижаются базовые когнитивные навыки рассуждения и счета, уменьшается интенсивность живых контактов педагогов и обучаемых в пользу виртуальной коммуникации, утрачивается фундаментальность и энциклопедизм образования, повышается приоритет поиска и выделения информации из «поточного» Интернета взамен понимания и обладания реальным знанием (Bobryshov, 2020:32–36). Поддерживая этот взгляд, отметим недостаточность разработки психолого-педагогических средств поддержки цифрового образования в каждом вузе. Необходима и целесообразна серьезная коррекция государственной политики по вопросам цифровизации образования.

Наконец, объем цифрового образования – это вопрос так называемого минимума/максимума, достаточности/недостаточности цифровых компетенций в современном обществе. Думается, в общем и целом следует разработать хотя бы два ключевых уровня цифровых компетенций. Базовый (общегражданский) уровень должен охватывать знание, понимание и умелое пользование основными современными программами и базами данных, перечень которых можно было бы утвердить в нормативном порядке. Это программы как зарубежных производителей (Microsoft Word,

Microsoft Excel, Microsoft Power Point и т.д.), так и отечественных разработчиков на базе перечня реестра отечественного программного обеспечения. Профессиональный уровень включил бы утвержденные профессиональными стандартами специализированные прикладные знания, умения и навыки, необходимые человеку для выполнения социально-трудовых, профессиональных, служебных и иных обязанностей.

В соответствии с п. 3.3 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», утвержденного приказом Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 (в ред. от 27.02.2023), информационные технологии включены в состав общепрофессиональных компетенций выпускника (далее – ОПК). К ним отнесены ОПК-8 «Способен целенаправленно и эффективно получать юридически значимую информацию из различных источников, включая правовые базы данных, решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий и с учетом требований информационной безопасности» и ОПК-9 «Способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности».

В п. 3.3 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», утвержденного приказом Минобрнауки России от 18.08.2020 № 1058 (в ред. от 27.02.2023), содержится аналогичная норма с той разницей, что ОПК-8, переименованная в ОПК-9, закреплена в общей группе «Теоретические и практические основы профессиональной деятельности», а ОПК-9, переименованная в ОПК-10, сохранена как специальная группа «Информационно-коммуникационные технологии для профессиональной деятельности». Нормативные акты издавались в один период времени.

Принимая во внимание возрастание роли цифровых компетенций, трансформирующих традиционную образовательную деятельность, необходимо внести соответствующие изменения в вышеназванные государственные образовательные стандарты. Базовый (общегражданский) уровень цифровых компетенций необходимо перенести в категорию универсальных компетенций (далее – УК). В частности, предусмотреть графу УК-12 с рабочим названием «Цифровая грамотность» и содержанием «Способен эффективно и целенаправленно приобретать базовые цифровые знания, умения и навыки, использовать цифровые технологии в широком спектре видов деятельности».

При этом действующий перечень ОПК выпускника переименовать в перечень профессиональных компетенции (далее – ПК), закрепив в нем профессиональный уровень цифровых компетенций: работа с правовыми базами данных, приемы юридической деятельности, внедряемые цифровые инновации и т.д. Тогда ПК, определяемые в настоящее время вузом самостоятельно, могли бы служить показателями состояния цифровой грамотности личности, как на основном, так и профессиональном уровнях, т.е. индикаторами правовой культуры цифрового гражданина.

Стадия осознания, консолидации и развития цифровой идентичности

В процессе накопления, классификации и обобщения цифровых знаний, умений и навыков, совершенствования опыта пребывания в виртуальной реальности складывается цифровая идентичность гражданина. Здесь главной проблемой социально-

психологического и культурного плана является сохранение родового сущностного единства человека, объективированного в так называемом цифровом профиле личности, и учет тех изменчивых социально-технологических ролей, которые человек может играть на бескрайних просторах мировой глобальной сети: администратор, пользователь, «аватары», заставки, фото- и видеоизображения и пр.

Иметь собственную цифровую идентичность означает установить и закрепить общность интересов с одними социальными сообществами и определить различия с другими культурными носителями. Но цифровые технологии оказывают существенное воздействие на восприятие гражданином подлинной «аналоговой» реальности, предлагая свою цифровую реальность, создавая адекватную или искаженную картину действительности.

В сложном потоке сетевых чувств, переживаний, настроений и взглядов цифровой гражданин ищет устойчивые основания бытия в виде цифровой «самости», цифрового «Я». В этой связи несформированность, неполная выраженность, узость цифровых компетенций характеризуют низкий уровень цифровой культуры и могут приводить к понижению самооценки, общественного рейтинга лица, кризису самоидентификации, разрушению цифровой идентичности. Поэтому так важно, чтобы цифровая идентичность формировалась при обязательном осуществлении в течение всей жизни цифрового образования, так как дисфункциональность цифровой грамотности ведет к подмене личностных и смысловых установок, образованию управляемой идентичности цифрового гражданина.

Повышение цифровой грамотности положительно сказывается на развитии гражданской активности, особенно молодежи, расширяет как их общие социальные возможности, так и субъективные юридические права в цифровом обществе. Это заметно, прежде всего, в широком распространении так называемого «онлайн-активизма», т.е. массового участия цифровых граждан в различных сетевых общественных дискуссиях, клубах и форумах, и общественных форм самоорганизации граждан по вопросам актуальной общественной повестки: например, краудфандинг или волонтерство (Duche-Pérez et al., 2024:554–556). Быстрый и простой доступ к технологическим ресурсам цифровой среды обеспечивает подлинное равноправие и эффективное осуществление конституционных прав и свобод, расширяет цифровую идентичность, развивает общегражданскую и политическую культуру.

Зарубежные авторы подчеркивают, что молодежь зачастую стремится оптимально сочетать развитие индивидуальной идентичности и принятие новых стандартов потребительского поведения, что принимается за основу транснациональными корпорациями при проведении маркетинговых компаний по увеличению клиентской базы и формировании престижности торговых марок продукции и услуг (Xu, 2022:307).

Все сказанное относится к существованию позитивной или истинной цифровой идентичности, где человек самовыражается и раскрывает свой культурный потенциал благодаря многопрофильной виртуальной деятельности в качестве и пользователя, и генератора цифрового контента. Однако цифровая конфиденциальность и цифровая идентификация способны формировать негативную или ложную цифровую идентичность. Во взаимодействии с позитивной (истинной) цифровой идентичностью она консолидируется в новый феномен мультиидентичности, носитель которой – развивающаяся «сетевая личность».

Если в основе научных и технологических знаний лежит аксиологический и гуманистический подход, то мультиидентичность идет на пользу не только цифровому гражданину, но и его ближайшему и отдаленному сетевому окружению, оформляя пространство созидательной цифровой коммуникации. В условиях же тотального давления власти на личность и общества на индивида личность (индивид) стремится уйти в сеть и заниматься любимыми видами деятельности, изменив цифровую идентификацию (вымышленный аккаунт) либо искажая половозрастные, профессиональные, демографические и иные социальные признаки личности. В этом случае для цифрового гражданина – это способ самореализации, но он может вводить в заблуждение других участников цифрового пространства на основе ложной цифровой идентичности. Они не знают, с кем общаются, и какие субъективные права и юридические обязанности в связи с этим возникают у обеих сторон виртуальных правоотношений?

Отмечено, что конструировать цифровую идентичность легко и просто, поскольку к этому обязывают нормы социального признания и статусно-ролевые отношения. Между тем вести себя активно в сети и жизни – не одно и то же. Понимание смысла действий в сети, способность принятия мгновенных и гибких решений на основе анализа сложных данных требуют ответственного отношения к индивидуальной цифровой идентичности, соблюдения этических норм в использовании информационно-коммуникационных технологий (Devyatova & Kazaryan, 2021:97–98).

Еще более остро проблематизируется тема цифровой идентичности в исследованиях, рассматривающих человека как часть будущего человеко-машинного сетевого нейронета, что констатируется как естественный и закономерный процесс развития цифровизации и становления цифровой культуры, которого не надо бояться (Краунов, 2022:51). Все же трудно представить себе неопределенную ситуацию, связанную с управлением человеческим поведением при помощи неконтролируемого людьми общего искусственного интеллекта. Что тогда будет с человеческой цифровой идентичностью и останется ли она? Разве поможет тогда уточнение нормативно-правового и этического регулирования деятельности цифровых граждан и нечеловеческих агентов? Разумеется, нет, так как делать это будет уже поздно.

Исходя из сказанного, цифровая идентичность выступает особой формой оценочного, культурно «маркированного» отношения к разнообразным явлениям цифровизации. Важно, чтобы мультиидентичность, основанная на динамике социальных ролей цифрового гражданина, способствовала консолидации и развитию позитивной цифровой идентичности личности. Необходимым условием для этого является повышение уровня цифровой культуры и всестороннее развитие цифровой грамотности. Глубокое внутренне осознанное оценочное отношение к цифровой среде, внешне выраженное посредством цифрового профиля лица, означает максимальную концентрацию физических, духовных и материальных ресурсов на творческом саморазвитии цифрового гражданина и характеризует вклад личности в совершенствование общественных отношений.

Стадия освоения, закрепления базовых цифровых ценностей и стандартов цифрового мышления

Отношение цифрового гражданина к виртуальной реальности в целом и ее отдельным составляющим (технологиям, видам информационных систем, оборудованию и периферийным устройствам и пр.), опосредованное практикой правового и

социального регулирования, постепенно складывается в концептуальную и систематизированную последовательность представлений, намерений, идейных убеждений, понятий и категорий, ценностно-нормативных ориентаций. Они выступают элементами стадии выработки базовых ценностных стандартов и ориентиров цифрового мышления, играющей важную стабилизирующую роль в механизме формирования правовой культуры цифровых граждан.

Цифровое мышление возникает на основе так называемого «аналогового» мышления человека, неизбежно отражая его особенности и характерные черты: рациональность, иерархичность, абстрактность, целостность и символичность. И первоначально казалось, что новое цифровое мышление лишь оперирует «картинками» и отсылает к визуальным «следам» и контексту культурных трансформаций. Однако постепенно пришло осознание, что цифровое мышление – это путь к пониманию цифровой культуры и нас самих в этой новой культуре. Цифровой образ реального мира влияет на его более глубокое осмысление, а соответствующие изменения в реальном мире влекут большие перемены и в цифровых технологиях (Stensaas, 1994: 229–231).

Например, в сфере интеллектуальной собственности расширение правового регулирования рассматривается как предпочтительное по отношению к чисто технологическим способам защиты конфиденциальности информации, поскольку позволяет гармонизировать частные коммерческие интересы владельцев цифровых авторских прав с публичными интересами общества и государства (Galdia, 2023:2242).

Сегодня изменения программно-технологической инфраструктуры и вызванные ими культурные сдвиги в цифровом обществе происходят намного быстрее и раньше, чем человек накапливает прочные знания о них и осмысливает подобные трансформации. Это находит отражение в законодательстве и практике его применения. В частности, нуждается в законодательном совершенствовании учет перманентно модифицируемых способов совершения преступлений с помощью информационно-коммуникационных технологий и усиление регулятивной функции уголовного закона по защите информационной безопасности субъектов публичного и частного права от этих преступных посягательств (Skripchenko, 2024:200).

Следовательно, цифровое мышление предъявляет гражданину новые требования по вовлечению в общественную жизнь при помощи цифрового инструментария. Человек должен всесторонне и творчески анализировать информацию и принимать решения таким же оптимальным и быстрым способом в рамках законов цифрового мира. Но для этого необходимо непрерывное в течение всей жизни повышение образовательного уровня, гибкость и открытость к инновационным продуктам.

Гражданин становится цифровым гражданином, если основывает свое мировоззрение на сформированных цифровых компетенциях и сложившейся цифровой идентичности. Ключевыми особенностями цифрового мышления являются, с одной стороны, сохраняющееся и актуализированное критическое восприятие реальности (Koshman & Alsufieva, 2022:63), с другой стороны, прогнозирование, т.е. выбор подходящих средств достижения целей цифровой эволюции, предвидение возможных последствий, объяснение необходимости возникновения новых цифровых ценностей.

Достижение этого целевого состояния возможно, на наш взгляд, на базе новой цифровой аксиологии права. Это главный и дискуссионный вопрос развития цифрового права, цифрового общества и всей цифровой культуры. Думается, что речь идет о трех больших группах правовых ценностей цифровой среды.

1. Традиционные духовно-нравственные ценности. Они предусмотрены Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Их включение в стандартный «набор» цифрового мышления продиктовано особенностями исторического развития, национальной культуры, менталитета, психологии, быта и традиций российского народа. Однако фундаментальность этих ценностей не означает, что они совершенно не изменяются в цифровую эпоху. Напротив, адекватная модернизация традиционных ценностей столь же необходима, как и существование будущей общероссийской цифровой гражданской идентичности, обеспечивающей и сберегающей идентичность каждого цифрового гражданина. Традиционные духовно-нравственные ценности частично сохраняются, а частично трансформируются в более операциональные социально-групповые регуляторы, а также личностные ценности и потребности.

2. Традиционные («аналоговые») правовые ценности: равенство всех перед законом, справедливость, гуманизм, единство прав и обязанностей, свобода, демократия, верховенство права, законность и т.д.

Эти ценности издавна имеют моральную основу и определяют гуманистические цели и функции права. Цифровая среда воздействует на целевые и содержательные параметры правовой системы, но, хочется надеяться, не изменит первоначальной сущности моральных общечеловеческих ценностей. Из этого следует, что историческая сложившаяся и функционирующая мораль устанавливает нравственные границы цифровой культуры, а само существование человека как источника и носителя универсальной системы моральных норм и принципов приведет лишь к возрастанию роли права в цифровом обществе, в том числе к оптимизации правовой культуры цифровых граждан.

3) Социально-технические ценности: технологическая эффективность, скорость, удобство, прозрачность, подотчетность, предсказуемость, программный код, надежность, гибкость и ряд др.

Данные ценности могут выступать непосредственными стандартами цифрового мышления, но общей задачей личности, общества и государства должно стать использование научно-технических достижений в гуманных интересах, развитие человеческого потенциала, укрепление национального и гражданского единства страны, обеспечение мирного сотрудничества и международной безопасности цифровой эпохи.

В этой связи социально-технические ценности не самодостаточны и не автономны, а имеют служебно-процессуальное назначение выступать гарантией реализации как традиционных духовно-нравственных, так и правовых ценностей. Поэтому цифровое мышление основывается на убежденности в социальной необходимости, полезности и, главное, справедливости изобретенных цифровых технологий.

Стадия формирования социально активного и ответственного цифрового поведения

Формирование правовой культуры цифровых граждан происходит в единстве и тесном переплетении цифровых компетенций, цифрового мышления и завершается на этапе практического воплощения цифровой идентичности личности. Здесь мы должны выделить значимость ответственного и заботливого отношения к правам и

законным интересам других цифровых граждан и цифрового общества, проявления новаторства, инициативы и чувства долга перед третьими лицами, обществом и государством, приобретения дополнительной мотивации в цифровых способах реализации субъективных прав и исполнения юридических обязанностей в согласовании с публичными интересами.

Осуществление этой стадии сопровождается цифровым поведением индивидов, которое в отличие от их цифровой идентичности, является внешне выраженным (объективированным) в сети высказыванием и (или) поступком, характеризующим внешне проявленное отношение к цифровой реальности, действующим в ней правилам и нормам, практике их реализации (положительное или отрицательное). Элементами, раскрывающими задачи этой стадии, можно обозначить устойчивые взгляды и убеждения цифрового гражданина, привычные мотивы и стереотипные установки его правомерного и социально активного поведения, т.е. то, что называется активной гражданской позицией в цифровой среде.

Не все общественные отношения в цифровой среде и не всегда регулируются правовыми нормами, прежде всего личное времяпровождение в сети, цифровой досуг, медиаразвлечения. Такие формы цифрового поведения являются во многом привычными и конформными, по существу, ориентируют людей на сложившиеся образцы поведения или пример окружающих. В отличие от опыта культурного наследия, который транслируется и обогащается, досуг существует и переживается в данный момент. Всемирно известная платформа YouTube предоставляет пользователям право трансформировать интерфейс для максимального взаимодействия, создавать уникальный образовательный и игровой контент, синтезировать информацию и способы доступа к ней, что позволяет формировать новые варианты цифровых культурных привычек, развивать интерактивную аудиовизуальную культуру совместного потребления медиаданных в сети (Montero & Mora-Fernandez, 2020:399).

Крайними же полюсами юридически значимого цифрового поведения гражданина выступают социально активное (законопослушное) и маргинальное. «Пограничные» формы цифрового поведения часто наблюдаются в сфере публичной политики и связаны с политическим радикализмом, распространением «фейковых» (недостоверных) новостей и онлайн-преследованием политических оппонентов. Такие явления свидетельствуют о деформации электорально-правовой культуры российских граждан, политиков, депутатов и избирателей.

Стабильность же цифровой среды складывается на основе устойчивого политического порядка как результат целенаправленной и эффективной государственной политики цифровизации. В связи с этим нуждается в государственно-правовом оформлении и упорядочивании полный спектр цифровой политической маргинальности, который зачастую и находится почти всегда на грани правомерного и противоправного. И речь идет не только об институте юридической ответственности за нарушение законов в сфере информатизации, информационных технологий и защиты информации (здесь уже сделано достаточно много), а о создании комплекса социально-экономических, организационных, технологических, идеологических и финансовых условий и мер по предотвращению и минимизации проявлений асоциального цифрового поведения. Все это и есть вопрос формирования цифровой культуры населения и должностных лиц.

В зарубежной литературе отмечается важность как более глубокого культурного взаимопонимания для преодоления новых цифровых барьеров в инокультурной

среде (Leurs, 2016:61), так и специальной государственной политики по поддержке уязвимых групп населения: субсидирование приобретения цифровых устройств, инклюзивного программного обеспечения для инвалидов, непрерывного цифрового образования этих категорий цифровых граждан и т.д. (Higgins et al., 2023:2109).

Относительно же социально активного политического и правового участия цифровых граждан в процессе принятия публично-государственных решений следует сказать, что российская модель еще уступает лучшим зарубежным практикам. Избирательное законодательство Российской Федерации устанавливает систему денежных поступлений в избирательные фонды кандидатов в депутаты органов публичной власти. Это делает невозможным, например, цифровой перевод «в один клик» от граждан, желающих быстро и конфиденциально продемонстрировать личный интерес к политике и поддержку любимых кандидатов, т.е. «электронный фандрайзинг» (Vokov, 2021:1173).

Между тем расширение возможностей демократического участия электората в выборах (не только путем голосования, но и мелкого спонсорства) способно снизить коррупционные риски зависимости политиков от крупных спонсоров, сделать более прозрачным и подотчетным гражданскому обществу политический ландшафт. Данная модель не является универсальным вариантом решения проблемы, но может повысить уровень электорально-правовой культуры в российском обществе.

Цифровизация отражает объективные тенденции развития научно-технического прогресса, развивая альтернативные формы электорального цифрового поведения: голосование с помощью комплекса (машины) для электронного голосования и вообще дистанционное электронное голосование. В Российской Федерации это все уже работает, хотя и в режиме правового эксперимента. Оптимизация затрат в деятельности избирательных комиссий, улучшение доступности избирательных процедур, обеспечение конфиденциальности процесса участия в выборах и надежности цифрового определения итогов голосования будут содействовать расширению политической активности цифровых граждан и совершенствованию электорально-правовой культуры.

Трансформация социально-экономического пространства приводит к появлению более совершенных цифровых технологий, стимулирующих рост правовой культуры цифрового политического участия гражданского общества в делах государства. Российское законодательство регулирует порядок привлечения к ответственности и пресечения изготовления и распространения в сети Интернет печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов с нарушением правовых норм, однако не предусматривает способы защиты добросовестных цифровых граждан от избыточной политической рекламы, возлагая на них бремя ее автоматического или ручного программного отключения (блокирования). Представляется, что улучшение состояния электорально-правовой культуры достигается посредством адекватного соотношения правового и технологического способов регулирования цифрового поведения.

В современном цифровом обществе воздействие широкого спектра новых технологий и модели социально активного цифрового поведения граждан находятся в тесной зависимости. Успешное взаимодействие цифровых граждан с институтами политической власти, выявление потенциала роста правовой культуры возможно на базе ответственной позиции и сознательной деятельности по развитию и улучшению качества жизни людей с помощью нравственно-правовых, ценностных и социально-технологических подходов.

Заключение

Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан имеет концептуально-методологическое значение для определения перспектив духовного развития личности в эпоху технологической эволюции российского права. Он играет основополагающую роль в раскрытии взаимоотношений цифровых граждан с цифровым обществом и органами публичной власти на базе развивающихся цифровых технологий и принципов гуманистической аксиологии.

References / Список литературы

- Agranovskaya, E.V. (1988) *Legal culture and ensuring individual rights*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. Москва: Наука, 1988. 142 с.
- Alekseev, S.S. (1966) *The mechanism of legal regulation in a socialist state*. Moscow, Legal Literature Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 187 с.
- Bobryshov, S.V. (2020) Digitalization of life and education as a factor in the development and deformation of digital culture and legal consciousness of student youth. In: Stavropol State Pedagogical Institute. *Legal consciousness of students at a law school in the context of informatization of Russian society: collection of materials from the international scientific and practical conference, Stavropol, September 17-18, 2020*. Vol. 1. Stavropol, IP Svetlichnaya, S.G. Publ., pp. 30–37. (in Russian). EDN: EYVOTM.
Бобрышов С.В. Цифровизация жизни и образования как фактор развития и деформации цифровой культуры и правосознания студенческой молодежи // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 17–18 сентября 2020 года. Т. 1. Ставрополь : ИП Светличная С.Г., 2020. С. 30–37. EDN: EYVOTM.
- Bokov, Y.A. (2021) Smart Technologies in Electoral Fundraising. In: Popkova, E.G., Sergi, B.S. (eds) *“Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol 155. Springer, Cham Publ., pp. 1167–1175. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_127
- Burkardt, A., Schulz, L. & Petry, T. (2023) Digital Culture Evaluation. In: Kochhan, C., Moutchnik, A. (eds). *Handlungsraum Media Management*. Wiesbaden, Springer Gabler Publ., pp. 115–126. https://doi.org/10.1007/978-3-658-41520-4_5
- Cheremisinova, M.E. (2024) Legal Culture in Virtual Space. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 477–493. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493> EDN: FDEMT.
- Черемисинова М.Е.* Правовая культура в виртуальном пространстве // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 477–493. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493> EDN: FDEMT.
- Devyatova, S.V. & Kazaryan, V.P. (2021) Ethics of responsibility in the paradigm of digital culture. *Scientific almanac*. (2–1 (76)), 96–99. (in Russian). EDN: WGOWOL.
Девятлова С.В., Казарян В.П. Этика ответственности в парадигме цифровой культуры // Научный альманах. 2021. № 2–1 (76). С. 96–99. EDN: WGOWOL.
- Duche-Pérez, A.B., Vera-Revilla, C.Y., Gutiérrez-Aguilar, O.A., Montesinos-Chávez, M.C., Valdivia-Loaiza, A.H. & Flores-Vilca, I.V. (2024) Digital Culture, Youth, and Citizenship: A Systematic Review. In: Ibáñez, D.B., Castro, L.M., Espinosa, A., Puentes-Rivera, I., López-López, P.C. (eds). *Communication and Applied Technologies. ICOMTA 2023. Smart*

- Innovation, Systems and Technologies*. Vol. 375. Singapore, Springer Publ., pp. 549–558. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7210-4_51
- Galdia, M. (2023) Cooperation or Confrontation Between New Technologies and Law of Information. *International Journal for Semiotics of Law*. 36, 2219–2246. <https://doi.org/10.1007/s11196-023-09978-x>
- Gavrilova, Yu.A. & Bokov, Y.A. (2024) Legal issues of digital citizenship. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 546–564. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564> EDN: GQDGDO.
- Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Правовые проблемы цифрового гражданства // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 546–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564> EDN: GQDGDO.
- Giannini, T. & Bowen, J.P. (2019) Digital Culture. In: Giannini, T., Bowen, J. (eds). *Museums and Digital Culture. Springer Series on Cultural Computing*. Cham, Springer Publ., pp. 3–26. https://doi.org/10.1007/978-3-319-97457-6_1
- Gryaznova, E.V. (2021) Substrate approach in the study of digital culture. *Bulletin of Tomsk State University*. (464), 68–75. (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/464/8> EDN: RCKEYK.
- Грязнова Е.В. Субстратный подход в исследовании цифровой культуры // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 68–75. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/8> EDN: RCKEYK.
- Higgins, N., Ferri, D. & Donnellan, K. (2023) Enhancing Access to Digital Culture for Vulnerable Groups: The Role of Public Authorities in Breaking Down Barriers. *International Journal for Semiotics of Law*. 36, 2087–2114. <https://doi.org/10.1007/s11196-022-09959-6>
- Koshman, N.V. & Alsufieva, A.T. (2022) Some approaches to the implementation of critical thinking technology in the era of digital culture. *Education Development Management*. (2), 61–63. (in Russian). EDN: GDXTJM.
- Кошман Н.В., Алсуфьева А.Т. Некоторые подходы к реализации технологии критического мышления в эпоху цифровой культуры // Управление развитием образования. 2022. № 2. С. 61–63. EDN: GDXTJM.
- Kraynov, A.L. (2022) Digital culture as an indicator of the maturity of the information society. *Philosophy and Humanities in the Information Society*. (2 (36)), 47–53. (in Russian).
- Крайнов А.Л. Цифровая культура как индикатор зрелости информационного общества // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 2 (36). С. 47–53.
- Lapova, E.S. (2023) Diversity of mechanisms for the formation of legal culture as a reflection of the versatility of the phenomenon of “legal culture”. *St. Petersburg meetings of young scientists: Proceedings of the 1st All-Russian Congress of adjuncts, postgraduate students and applicants for academic degrees. St. Petersburg, June 15, 2023*. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., pp. 115–120. (in Russian).
- Ланова Е.С. Многообразие механизмов формирования правовой культуры как отражение многогранности феномена «правовая культура» // Санкт-петербургские встречи молодых ученых : материалы I Всерос. конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 115–120.
- Leurs, K. (2016) Digital Divides in the Era of Widespread Internet Access: Migrant Youth Negotiating Hierarchies in Digital Culture. In: Walrave, M., Ponnet, K., Vanderhoven, E., Haers, J. & Segaert, B. (eds). *Youth 2.0: Social Media and Adolescence*. Cham, Springer Publ., pp. 61–78. https://doi.org/10.1007/978-3-319-27893-3_4
- Montero, A. & Mora-Fernandez, J. (2020) Digital Culture in YouTube Categories and Interfaces: User Experience and Social Interactions of the Most Popular Videos and Channels. In: Stephanidis, C. et al. (eds). *HCI International 2020 – Late Breaking Papers: Interaction*,

- Knowledge and Social Media. HCII 2020. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 12427. Cham, Springer Publ., pp 383–401. https://doi.org/10.1007/978-3-030-60152-2_29
- Panshin, B.N. (2021) Digital culture as a factor in the efficiency and risk reduction of digital transformation of the economy and society. *Digital transformation*. (3), 26–33. (in Russian). EDN: EZDSHO.
- Паньшин Б.Н. Цифровая культура как фактор эффективности и снижения рисков цифровой трансформации экономики и общества // Цифровая трансформация. 2021. № 3. С. 26–33. EDN: EZDSHO.
- Pevtsova, E.A. (2024) Modern Theory of Law on the Relationship between Legal Culture, Legal Consciousness and Legal Education. *Theory of State and Law*. (1 (35)), 188–214. (in Russian). https://doi.org/10.47905/MATGIP_2024_1_35_188 EDN: MAQJOJ.
- Певцова Е.А. Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 188–214. https://doi.org/10.47905/MATGIP_2024_1_35_188 EDN: MAQJOJ.
- Roberge, J. (2016) Critique and the Deliberate Professional: Framing the New and Enhanced Role of Intermediaries in Digital Culture. In: Trede, F., McEwen, C. (eds). *Educating the Deliberate Professional. Professional and Practice-based Learning*. Vol. 17., Cham, Springer Publ., pp. 47–58. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32958-1_4
- Salnikov, V.P. (1989) *Socialist legal culture. Methodological problems*. Saratov, Publishing house of Saratov University. (in Russian).
- Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. Саратов : Изд-во Сарат.ун-та, 1989. 144 с.
- Semitko, A.P. (1990) *Legal culture of socialist society: essence, contradictions, progress*. Sverdlovsk, Publishing house of Ural University. (in Russian).
- Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 176 с.
- Shapovalova, G.M. (2020) “Digital Culture” in the Concept of the Global Information Society: Theoretical and Legal Aspect. Vladivostok, Vladivostok State University of Economics and Service Publ. (in Russian).
- Шаповалова Г.М. «Цифровая культура» в концепции глобального информационного общества: теоретико-правовой аспект. Владивосток : Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса, 2020. 176 с.
- Skipchenko, N.Yu. (2024) Use of information and telecommunication networks for criminal purposes: Regulatory accounting and prospects for expanding the criminal-law significance. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 196–214. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214> EDN: QXGMAB.
- Скрипченко Н.Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 196–214. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214> EDN: QXGMAB.
- Sokolova, N.L. (2012) Digital Culture or Culture in the Digital Age? *International Journal of Cultural Studies*. (3 (8)), 6–10. (in Russian).
- Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 6–10.
- Solberg Söilen, K. (2024) Digital Cultures. In: *Digital Marketing. Springer Texts in Business and Economics*. Cham, Springer Publ., pp. 401–404. https://doi.org/10.1007/978-3-031-69518-6_39
- Stensaas, S. (1994) The Transformed and Transforming Image in the Shift from Print to Digital Culture. In: Kronegger, M., Tymieniecka, A.T. (eds). *Allegory Old and New. Analecta Husserliana*. Vol. 42. Dordrecht, Springer Publ., pp. 229–247. https://doi.org/10.1007/978-94-011-1946-7_16

Xu, J.H. (2022) Constructing the Consumer in the Digital Culture: American Brands and China's Generation Z. In: Ngwainmbi, E.K. (eds). *Dismantling Cultural Borders Through Social Media and Digital Communications*. Cham, Palgrave Macmillan Publ., pp. 307–329. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92212-2_12

Сведения об авторах:

Гаврилова Юлия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и теории права, Институт права, Волгоградский государственный университет; Российская Федерация, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

ORCID: 0000-0002-8055-4710; SPIN-код: 1977-2010

e-mail: gavriloVA_ua@volsu.ru

Боков Юрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Институт права, Волгоградский государственный университет; Российская Федерация, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

ORCID: 0000-0001-6357-9599; SPIN-код: 7479-4298

e-mail: bokov@volsu.ru

About the authors:

Yulia A. Gavrilova – Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law, Law Institute, Volgograd State University; 100 Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8055-4710; SPIN-code: 1977-2010

e-mail: gavriloVA_ua@volsu.ru

Yuri A. Bokov – Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Law Institute, Volgograd State University; 100 Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6357-9599; SPIN-code: 7479-4298

e-mail: bokov@volsu.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-981-994>
EDN: LNXXGQ

Научная статья / Research Article

Биометрические данные как средство удаленной идентификации человека

Д.С. Запорожцев

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
 dmitriaugust@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – исследование биометрических данных в качестве инструмента удаленной идентификации личности человека. Биометрические данные (голосовые данные, отпечатки пальцев, сканирование сетчатки глаза и иные материалы) характеризуются особой значимостью, так как позволяют с высокой степенью точности установить личность человека, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования. Рассматриваются правовые аспекты понятия «биометрические данные», основы их использования, преимущества и недостатки такого использования в целях анализа специфики использования биометрических данных как средства удаленной идентификации. Сделан вывод о необходимости доработки положений действующего законодательства посредством унификации и детализации понятийного аппарата, позволяющей построить четкие взаимосвязи между используемыми в правовом регулировании понятиями биометрических персональных данных, удаленной идентификации и аутентификации соответствующей сферы правового регулирования.

Ключевые слова: биометрические персональные данные, конфиденциальность биометрических данных, персональные данные, защита персональных данных

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 07 июля 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Запорожцев Д.С. Биометрические данные как средство удаленной идентификации человека // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 981–994. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-981-994>

Biometric data as a tool for remote personal identification

Dmitry S. Zaporozhtsev

Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media
of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*
✉ dmitriaugust@yandex.ru

Abstract. The article examines biometric data as a tool for remote identification. Biometric data, including voice recording, fingerprints, retinal scans, and other identities, hold special significance because they enable the accurate establishment of a person's identity, underscoring the relevance of this research topic. The author analyzes legal aspects of the concept of “biometric data”, principles governing their use, and the advantages and disadvantages of such applications to explore the specifics of employing biometric data for remote identification. The article concludes that current legislation needs refinement through unification and clarification of key conceptual terms. This would enable clearer delineation among the concepts of biometric personal data as used in legal regulation, remote identification, authentication, and the pertinent areas of legal governance.

Key words: biometric personal data, biometric data privacy, personal data, personal data protection

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 07th July 2024

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Zaporozhtsev, D.S. (2025) Biometric data as a tool for remote personal identification. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 981–994. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-981-994>

Введение

Проблема контроля и информационной безопасности персональных данных является важным условием эффективности правового регулирования данной сферы. Так, биометрические персональные данные активно используются в рамках удаленной идентификации. Биометрическая идентификация считается одним из самых безопасных методов идентификации личности, что связано с ее высоким уровнем точности и способностью гарантировать присутствие верифицируемого лица.

С развитием технологий и повсеместным использованием цифровых систем все большее количество людей сталкивается с необходимостью защиты своих персональных данных и иной личной информации от киберпреступности. В этой связи биометрические данные становятся надежным и удобным средством идентификации личности человека. Представляя собой уникальные физиологические и поведенческие характеристики человека, биометрические данные служат в качестве уникального «цифрового отпечатка» каждого человека и позволяют провести идентификацию личности на расстоянии.

Одним из наиболее актуальных исследований в области биометрии является разработка систем удаленной идентификации человека на основе его «цифрового отпечатка». Такие системы позволяют ускорить процесс идентификации и обеспечить высокий уровень безопасности при доступе к различным информационным ресурсам. Кроме того, использование биометрических данных в целях идентификации человека позволяет снизить риски мошенничества и кражи личной информации.

Исследование биометрических данных как средства удаленной идентификации человека имеет огромный потенциал для различных отраслей, в особенности цифровой экономики. Развитие таких технологий позволит создать удобные и безопасные условия для повседневной жизни людей и защитить их личные данные от несанкционированного доступа. Таким образом, актуальность выбранной темы исследования неоспорима. Развитие и совершенствование технологий, позволяющих осуществлять идентификацию личности на расстоянии, играют ключевую роль в обеспечении безопасности и защиты личной информации в цифровом мире от недобросовестного завладения ею иными лицами.

Цель работы – исследование биометрических данных в качестве инструмента удаленной идентификации личности человека. Начнем изучение обозначенных аспектов с вопросов определения биометрических данных и нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок оборота такой информации в социально-экономических сферах.

Понятие биометрических данных и правовые основы регламентации их использования

В современном мире биометрические данные все чаще используются в различных сферах деятельности, таких как безопасность, медицина, банковское дело, государственное управление, туризм и иные. Однако использование биометрических данных вызывает ряд вопросов, связанных с правовым обращением такой информации, доступом к данной информации со стороны третьих лиц, и требует строгого регулирования в целях защиты личных данных граждан и предотвращения злоупотребления в части использования личной информации о них.

Упоминание о биометрических данных содержится в ГОСТ Р ИСО/ТО 13569-2007, согласно которому биометрические данные (biometric) представляют собой измеримую биологическую или поведенческую характеристику, с достоверностью отличающую одного человека от другого, используемую для установления либо подтверждения личности человека¹ (п. 3.11).

Вместе с тем поведенческие характеристики отнесены ГОСТ ISO/IEC 19794-1-2015 к биологическим данным, который регламентирует возможность фиксации таких данных посредством регистрации и их дальнейшее использование для распознавания личности в автоматизированном режиме². Таким образом, с помощью биометрических данных устанавливается идентификация личности (согласно ГОСТ Р ИСО/ТО 13569-2007 п. 3.8).

Исследуя дефиницию понятия «биометрические данные» следует обратиться к положениям действующего российского законодательства.

¹ ГОСТ Р ИСО/ТО 13569-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Финансовые услуги. Рекомендации по информационной безопасности (утв. Приказом Ростехрегулирования от 27.12.2007 № 514-ст). Режим доступа: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=24672&cacheid=3C19D227E8D4A27D082F2953BC3E0F00&mode=splus&rnd=1Uw8ug#g4fzM7URVefS7RtU> (дата обращения: 14.03.2024).

² ГОСТ ISO/IEC 19794-1-2015. Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Биометрия. Форматы обмена биометрическими данными. Часть 1. Структура» (введен в действие Приказом Росстандарта от 20.11.2015 № 1928-ст). М. : Стандартинформ, 2016.

В свою очередь особая охрана и отдельная регламентация на территории России обеспечивается биометрическим данным, выступающим частью персональных данных. Соответствующее положение содержит Федеральный закон «О персональных данных», в части 1 статьи 11 которого установлено, что «биометрические персональные данные – сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных»³.

Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» в п. 3 ст. 1 содержит указание на то, что геномная информация относится к персональным данным⁴.

Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» в статье 1 аналогичным образом относит дактилоскопическую информацию к категории биометрических персональных данных⁵.

Руководствуясь приведенными положениями, можно резюмировать, что законодательством России провозглашается охрана биометрических данных, отнесенных к категории персональных данных, под которыми понимаются лишь физиологические и биологические особенности человека: вес, рост, ДНК, данные дактилоскопии и прочие аналогичные характеристики.

Определение демонстрирует отсутствие отнесения поведенческих характеристик с охраняемой персональной биологической информации.

Кроме того, отнесение поведенческих характеристик к биологическим персональным данным распространено за рубежом (Galiullina, 2015). В частности, законодательство Аргентины и Хорватии содержит нормативную регламентацию поведенческих характеристик человека, выражающихся в динамических, подсознательных двигательных активностях⁶.

Как следствие, определение, отраженное в Федеральном законе «О персональных данных», является, на наш взгляд, неполным, требующим доработки посредством дополнения перечня охраняемых биологических персональных данных поведенческими характеристиками человека.

В юридической литературе также распространена точка зрения о несовершенстве имеющейся дефиниции биометрических персональных данных в Федеральном законе «О персональных данных». Так, по мнению Г.Г. Камаловой, в утвержденной формулировке имеется логическая ошибка ввиду того, что физиологические свойства (физиология) выступают частью биологии (Kamalova, 2016).

Принимая во внимание отраслевую специфику понятийного аппарата, а также нацеленность законодателя на разграничение биологических характеристик, используемых в целях идентификации личности, позволим воздержаться от критики и поддержки приведенной точки зрения, так как считаем, что подобная тонкость не влияет

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3451.

⁴ Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 49, ст. 5740.

⁵ Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31, ст. 3806.

⁶ Ley de de los datos personales de Argentina 25.326. sancionada: Octubre 4 de 2000. Available from: <http://www.justicia2020.gob.ar> [Accessed 14th March 2024].

на специфику применения положений Федерального закона «О персональных данных» к отношениям, складывающимся ввиду обращения биологической персональной информации.

Как следствие, несовершенство закреплённой правовой дефиниции понятия биометрических персональных данных создаёт определённый пробел в законодательстве, а также влечёт неблагоприятные последствия для субъекта персональных данных, о чём детальнее далее также пойдёт речь в настоящей статье.

Наглядно продемонстрировано несовпадение определений, содержащихся в рассмотренных выше федеральных законах, несмотря на то что указанные акты выступают отправной точкой для иных подзаконных актов.

Так, в частности, в нормативном правовом акте⁷ установлено, что именоваться в качестве информационной системы по обработке персональных биометрических данных может та, в которой осуществляется обработка сведений, характеризующих физиологические и биологические свойства личности, позволяющие её идентифицировать.

На территории Европейского союза регулирование обработки биометрических данных осуществляется в соответствии с документом о защите персональных данных⁸.

Учитывая, что нормативно-правовая база не должна создавать угрозу конфиденциальности персональных биологических данных, а, напротив, должна обеспечивать максимальные гарантии безопасности и защиты личных данных человека от вмешательства со стороны иных лиц (Hall, 2014).

В качестве признаков, позволяющих отличать биологические персональные данные от иных данных, выделяют уникальность, что предполагает неповторимость такой информации (радужная оболочка глаза, отпечатки пальцев), универсальность, обуславливаемая наличием биологических характеристик у каждого человека, и неизменяемость биологических данных (Smirnova, 2022).

Последний признак является достаточно спорным, так как отдельные биоданные (поведенческие характеристики или физиологические особенности) со временем могут изменяться.

Необходимо отметить, что нормативное национальное регулирование на международном уровне использования биометрических данных также регламентируется утверждаемыми стандартами и рекомендациями международных организаций. Например, Международная организация по стандартизации (ISO) разрабатывает стандарты по обработке биометрических данных, позволяющих реализовать их использование на территории различных стран в целях обеспечения надлежащего уровня защиты данных⁹.

⁷ Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 45, ст. 6257.

⁸ Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR). Режим доступа: <https://base.garant.ru/71936226/#friends> (дата обращения: 14.03.2024).

⁹ Горелишвили Д. Постатейный комментарий к проекту Закона России «О персональных данных». Режим доступа: http://www.kongord.ru/Index/A_tma_05/DGorpersdatcom.html (дата обращения: 13.03.2024).

Важным аспектом в регулировании процесса использования биометрических данных является обеспечение их безопасности. Для обеспечения безопасности данных необходимы соответствующие технические и организационные меры. В данном контексте особенно важным видится полная правовая регламентация обработки и хранения биологических персональных данных, где первоочередным этапом выступает закрепление единой унифицированной дефиниции персональных биологических данных, посредством их определения как информации, определяющей уникальные физиологические, биологические и поведенческие характеристики человека, которые могут быть использованы в целях его идентификации.

Биометрические данные как средство удаленной идентификации личности

Современный мир требует от индивида постоянной готовности к внешним прогрессирующим изменениям, в качестве которых выступает в том числе возможность удаленной идентификации личности в различных сферах деятельности на основе современных технологичных разработок. Идентификация личности необходима для получения доступа к компьютерным информационным системам, прохождения паспортного контроля или даже в целях доступа лица к его рабочему месту. Такая необходимость определяет актуальность вопросов удаленной идентификации личности, обеспечения безопасного процесса идентификации, а также важность правовой регламентации процесса идентификации как для отдельных организаций внутри одной страны, так и для целых государств при взаимодействии друг с другом.

Одним из инструментов идентификации личности выступают биометрические данные. Использование биометрических данных имеет особую значимость при удаленной идентификации личности. Что же представляет собой удаленная идентификация?

Под удаленной идентификацией личности следует понимать процесс установления и подтверждения физического лица с применением специальных технических средств. Данный метод идентификации применим в различных сферах деятельности, где необходимо осуществлять проверку личности субъекта.

В свою очередь нормативная регламентация удаленной идентификации не содержит дефиниции указанного понятия. Анализируя действующую нормативно-правовую базу, можно сделать вывод, что термин «идентификация» не является универсальным. Содержание Федеральных законов «О персональных данных», «Об информации, информационных технологиях и защите информации»¹⁰ не раскрывает существа рассматриваемого термина, несмотря на то, что именно данные правовые акты выступают основными в сфере регламентации сбора, обработки и дальнейшего использования информации, в том числе биометрической, а также в своем тексте содержат ссылки на термин «идентификация».

В научной литературе, в частности Т.А. Поляковой и Н.Б. Наумовым, отмечалось, что подобная ситуация с понятийным аппаратом представляет собой ограниченную терминологическую базу, нуждающуюся в развитии и усовершенствовании (Naumov & Polyakova, 2016).

Неясность правовых формулировок, их неполнота или расхождение приводят к появлению в законодательстве все большего количества новых дефиниций одного и

¹⁰ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. N 31 (1 ч.), ст. 3448.

того же понятия, конкретизирующего его для конкретной отрасли применения, что, в конечном итоге, создает угрозу двойственного правового регулирования, правовых противоречий и приводит к неверному использованию нормативных положений к однородным правоотношениям в процессе правоприменения уполномоченным субъектом.

Вывод, к которому можно прийти после ознакомления с указанными выше правовыми актами, заключается в понимании идентификации в виде процесса установления личности лица посредством совершения определенной совокупности действий по установлению признаков идентифицируемого субъекта.

В настоящее время удаленная идентификация становится все более популярной ввиду стремительно развивающегося процесса глобализации, развития цифровых технологий и интернета и упрощает достаточно большое количество взаимодействия субъекта с иными субъектами правоотношений (Khisamov, 2018).

В определенных условиях, в частности, при пандемии, удаленная идентификация выступала единственным средством, позволяющим получить населению необходимые государственные услуги (Salikhov, 2021).

Особую популярность приобретает интернет-банкинг (дистанционное банковское обслуживание), в рамках которого клиенты банка могут совершать удаленно различные операции. Для обеспечения безопасности проводимых операций банки должны надлежащим образом идентифицировать своих клиентов на расстоянии, надлежащая идентификация позволяет предотвратить мошеннические действия при совершении манипуляций с денежными средствами при проведении денежных операций в удаленном режиме (Kuchеров & Sinitsyn, 2022).

По данным прогноза J'son & Partners Consulting, «применение биометрических технологий в банковской сфере, а именно открытие и ведение банковских счетов, заключение кредитных договоров, применение биометрических платежных систем, будет происходить наиболее высокими темпами по сравнению с другими отраслями финтех» (Ruchkina, 2017).

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод преобладающей позиции кредитных организаций. Особое распространение получили дела с требованием клиентов о взыскании денежных средств с банковских организаций по финансовым операциям ввиду отсутствия согласия клиента на совершение таких операций, в частности, относительно переводов средств с расчетных счетов клиентов.

По указанной категории дел банки отстаивают свою позицию, ссылаясь на подписание клиента к электронной системе с использованием пароля для входа, являющееся основанием для предоставления услуг банком. Обязанность по хранению пароля и недопущения к нему доступа со стороны третьих лиц возложена на клиента. При проведении успешной идентификации клиента в удаленном режиме распоряжения клиента считаются отправленными от имени клиента и имеют равную юридическую и доказательственную силу.

Судебные органы, руководствуясь вышеизложенным, принимают сторону кредитных организаций, указывая, что обязанности банка по договору были выполнены надлежащим образом, и у банка отсутствовали основания для неисполнения распоряжения клиента о переводе денежных средств¹¹.

¹¹ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 6 июня 2017 г. по делу № 33-21663/2017; Апелляционное определение Московского городского суда от 12 июля 2016 г. по делу № 33-6988/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 14 декабря 2017 г. по делу № 33-50810/2017; Апелляционное определение Московского городского суда от 18 октября 2017 г.

Подобная практика свидетельствует о серьезной проблеме удаленной идентификации без использования биометрической информации, а также о необходимости ее серьезной доработки и совершенствовании (Sinitsyn, 2021). В свою очередь, применение биометрической информации, на наш взгляд, в рассматриваемых случаях позволило бы исключить фактически несанкционированные со стороны клиента распоряжения в удаленном режиме на проведение банком денежных операций по принадлежащим клиенту счетам.

Еще одним ярким примером использования удаленной биометрической идентификации выступает разработка ПАО «Сбербанк», реализованная совместно с сетью продуктовых магазинов «Азбука вкуса», позволяющая использовать отпечатки пальцев для совершения оплаты товаров. В рамках реализации разработки магазины были оборудованы специальными терминалами, считывающими биометрические данные субъекта в целях оплаты покупаемой продукции (Bochkov, 2019).

Практическое воплощение указанной разработки, позволяющей удаленно идентифицировать субъекта с помощью его биометрических данных, стало возможным благодаря Единой биометрической системе. Система была создана компанией ПАО «Ростелеком», а инициатором ее создания выступили Министерство связи и массовых коммуникаций РФ, а также Центральный банк РФ. Единая биометрическая система представляет собой базу биометрических данных лиц, с помощью которых последние имеют возможность получать доступ к банковским услугам удаленно (Bochkov, 2019).

Алгоритм работы с вышеуказанной системой предполагает четкое соблюдение правил, изложенных как в федеральной нормативно-правовой базе (вышеупомянутого Федерального закона «О персональных данных», актов Правительства РФ и иных НПА), так и в локальных актах, принимаемых на уровне отдельных корпораций (в качестве таковых выступают внутренние документы организаций – публичные оферты, стандарты обработки данных, положения об обработке данных, формы согласия субъектов на обработку, иные профильные соглашения и правила). Ознакомление с подобной документацией на примере ПАО «Ростелеком», размещенной на официальном сайте организации, позволяет сделать вывод о следующем.

Пределы ответственности за нарушения в сфере обработки биометрических данных для сторон не идентичны, варьируются, не конкретизированы. По внутренней документации ПАО «Ростелеком» сторона, нарушавшая условия соглашения об оказании услуги по сбору биометрических данных и их передаче в единую биометрическую систему, возмещает другой стороне убытки. В свою очередь заказчик освобождается от ответственности перед исполнителем за потерю таких данных при любых ситуациях¹².

по делу № 33-42183/2017; Апелляционное определение Московского городского суда от 6 сентября 2017 г. по делу № 33-35595/2017. Режим доступа: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=card&rnd=Q3w7zQ&div=ARB#div/> (дата обращения: 14.03.2024).

¹² Публичная оферта. О заключении соглашения об оказании услуги по сбору биометрических данных и их передаче в Единую биометрическую систему ПАО «Ростелеком». Режим доступа: <https://bio.rt.ru/upload/iblock/7b7/Publichnaya-oferta-o-zaklyuchenii-soglasheniya-ob-okazaniiuslugi-po-sboru-biometricheskikh-dannykh-i-ikhperedache-v-Edinuyu-biometricheskuyu-sistemu.pdf> (дата обращения: 01.05.2024).

Анализ информации и локальной документации на примере ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ»¹³, АО «Почта Банк»¹⁴, размещенной на официальном сайте банка, позволил сделать вывод об отсутствии отдельного правового документа, устанавливающего понятие биометрических данных, принципы работы с ними, а также ответственность за нарушения при работе с такими данными¹⁵.

Думается, что настоящая ситуация является упущением. Каждый субъект вправе осуществлять оценку возможных рисков вмешательства в его биометрику, для чего он должен быть достаточно осведомлен, в том числе посредством ознакомления с локальной документацией отраслевых компаний.

Четкий и исчерпывающий перечень действий в рамках требований не прописан, и специалист получает определенную свободу действий при решении вопросов, связанных с устранением угрозы безопасности обрабатываемой информации. Возникает вопрос о том, сможет ли ответственный специалист в конкретном случае действительно выбрать наиболее правильное решение сложившейся проблемы?

К сожалению, на практике зачастую многим не хватает необходимого опыта и навыков, что по итогу приводит к утечке охраняемой персональной биометрической информации.

Более того, также возникает вопрос, связанный с тем, вовремя ли специалист осознает, что появилась угроза именно для персональных биометрических данных, и что понимать под такими данными, если ни на законодательном уровне, ни на уровне локальных правовых актов четкая и полная дефиниция биометрических данных на сегодняшний день не определена.

Можно резюмировать, что специалист в отдельном случае может и не понимать необходимость отнесения определенной информации к категории охраняемых персональных биологических данных. В данном аспекте невольно возвращаемся к проблематике отсутствия единого универсального понятия биометрических персональных данных в действующем законодательстве Российской Федерации.

Еще одним примером использования удаленной идентификации выступает обучение в режиме онлайн. На сегодняшний день большое количество образовательных учреждений как общего, так и среднего и высшего образования предлагают онлайн обучение, где обучающиеся имеют возможность получить новые знания и навыки, не покидая дом.

Для обеспечения безопасности при подтверждении личности обучающихся многие образовательные учреждения используют методы удаленной идентификации, позволяющие удостовериться, что студент сдает экзамен самостоятельно. Однако в основном в качестве методов используется предоставление паролей и других уникальных данных, позволяющих осуществить лицу в режиме онлайн вход в ту или иную информационную систему/образовательную платформу.

Вместе с тем данный алгоритм взаимодействия не исключает предоставление обучающимся таких данных иным лицам в целях совершения от его имени действий, направленных на прохождение тестирований и испытаний, предусмотренных

¹³ Правила комплексного обслуживания физических лиц в Банке ВТБ (ПАО). Режим доступа: vtbrussia.ru (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁴ Официальный сайт АО «Почта Банк». Режим доступа: <https://www.pochtabank.ru/service/ebs> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁵ Официальный сайт ПАО «Сбербанк». Биометрия в Сбербанке. Режим доступа: https://www.sberbank.ru/ru/person/dist_services/bio (дата обращения: 01.05.2024).

образовательной программой. Именно в данном аспекте следует говорить о необходимости более широкого внедрения системы удаленной идентификации с использованием биометрических данных в рассматриваемой сфере.

Кроме того, удаленная идентификация может быть использована в сфере здравоохранения. В целях подтверждения факта, что перед врачом удаленно на связи именно тот пациент, с которым он взаимодействует, врач может использовать методы удаленной идентификации, что позволит сократить время на определенные процедуры и обслуживание пациентов, а также решить многие проблемы без физического посещения больницы со стороны субъекта.

Преимуществом биометрической идентификации является ее удобство, так как пользователю не нужно запоминать сложные пароли или носить с собой ключи – достаточно просто просканировать свои биометрические данные в целях получения доступа к нужному ресурсу. Программа осуществляет действия в пределах заданного алгоритма и представляет собой «закон компьютерного кода» (Truntsevsky, 2020).

Сказанное обуславливает быстроту, удобство и эффективность процесса. Вместе с тем, наряду с рассмотренными преимуществами и возможными сферами применения биометрической идентификации, данный процесс имеет и ряд недостатков.

Основным риском при использовании биометрических данных личности является неправомерный доступ к личным данным. В случае определения хищения биометрических данных, человек может столкнуться с серьезными проблемами ввиду доступа злоумышленников к его личной информации и совершения от его имени различных финансовых операций.

Еще в качестве одного из рисков использования биометрической идентификации полагаем необходимым отметить сбои в работе соответствующих информационных систем или их недостаточная доработка, обуславливающая возможность подделки биометрических данных с помощью иных специальных устройств.

Указанное означает, что даже самые передовые биометрические системы не могут быть полностью надежными и безопасными на сегодняшний день.

Нельзя не отметить, что на сегодняшний день в литературе неоднократно освещены вопросы рисков удаленной идентификации и все они в основном сводятся к несовершенству технологичных процессов, приводящему к утечке данных.

Думается, что в качестве отдельного самостоятельного риска следует выделять отсутствие четкой и полной дефиниции персональных данных на федеральном правовом уровне, а также отсутствие конкретизации в положениях об ответственности уполномоченных субъектов на локальном уровне организаций за нарушения, допущенные при работе с биометрическими персональными данными.

В рамках рассматриваемых выше примеров можно убедиться, что подобные правовые пробелы и противоречия не меньшим образом создают угрозу для утечки персональных биоданных как и при сбоях в работе информационных систем или несовершенстве соответствующего информационного обеспечения.

Однако в целом, несмотря на возможные риски, использование биометрических данных для идентификации личности имеет большие перспективы и может принести пользу обществу, ведь процесс удаленной идентификации обеспечивает высокий уровень безопасности и удобства совершения отдельных операций с использованием информационных систем, а также способствует повышению эффективности работы многих организаций и государственных структур.

Учитывая необходимость дальнейшего развития и разработок информационных ресурсов, участвующих в хранении и обработке биометрических данных и позволяющих осуществить удаленную идентификацию личности, для наиболее полного и эффективного использования биометрических технологий необходимо уделять особое внимание вопросам безопасности и конфиденциальности личной информации граждан. Государство обязано строго контролировать порядок обращения и доступа к биометрическим данным со стороны иных субъектов, обеспечивать защиту таких данных на всех этапах их использования (Krivogin, 2017).

Кроме того, завершая анализ рассматриваемых вопросов, нельзя не отметить, что в настоящее время, учитывая многоаспектность и многогранность существующих правовых отношений, нормативно-правовая база России должна отвечать ряду требований, среди которых особо, на наш взгляд, должны быть выделены следующие:

- универсальность, как критерий релевантности к стремительно развивающимся технологическим процессам;
- системность, позволяющая упорядочить нормативное регулирование, начиная непосредственно с правовых норм, а также устранить противоречие правовых норм.

Учитывая указанные свойства правовые дефиниции в сфере обработки биометрических персональных данных требуют доработки посредством унификации и детализации понятийного аппарата, а также иными определениями соответствующей сферы правового регулирования.

Заключение

На основании вышеизложенного материала необходимо резюмировать, что благодаря уникальности биологических данных и неизменности отдельных параметров такой информации возможность ошибочной идентификации сводится к нулю, что делает биометрические данные одним из самых безопасных способов идентификации личности.

Вместе с тем использование биометрических данных в качестве средства удаленной идентификации вызывает определенные риски и опасения, так как существует вероятность неправомерного доступа к таким данным и их незаконного использования третьими лицами в корыстных целях.

Указанное обуславливает повышенное внимание к обработке персональных биологических данных, стимулируя как законодателя, так и субъекта, осуществляющего непосредственную обработку персональных данных, поэтому возрастает активное внедрение и применение современных технологий шифрования и защиты информационных ресурсов. Именно отсутствие профильного универсального понятийного аппарата в рассматриваемой правовой сфере также создает угрозу обеспечения прав и свобод в правовом регулировании.

Для недопущения подобных нарушений при обработке персональных биометрических данных на территории Российской Федерации предлагается заимствовать опыт Аргентины и Хорватии, где в законодательстве имеется нормативная регламентация поведенческих характеристик человека, выражающихся в динамических, подсознательных двигательных активностях, относимых к биометрическим персональным данным.

Следующим этапом должно стать приведение в соответствие вышеуказанному определению всех используемых аналогичных дефиниций в иных подзаконных нормативно-правовых актах, применяемых на территории России.

Кроме того, для снижения рисков допущения субъектами обработки персональных биометрических данных нарушений гарантий защиты конфиденциальности и безопасности указанных данных на практике в положениях Федерального закона «О персональных данных» требуется закрепление специальной нормы для уполномоченного на обработку, использование и хранение персональной биометрической информации субъекта, закрепляющей для него обязанность на локальном уровне разработки самостоятельного профильного положения или стандарта, посвященного исключительно работе с биометрической информацией.

Подобные меры позволят устранить недостаточность четкого и полного определения биометрических персональных данных, что также снизит вероятность снижения гарантий защиты конфиденциальности и безопасности указанных данных на практике.

Таким образом, для четкой и всесторонней регламентации правовых отношений законодательство должно обеспечивать ясность и полноту содержащихся в нем формулировок. При необеспечении четкости правил использования новых технологий, используемых при обработке биометрической информации, приводит к злоупотреблениям со стороны третьих лиц, распространению личной информации субъектов без их согласия и уязвимости протекающих информационных процессов.

В целом, биометрические технологии представляют собой инновационный и перспективный способ идентификации личности, который в ближайшем будущем может стать стандартом в области безопасности и защиты информации. Дальнейшее совершенствование технологий использования биометрической информации при проведении удаленной идентификации, строгое и неукоснительное соблюдение принципов конфиденциальности способствуют созданию безопасного удобного цифрового общества как в рамках территории одного государства, так и в контексте межгосударственного общественного взаимодействия.

References / Список литературы

- Bochkov, E.S. (2019) On the legal regulation of biometric identification in banking. *Banking law*. (4), 7–14. (in Russian). <https://www.doi.org/10.18572/1812-3945-2019-4-7-14> EDN: GEIWXM.
- Бочков Е.С. К вопросу о правовом регулировании биометрической идентификации в банковской деятельности // Банковское право. 2019. № 4. С. 7–14. <https://www.doi.org/10.18572/1812-3945-2019-4-7-14>. EDN: GEIWXM.
- Galiullina, D.R. (2015) Biometric personal data. *Document. Archive. History. Modernity*. (15), 264–268. (in Russian). EDN: UIKMAT.
- Галиуллина Д.Р. Биометрические персональные данные // Документ. Архив. История. Современность. 2015. № 15. С. 264–268. EDN: UIKMAT.
- Hall, T.S. (2014) The Quantified Self Movement: Legal Challenges and Benefits of Personal Biometric Data Tracking. *Akron Intellectual Property Journal*. 7 (1): 3.
- Kamalova, G.G. (2016) Biometric personal data: Definition and nature. *Information Law*. (3), 8–12. (in Russian). EDN: WTQNDV.
- Камалова Г.Г. Биометрические персональные данные: определение и сущность // Информационное право. 2016. № 3. С. 8–12. EDN: WTQNDV.

- Kashkin, S.Y. & Pokrovskiy A.V. (2019) Artificial intelligence, robotics and protection of human rights in the European Union. *Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. (4 (56)), 64–90. (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.064-090> EDN: MZYMUX.
Кашкин С.Ю., Покровский А.В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском союзе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4 (56). С. 64–90. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.064-090> EDN: MZYMUX.
- Krivogin, M.S. (2017) Peculiarities of legal regulation of biometric personal data. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (2), 80–89. (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.80.89>
Кривогин М.С. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 80–89. <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.80.89>
- Makarchuk, N.V. (2019) Public law limitations of use of digital assets and technologies. *Law and Business*. (1), 40–43. (in Russian). EDN: YYRNDV.
Макарчук Н.В. Публично-правовые ограничения использования цифровых активов и технологий // Право и Бизнес. 2019. № 1. С. 40–43. EDN: YYRNDV.
- Naumov, V.B. & Polyakova, T.A. (2016) Legal problems of identification of subjects in state and non-state systems in Russia. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. (43), 14–21. (in Russian).
Наумов В.Б., Полякова Т.А. Правовые проблемы идентификации субъектов в государственных и негосударственных системах в России // Вестник Академии права и управления. 2016. № 43. С. 14–21.
- Ruchkina, G.F. (2017) Banking Activities: A Transfer to a New Carrying out Model or Fintech as the New Reality. *Banking Law*. (4), 55–62. (in Russian). EDN: ZDATIJ.
Ручкина Г.Ф. Банковская деятельность: переход на новую модель осуществления, или «Финтех» как новая реальность // Банковское право. 2017. № 4. С. 55–62. EDN: ZDATIJ.
- Salikhov, D.R. (2021) The Pandemic and Personal Data: How the Spread of the New Coronavirus Infection Poses New Challenges to Personal Data. *Constitutional and Municipal law*. (3), 46–50. (in Russian). <https://www.doi.org/10.18572/1812-3767-2021-3-46-50> EDN: RVDDAR.
Салихов Д.Р. Пандемия и персональные данные: как распространение новой коронавирусной инфекции бросает новые вызовы персональным данным // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 46–50. <https://www.doi.org/18572/1812-3767-2021-3-46-50> EDN: RVDDAR.
- Sinit syn, S.A. (2021) *The Russian and Foreign Civil Law in the Conditions of Robotization and Digitalization. An Experience of an Inter-Disciplinary and Industrial Study: Scientific and practical guide*. Moscow, Infotropic Media Publ. (in Russian).
Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования : монография / С.А. Синицын. Москва : Инфотропик Медиа, 2021. 212 с.
- Smirnova, Ya.V. (2022) Ensuring the right to privacy in biometric data processing in the European Union. *Actual Problems of Russian Law*. 17 (10), 183–192. (in Russian). <https://www.doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.183-192>
Смирнова Я.В. Проблемы обеспечения права на охрану частной жизни при обработке биометрических данных в Европейском союзе // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10. С. 183–192. <https://www.doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.183-192>.
- Truntsevsky, Yu.V. (2020) A Smart Contract: From the Definition to Definitiveness. *Law Journal of the Higher School of Economics*. (1), 118–147. (in Russian). <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1> EDN: EADNBA.

Трунцевский Ю.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118–147. <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1> EDN: EADNBA.

Khisamov, A.Kh. (2018) Videoconferencing and Web-Conferencing Technologies in Civil Litigation. *Herald of Civil Procedure*. 10 (4), 254–269. (in Russian). <https://www.doi.org/10.24031/2226-0781-2018-8-1-229-247>

Хисамов А.Х. Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 229–247. <https://www.doi.org/10.24031/2226-0781-2018-8-1-229-247>

Kuchеров, I.I. & Sinitsyn, S.A. (2022) (eds.) *Digital Economy: Relevant Legal Regulation Areas*. Moscow, Norma Publ. (in Russian) <https://www.doi.org/10.12737/1839690>

Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : научно-практическое пособие / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. М. : Норма, 2022. 376 с. <https://www.doi.org/10.12737/1839690>.

Shebanova, N.A. (2019) Protection of personal data: The experience of the European Community. *Journal of the Court of Intellectual Property Rights*. (25), 5–14. (in Russian).

Шебанова Н.А. Охрана персональных данных: опыт Европейского сообщества // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 25. С. 5–14.

Warren, S.D. & Brandeis, L.D. (1890) The Right to Privacy. *Harvard Law Review*. 4 (5), 193–220.

Сведения об авторе:

Запорожцев Дмитрий Сергеевич – главный специалист-эксперт, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 123317, Российская Федерация, г. Москва. Пресненская набережная, 10, стр. 2

ORCID: 0009-0001-2982-2353; SPIN-код: 6530-2894

e-mail: dmitriaugust@yandex.ru

About the author:

Dmitry S. Zaporozhtsev – Chief Expert Specialist, Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, 123317, Russian Federation, Moscow, Presnenskaya embankment, 10, building 2

ORCID: 0009-0001-2982-2353; SPIN-code: 6530-2894

e-mail: dmitriaugust@yandex.ru

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

LAND LAW AND ENVIRONMENTAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-995-1012>

EDN: LOUOOX

Научная статья / Research Article

Государственная политика по сохранению объектов животного мира: теоретико-правовой анализ

С.В. Иванова

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Оренбург, Российская Федерация

 servis-05@list.ru

Аннотация. Исследуются различные трактовки термина «государственная экологическая политика», представленные в юридической литературе. На основе проведенного анализа автор приходит к заключению, что данное понятие охватывает собой ряд направлений деятельности государственных органов в сфере охраны объектов природы. Проводится анализ практики воплощения в жизнь стратегических документов, регулирующих деятельность в области охоты и рыболовства. Автор приходит к выводу, что отдельные положения этих документов носят декларативный характер, а также указывает на отсутствие эффективного механизма, позволяющего реализовать экологические и социальные показатели, используемые для оценки результативности государственного управления в данной сфере. Учитывая позитивный опыт зарубежных стран в сфере имплементации стратегических документов, регулирующих вопросы сохранения и использования объектов животного мира, автор акцентирует внимание на императивности комплексного подхода к обеспечению сохранности всех биологических видов диких животных. Предложения автора, направленные на реализацию Концепции устойчивого использования животного мира, изложены в представленной научной работе и могут служить основой для совершенствования действующего законодательства. В Российской Федерации на сегодняшний день государственная политика в сфере экологии ориентирована на сохранение объектов животного мира, являющихся ресурсами охоты и рыболовства, а также видов, отнесенных к категории редких и находящихся под угрозой исчезновения.

Ключевые слова: показатели эффективности, правовые меры, государственное управление, устойчивое использование, экологический баланс, публичные и частные интересы

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иванова С.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Публикация является продолжением исследования эффективности государственного управления в области сохранения и использования объектов животного мира: Иванова С.В., Ястребов О.А. Правовое обеспечение государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира. М. : НИЦ ИНФРА-М. 2023. 180 с.

Поступила в редакцию: 24 октября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Иванова С.В. Государственная политика по сохранению объектов животного мира: теоретико-правовой анализ // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 995–1012. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-995-1012>

The effectiveness of public administration as a factor in ensuring state policy on wildlife conservation: A theoretical and practical analysis

Svetlana V. Ivanova

Orenburg Institute (branch) Orenburg Institute (branch of O.E. Kutafin University (MSAL),
Orenburg, Russian Federation
 servis-05@list.ru

Abstract. This article examines various interpretations of the term “state environmental policy” as presented in legal literature. Based on this analysis, the author concludes that the concept encompasses a range of activities carried out by state bodies aimed at protecting natural resources. The article also analyzes the implementation practices of strategic documents regulating hunting and fishing activities. The author finds that certain provisions in these documents are largely declarative and highlights the lack of an effective mechanism for implementing environmental and social indicators used to evaluate public management performance in this domain. Drawing on positive examples from foreign countries in managing conservation and utilization through strategic documents, the author emphasizes the need for an integrated approach to conserving all biological species of wild animals. The paper outlines proposals for implementing the Concept of Sustainable Use of Wildlife, which could serve as a basis for legislative improvements. In the Russian Federation, current state policy in ecology focuses on preserving fauna species that are resources for hunting and fishing, as well as those categorized as rare and endangered.

Key words: performance indicators, legal measures, public administration, sustainable use, ecological balance, public and private interests

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

This publication continues the study of the effectiveness of public administration in the field of conservation and use of wildlife: Ivanova, S.V., Yastrebov, O.A. (2023) *Legal support for public administration in the field of conservation and use of wildlife*. Moscow, Research Center INFRA-M Publ. (in Russian).

Received: 24th October 2024

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Ivanova, S.V. (2025) The effectiveness of public administration as a factor in ensuring state policy on wildlife conservation: A theoretical and practical analysis. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 995–1012. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-995-1012>

Введение

На протяжении долгого времени (до первой половины XX в.) люди использовали природные ресурсы так, что это не наносило ущерба окружающей среде. Природные богатства добывались и применялись без чрезмерной интенсивности, благодаря чему сохранялся баланс между экономической деятельностью и экологической устойчивостью. Однако уже во второй половине XX в. на международном уровне поднимается проблема охраны окружающей среды. В результате антропогенной деятельности происходит негативное воздействие, принимающее глобальный характер (Агаров, 2019:114). Поскольку превентивные меры сохранения природы не разработаны до настоящего времени, усиление антропогенной нагрузки на окружающую среду может привести к экологической катастрофе. В связи с этим возникает необходимость разработки и реализации на практике механизмов снижения воздействия человека на окружающую среду и стимулирование хозяйствующих субъектов к внедрению наилучших допустимых технологий (Gadzhiev, 2022:17).

Обеспечение экологической и продовольственной безопасности, сохранение биологического разнообразия представляют собой основу государственной экологической политики Российской Федерации. Одновременно реализация приоритетных направлений приводит к установлению для хозяйствующих субъектов дополнительных экологических требований в сфере предпринимательской деятельности (Bogolyubov, 2018:17). Ключевая задача заключается в обеспечении сохранения экосистем и их биологического разнообразия, что является важным условием устойчивого развития как для нынешнего, так и для будущих поколений. Указанная задача является основополагающим принципом концепции устойчивого развития, которая получила международное признание и закрепление в докладе «Наше общее будущее». Российская Федерация выражает солидарность и всестороннюю поддержку данной концепции, что находит свое практическое подтверждение (Broslavsky, 2021:16) в ее активном участии в многосторонних международных договорах, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Таким образом, устойчивое использование диких животных представляет собой основополагающую задачу, которая направлена на реализацию на практике международных обязательств. Достижение такой задачи позволит обеспечить продовольственную безопасность страны, повысить качество жизни населения и успешное развитие экономических отношений. Устойчивое использование природных ресурсов требует разработки комплекса правовых мер. С помощью правового эффективного инструментария возможно обеспечить сохранение биологического разнообразия диких животных, сохранить популяции редких, исчезающих видов диких животных, повысить экономические и экологические показатели устойчивого использования ресурсов охоты и рыболовства, поддержать функционирование экологических систем удовлетворение интересов настоящего и будущего поколений. Актуальность исследования обусловлена существующими проблемами по реализации на практике стратегий, концепций, планов и других документов стратегического планирования в сфере устойчивого использования и сохранения объектов животного мира.

В законодательстве о животном мире и доктрине экологического права наряду с концепцией устойчивого использования диких животных закреплено понятие «рациональное использование животного мира». Однако данные термины лишены четких дефиниций и однозначного указания их характерных признаков, что приводит к их концептуальному смешению. Проведенный теоретический анализ указанных категорий позволил установить наличие как общих, так и дифференцирующих характеристик между ними. Общие черты рассматриваемых понятий заключаются в их способности обеспечивать системный и комплексный подход к достижению оптимального баланса интересов общества и государства. Это реализуется посредством экологических, экономических и организационных мер, направленных на неистощительное использование ресурсов животного мира в течение длительного времени.

Однако данные концепции имеют ключевые отличия. Рациональное использование животного мира предполагает достижение баланса преимущественно между экологическими и экономическими интересами. В то же время устойчивое использование выходит за рамки этих отношений, дополняя их ориентацией на социальные аспекты. Устойчивое использование предусматривает активное вовлечение местного населения в процессы сохранения и использования объектов животного мира. Оно предполагает обеспечение доступа к охоте и рыболовству, участие граждан в организации экологического туризма, что способствует поддержанию их уровня доходов, качества жизни и занятости, связанных со сферой использования животного мира. Таким образом, устойчивое использование подчеркивает более широкий спектр интересов, включая социальные, и рассматривает их в неразрывной связи с экологической и экономической составляющими.

Следует отметить, что в соответствии с актуальными тенденциями международно-правового регулирования особый акцент делается на защите окружающей среды, а сохранение биологического разнообразия воспринимается как одна из ключевых и приоритетных задач мирового сообщества. В данном контексте сохранение популяций диких животных всех видов для настоящего и будущих поколений приобретает статус одной из первоочередных целей международного сотрудничества государств. Необходимость решения данной задачи на международном уровне обусловлена рядом объективных факторов. Во-первых, следует отметить трансграничный характер данной проблематики. Объекты животного мира не ограничены государственными границами, и их сохранение требует скоординированных действий всех заинтересованных государств.

Во-вторых, многообразие объектов животного мира, как например, на территории Российской Федерации, где обитает около 130 тысяч видов животных, что составляет около 8% всей мировой фауны, порождает многообразие общественных отношений, связанных с их устойчивым использованием. Регулирование данных отношений требует выработки единых международных стандартов и механизмов. Таким образом, сохранение популяций диких животных всех видов для настоящего и будущих поколений является комплексной задачей, требующей активного участия всех государств на основе принципов международного сотрудничества и взаимной ответственности.

В своем выступлении на заседании Государственного совета, посвященном вопросам экологического развития Российской Федерации в интересах нынешнего и грядущих поколений, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул

наличие у России значительных запасов природных ресурсов. Глава государства отметил, что Российская Федерация выступает в качестве экологического донора для всего мира, обеспечивая практически десятую часть его биосферной устойчивости¹.

В-третьих, объекты животного мира являются элементами экологической системы, важнейшими компонентами в процессе обмена веществ окружающей среды. Поэтому дикие животные оказывают прямое влияние на функционирование экосистем, на количественные и качественные показатели свойства почвы, растительного мира, а также окружающей среды в целом.

Актуальность проведения данного исследования обусловлена рядом факторов, среди которых основное место занимает отсутствие унифицированной и системной концепции, направленной на обеспечение устойчивого использования объектов животного мира. Действующая система правового регулирования этой сферы характеризуется фрагментарностью и недостаточной эффективностью в вопросах сохранения биологического разнообразия диких животных, что подчеркивает необходимость ее дальнейшего совершенствования. Создание и внедрение концептуальной основы, включающей комплекс взаимосвязанных правовых механизмов, является важной научно-практической задачей, от решения которой зависит успешность мер по охране биоразнообразия. Вместе с тем декларативный характер ряда положений стратегических документов, регулирующих охоту и рыболовство, снижает их эффективность и затрудняет достижение поставленных целей. Кроме того, отсутствие четко сформулированных критериев для оценки результативности государственного управления в данной области усложняет анализ эффективности реализуемых мер и препятствует своевременному внесению необходимых изменений в применяемые инструменты регулирования.

Таким образом, данная работа нацелена на восполнение указанных пробелов и формирование научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования в сфере устойчивого использования объектов животного мира. Поэтому исследование положительного зарубежного опыта по реализации документов стратегического планирования, направленных на сохранение всего биоразнообразия животного мира, считаем целесообразным с целью восприятия отдельных эффективных правовых мер в действующее российское законодательство о животном мире.

Государственная экологическая политика: теоретический анализ

Учитывая возрастающий интерес научного сообщества и общественности к вопросам глобальной экологической политики, степень эффективности реагирования на экологические вызовы в значительной мере определяется степенью готовности и потенциалом каждого отдельного государства к реализации необходимых мероприятий и разработке стратегий по их преодолению. Безусловно, любое международное экологическое соглашение должно быть поддержано государствами-участниками и

¹ Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений. 27 декабря 2016. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/53602> / (дата обращения: 23.09.2024).

реализовано в рамках национального законодательства в виде определения приоритетных направлений государственной экологической политики². Признавая ведущую роль каждого отдельного государства, важно, чтобы национальное законодательство закрепляло эффективные правовые меры государственного управления в сфере охраны окружающей среды, которые будут направлены на минимизацию негативных экологических последствий от экономической деятельности.

Экологическая политика характеризуется многообразием форм и направлений реализации. В частности, под глобальной экологической политикой понимается совокупность согласованных действий, осуществляемых на международном уровне различными межправительственными и неправительственными организациями, а также внедрение и выполнение норм, предусмотренных международными договорами, конвенциями и другими нормативно значимыми документами, направленными на решение экологических проблем планетарного масштаба (Belkharoev, 2022:115). Государственная экологическая политика представляет собой структурированный комплекс взаимосвязанных политико-административных, экономических, социальных и правовых инструментов, реализуемых специализированными органами государственной власти в пределах их компетенции с целью обеспечения экологической безопасности, устойчивого развития и сохранения природных ресурсов. Цель данной политики – обеспечение надлежащего экологического управления на территории государства, направленного на упорядочивание экологических отношений, а также на предупреждение, минимизацию и ликвидацию негативных последствий антропогенного воздействия на окружающую среду³.

В период интенсивного развития промышленности и расширения производственных связей, к сожалению, наблюдается негативное воздействие на окружающую среду. Это проявляется в значительных изменениях в функционировании экосистем и резком сокращении популяций некоторых видов диких животных. Для смягчения последствий этой негативной тенденции критически важно разработать и внедрить на всех уровнях – национальном, региональном и местном – приоритетные направления экологической политики. В настоящее время многие государства уже приняли соответствующие документы стратегического планирования, включающие комплекс правовых мер, направленных на решение глобальных экологических проблем⁴. Государственная политика в сфере охраны окружающей среды выступает в качестве императивного фактора обеспечения экологической безопасности на территории государства. Степень эффективности данной политики находится в прямой зависимости от всесторонней и детальной проработки ее основополагающих элементов. К таковым относятся: четко сформулированные цели и задачи, составляющие основу государственной экологической политики и определяющие ее приоритеты; детально проработанные концептуальные подходы и идеи, лежащие в основе политики и определяющие ее философию; всесторонне разработанная стратегия и тактика реализации экологической политики, включающая долгосрочные планы и кон-

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II), Ст. 5351.

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 // СЗ РФ. 2024. № 20, Ст. 2584.

⁴ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // СЗ РФ. 2020. N 4. Ст. 345.

кретные механизмы достижения поставленных целей; всеобъемлющая и непротиворечивая правовая база, регулирующая все аспекты реализации экологической политики и обеспечивающая ее легитимность; эффективно функционирующие организационные и институциональные структуры, ответственные за претворение в жизнь положений экологической политики и координирующие деятельность всех заинтересованных сторон. Таким образом, достижение высокого уровня эффективности государственной экологической политики требует не только ее декларирования, но и тщательной детализации всех ее составляющих элементов (Abanina, 2022:42).

Конвенция о биологическом разнообразии обязывает стороны разрабатывать национальные стратегии, планы и программы устойчивого использования биоразнообразия. Таким образом, государства-участники данной Конвенции реализуют положения глобальной экологической политики в свои национальные документы стратегического планирования с целью сохранения всего биоразнообразия животного мира. Нормы международной Конвенции о биологическом разнообразии указывают на необходимость решения проблем устойчивого использования и сохранения биоразнообразия наряду с другими задачами, стоящими перед мировым сообществом. Одновременно документы стратегического планирования направлены на минимизацию последствий негативного антропогенного воздействия на окружающую среду (Shakirova & Kipngeno, 2020:201). Эффективность государственного управления в области охраны и использования диких животных осуществляется через призму мер правового характера, в том числе правового регулирования условий пользования дикими животными. К числу таких правовых мер относятся определение способов, сроков добычи объектов животного мира, организация особо охраняемых природных территорий, проведение экологической экспертизы, ведение Красной книги РФ, осуществление информационной функции государственного управления. Указанные правовые меры в их текущей форме не обеспечивают достаточного сокращения темпов негативного воздействия на популяции диких животных и их естественные экосистемы. Для достижения положительных изменений требуется внедрение комплексного подхода, который будет основываться на принципах устойчивого управления природными ресурсами и эффективного государственного регулирования.

Базовые принципы экологической политики Российской Федерации имеют конституционное обоснование, находя свое отражение в нормах природоохранного законодательства и стратегических документах планирования. В частности, Экологическая доктрина Российской Федерации предусматривает в качестве ключевых направлений и целей экологической политики страны сохранение целостности экологических систем и обеспечение экологической, а также продовольственной безопасности (Smagina, 2020:19). Достижение этих целей признается необходимым условием для сохранения природного наследия как для современного, так и для будущих поколений.

Вместе с тем недостаточно лишь формального нормативного закрепления данных целей и приоритетов. Наиболее актуальной задачей является разработка и внедрение действенного механизма их практической реализации. В контексте доктрины устойчивого развития высказывается позиция, согласно которой приоритетным вектором экономико-правового регулирования в Российской Федерации должно стать становление экологизированной экономики (Bobylev, 2016:43). Данный императив предполагает имплементацию основополагающих принципов устойчивого развития,

а также трансформацию модели эксплуатации природных ресурсов от рационального к устойчивому природопользованию. В этой связи механизм реализации экологической политики государства должен базироваться на комплексном и системном подходе, направленном на достижение баланса интересов в сфере экологии, социальной сферы и экономики. Данный подход предполагает согласование интересов общества, государства и субъектов предпринимательской деятельности.

В контексте устойчивого развития экологическая политика представляет собой инструмент гармонизации взаимодействия общества и природы, обеспечивающий: предотвращение загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов; сохранение биологического разнообразия; обеспечение экологической безопасности. Реализация экологической политики возлагается на государство и осуществляется посредством разработки и имплементации нормативно-правовых актов, экономических механизмов и информационно-просветительской деятельности (Sembaev, 2018:225).

Необходимо подчеркнуть дискуссионность дефиниции «государственная экологическая политика». Доктринальный анализ научных воззрений не позволяет констатировать наличие единого подхода к определению сущностных характеристик данного правового феномена. В юридической литературе представлены различные трактовки понятия «экологическая политика». Так, выделяют следующие подходы к его интерпретации: деятельность органов государственной власти, направленная на обеспечение надлежащего функционирования экологических систем (Atamanchuk, 2005:482); система мероприятий, реализуемых органами государственной власти в рамках их компетенции в различных сферах общественных отношений (Gizatullin, 2015:60); комплекс документов стратегического планирования, регламентирующих вопросы взаимодействия общества и природы (Klyukanova, 2013:10); стратегия государства в сфере охраны окружающей среды и обеспечения права человека на благоприятную окружающую среду (Feraru, Rastvortsev & Blagadyreva, 2011:27); деятельность по обеспечению экологической безопасности (Rusin, 2017:10). Таким образом, анализ доктринальных дефиниций свидетельствует о том, что правовая категория «экологическая политика» включает в себя ряд взаимосвязанных элементов, таких как деятельность, комплекс мер, решения, средства и методы, направленные на достижение общественно значимого результата в сфере охраны окружающей среды.

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что государственная экологическая политика представляет собой комплексный, многоаспектный правовой институт, охватывающий следующие ключевые направления деятельности органов государственной власти. Прежде всего, это разработка и реализация долгосрочных стратегий и программ, направленных на охрану окружающей среды, восстановление экосистем и предотвращение экологических катастроф. Важнейшую роль играет нормативно-правовое регулирование, обеспечивающее создание устойчивой законодательной базы, устанавливающей экологические стандарты, нормы в области природопользования и охраны окружающей среды, а также меры ответственности за их нарушение. Кроме того, одним из важных направлений государственной экологической политики является стимулирование экологически безопасных технологий и «зеленой» экономики. Государственная экологическая политика охватывает международное сотрудничество в области охраны окружающей среды. Сотрудничество с международными организациями, участие в экологических конвенциях, разработка

и выполнение обязательств по международным соглашениям – все это позволяет гармонизировать действия на глобальном уровне в борьбе с изменением климата, загрязнением окружающей среды и другими вызовами. Таким образом, государственная экологическая политика представляет собой системный механизм, направленный на многоуровневое и комплексное решение экологических проблем через законодательные, экономические, научные, контрольные и образовательные меры.

Документы стратегического планирования в области рыболовства и охоты: проблемы реализации

Государственное регулирование в области сохранения и устойчивого использования водных биологических ресурсов представляет собой ключевую составляющую государственной экологической политики. С учетом стратегической важности рыбохозяйственного комплекса для экономики Российской Федерации управление данной сферой приобретает особое значение.

Перспективное развитие рыбохозяйственной отрасли рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений социально-экономического развития страны, обладающего стратегической значимостью для обеспечения национальной продовольственной безопасности и устойчивого использования природных ресурсов. В целях обеспечения устойчивого развития отрасли до 2030 года разработана Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации⁵, основанная на комплексном подходе к решению ключевых задач государственного регулирования в сфере рыболовства и сохранения водных биоресурсов. Стратегия предусматривает реализацию комплекса мер, направленных на обеспечение рационального использования водных биоресурсов с учетом принципов экономической целесообразности и допустимой промысловой нагрузки. Реализация поставленных задач предусматривается посредством применения следующих научно обоснованных механизмов: внедрение и развитие инвестиционных проектов, направленных на модернизацию и создание новых объектов портовой инфраструктуры, производственных мощностей в сфере переработки, логистических центров и других элементов, обеспечивающих устойчивое и эффективное функционирование рыбохозяйственного комплекса. Кроме того, предполагается проведение комплекса экологических мероприятий, ориентированных на улучшение состояния водных экосистем и восстановление водных биологических ресурсов, включая расчистку водоемов, проведение мероприятий по зарыблению, а также реализацию мер по предотвращению и пресечению незаконной добычи водных биоресурсов (Bogolyubov, 2016:25). Реализация указанных мер будет способствовать повышению эффективности функционирования рыбохозяйственного комплекса, обеспечению продовольственной безопасности страны, а также сохранению и приумножению национального богатства в виде водных биоресурсов⁶.

⁵ Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р (ред. от 07.02.2025) // СЗ РФ. 2022. № 38. Ст. 6481.

⁶ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 23.11.2023 N 3309-р // СЗ РФ. 2023. № 50. Ст. 9093.

Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса до 2030 г., определяя приоритетные направления развития отрасли, не содержит конкретных целевых индикаторов, направленных на обеспечение охраны окружающей среды и сохранение биологического разнообразия водных биологических ресурсов. Отсутствие в Стратегии количественных показателей снижения негативного воздействия рыбохозяйственной деятельности на водные объекты, целевых показателей восстановления популяций водных биоресурсов, находящихся в состоянии угнетения, а также показателей, отражающих уровень сохранения биоразнообразия водных экосистем, свидетельствует о неполном учете принципов устойчивого развития при формировании государственной политики в сфере рыбохозяйственного комплекса. Предлагаемая Стратегия регулирования использования водных биоресурсов, основанная преимущественно на критерии промышленной нагрузки, не отвечает в полной мере принципам устойчивого развития, предполагающим сбалансированный учет экологических, социальных и экономических факторов, что требует корректировки для обеспечения устойчивого развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации. В частности, необходимо: разработать и включить в Стратегию конкретные целевые показатели по охране и поддержанию экологических систем, а также по сохранению биоразнообразия водных биоресурсов; предусмотреть механизмы реализации принципов устойчивого развития в рамках Стратегии, в том числе через разработку соответствующих государственных программ и нормативных правовых актов. Внедрение указанных инициатив будет способствовать разработке и совершенствованию эффективной государственной политики в области управления рыбохозяйственным комплексом, ориентированной на устойчивое использование водных биологических ресурсов и сохранение экологического баланса, что обеспечит благоприятные условия для охраны природной среды в интересах как современного общества, так и будущих поколений.

Развитие рыбной отрасли представляет собой одно из приоритетных направлений государственной экономической политики. Государство осуществляет регулирование правоотношений в сфере рыболовства, руководствуясь принципами ускоренного развития отрасли, в том числе путем создания благоприятных условий для субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность в данной сфере. В частности, государственная политика направлена на: развитие и модернизацию объектов инфраструктуры, необходимых для осуществления деятельности в сфере рыболовства; предоставление мер государственной поддержки, направленных на стимулирование внедрения новых технологий в процессы рыболовства, рыбоводства, переработки и хранения рыбной продукции; создание условий для получения субъектами рыбохозяйственной деятельности доступных кредитных ресурсов на развитие бизнеса (Kovaleva, 2017:120). Изучение существующих нормативно-правовых документов, регулирующих процессы стратегического планирования в сфере рыбного хозяйства, позволяет выделить несколько серьезных проблем (Vyrkhanova, 2017:187). В частности, отсутствует официально утвержденный механизм оценки эффективности, что не позволяет объективно оценить результативность действующих государственных программ и мероприятий, связанных с рыболовством и рыбоводством. Также не проводится систематический мониторинг и анализ выполненных действий, что затрудняет своевременное выявление отклонений от установленных целевых показателей и их оперативное устранение (Vyrkhanova, 2016:25). Помимо этого наблю-

дается недостаточная проработка долгосрочных планов, направленных на сохранение и восстановление запасов водных биоресурсов, что может угрожать устойчивости развития отрасли в перспективе. Кроме того, отсутствие четких механизмов привлечения ответственных лиц к ответственности за несоответствие целевым показателям снижает общую эффективность государственной политики в данной области. В этой связи представляется необходимым совершенствование системы стратегического планирования в рыбной отрасли, в том числе путем: разработки и утверждения методики оценки эффективности нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере рыболовства; совершенствования системы мониторинга и оценки результативности реализуемых мероприятий в рыбной отрасли; приведение документов стратегического планирования в сфере рыболовства в соответствие с требованиями основополагающих документов программно-целевого планирования позволит обеспечить эффективное и устойчивое развитие отрасли, рациональное использование водных биоресурсов и сохранение биологического разнообразия водных объектов.

По-прежнему остается нерешенным вопрос о мониторинге исполнения всех обозначенных в документах мероприятий. По мнению ученых, такой мониторинг направлен на исследование выполнения всех этапов реализации мероприятий в рамках документа стратегического планирования, эффективности деятельности органов государственной власти, целевого использования денежных средств в рамках государственного финансирования. В ходе правотворческой деятельности должны учитываться отчетные данные, полученные в ходе правового мониторинга. Одновременно данные правового мониторинга необходимо учитывать при формировании государственной экологической политики (Russkova, 2021:69). Предложенная Стратегия в сфере водных биоресурсов, основанная преимущественно на критерии промышленной нагрузки, не в полной мере отвечает принципам устойчивого развития, требующим комплексного учета экологических, социальных и экономических факторов.

Нормативно-правовые акты, регламентирующие стратегическое планирование в сфере охотничьего хозяйства, устанавливают правовые основы для рационального использования и охраны охотничьих ресурсов, определяя приоритетные направления государственной политики в данной сфере (Andreev, 2013:25). Стратегия развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года⁷ устанавливает в качестве своих целей обеспечение стабильного функционирования экологических систем, гарантирование доступа граждан к охотничьим ресурсам и стимулирование динамичного развития сектора охотничьего хозяйства. Тем не менее, следует отметить, что принципы устойчивого использования и охраны объектов животного мира, являющихся объектами охоты, не включены в число приоритетных векторов государственной политики в сфере охотничьего хозяйства. Стратегия не рассматривает принципы устойчивого использования охотничьих ресурсов как фундаментальные направления государственной политики, что противоречит положениям Конвенции о биологическом разнообразии, ратифицированной Российской Федерацией. Конвенция обязывает государства применять принципы устойчивого использования ко

⁷ Об утверждении Стратегии развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 03 июля 2014 г. № 1216-р // СЗ РФ. 2014. № 28. Ст. 4107.

всему многообразию живых организмов. Игнорирование важности устойчивого использования объектов животного мира в Стратегии может привести к расхождению национального законодательства с международными обязательствами России и негативно отразиться на состоянии биологических ресурсов страны. Вместе с тем в настоящее время не разработан и не внедрен полноценный механизм практической реализации мер, направленных на устойчивое использование охотничьих ресурсов (Merebashvili, 2024:115). В связи с этим положения указанной Стратегии, касающиеся обеспечения устойчивого использования охотничьих ресурсов, имеют преимущественно декларативный характер без конкретных инструментов воплощения на практике. К примеру, к числу мер обеспечения доступности граждан к охоте Стратегия относит совершенствование способов выдачи разрешений на изъятие ресурсов охоты между охотниками на установленных территориях; разработку механизма закрепления охотничьих угодий за общественными объединениями; реформирование нормативной основы, закрепляющей право граждан на охоту. В большинстве случаев предлагаемые меры характеризуются декларативным характером и практической неисполнимостью, что обусловлено отсутствием разработанного механизма их реализации. Безусловно, меры, направленные на обеспечение доступности охоты, обладают перспективностью и функциональной обоснованностью, однако их формального закрепления в Стратегии недостаточно. Ключевое значение приобретает определение конкретных форм, процедур и порядка их реализации. Согласно позициям ряда ученых, успешная реализация таких мер требует четкого определения процедурных аспектов. Автор справедливо отмечает, что в случаях отсутствия соответствующих критериев в нормативных правовых актах их практическая эффективность существенно снижается (Vurkhanova, 2016:24).

Концептуальные положения в области охотничьего хозяйства являются составной частью регионального законодательства. Так, положения Концепции развития охотничьего хозяйства на период 2030 г.⁸ года Республики Башкортостан устанавливают основные векторы развития для решения экономических, экологических и социальных вопросов регионального значения в сфере охоты. Таким образом, нормы региональной Концепции отражают показатели устойчивого использования ресурсов охоты, закрепляя и реализуя при этом баланс социальных, экономических и экологических интересов общества и государства.

Таким образом, в настоящее время отсутствие четко разработанного и внедренного механизма практической реализации мер, направленных на устойчивое использование ресурсов охоты и рыболовства, значительно затрудняет достижение целей документов стратегического планирования в рассматриваемых сферах. По-прежнему законодатель основывается на принципах рационального использования ресурсов рыболовства, что не соответствует нормам международного права. В сфере охоты, несмотря на то что в документах декларируется важность устойчивого использования и сохранения охотничьих ресурсов, конкретные механизмы обеспечения этих процессов либо отсутствуют, либо недостаточно проработаны для их успешной реализации на практике.

⁸ Концепция развития охотничьего хозяйства Республики Башкортостан на период до 2030 года: утв. постановлением Правительства Республики Башкортостан от 28 мая 2013 г. № 214 [Электронный ресурс]. // Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. Режим доступа: <http://www.npa.bashkortostan.ru>. 29.05.2013 (дата обращения: 23.09.2024).

Эффективность государственных программ по сохранению животного мира в зарубежных странах

В некоторых зарубежных странах, помимо существующих основных законов о животном мире, активно создавались стратегические документы, посвященные вопросам сохранения и использования диких животных. На территории Соединенных Штатов Америки активное развитие получила идея устойчивого использования ресурсов природы посредством их «консервации» (Sifuna, 2021:925). Основными субъектами исполнения данных проектов являлись должностные лица государственных органов и местное население.

В трудах ученых нередко подчеркивается результативность отдельных программ, в рамках которых осуществляется имплементация принципов государственного управления и достигается баланс интересов физических и юридических лиц, а также органов публичной власти. В качестве примера можно привести программу, реализованную на территории Северо-Западной Намибии (Decker et al., 2019:514), результатом которой стало повышение уровня доходов местного населения посредством развития экологического туризма. Указанная программа характеризовалась минимальным уровнем требуемых материальных вложений со стороны местного населения, при этом обеспечив генерацию дохода для данной категории лиц (Krieps, 1996:465). Необходимо подчеркнуть, что вовлечение населения в реализацию программ, направленных на устойчивое использование объектов животного мира, выступает одним из фундаментальных социальных критериев Концепции устойчивого развития.

Другая программа, реализованная в Австралии была направлена на сохранение численности крокодилов (Decker et al., 2015:291). Результатом данного проекта стало обеспечение местного населения рабочими местами, увеличение численности крокодилов, повышение дохода от экспорта шкур крокодилов.

Следует отметить положительный опыт реализации Программы по устойчивому использованию природных ресурсов в Центральной Азии (Fainisi, 2013:147). Положения данной программы направлены на признание сохранения диких животных посредством привлечения местного населения к процессу управления. И эта практика принесла существенные результаты по восстановлению численности популяций отдельных видов диких животных. Так, на территории Республики Таджикистан активно привлекалось местное население для решения вопросов государственного управления по сохранению объектов животного мира. В итоге, по истечении пяти лет осуществления природоохранной деятельности, восстановилась численность отдельных популяций диких животных. При этом местное население получило экологические и экономические выгоды. В Кыргызстане были организованы две пилотные общинные организации, которые получили знания по принципам управления, осуществлению мониторинга и охране диких животных. В целях реализации Программы по устойчивому использованию природных ресурсов пользователям были предоставлены права на управление объектами охоты и ведения хозяйства на территории охотничьих угодий.

Исследование зарубежной практики имплементации стратегий сохранения и рациональной эксплуатации животного мира демонстрирует потенциал для стимулирования социально-экономического развития сельских территорий и повышения качества жизни населения, способствуя достижению баланса экономических, экологических и социальных интересов государства и общества (Giacomelli, 2019:211). Это

подтверждается заявлениями участников 2-го Международного конгресса МСОП, которые считают устойчивое использование объектов животного мира примером эффективного и законного природопользования. В данном контексте представляется целесообразным предоставить местному населению, принимающему участие в реализации соответствующих программ, возможность получения экономической выгоды от природоохранной деятельности при условии неукоснительного соблюдения ими обязательств по сохранению объектов животного мира. В рассматриваемых Программах и проектах можно наблюдать тот факт, что вовлечение местного населения в их реализации приводит к положительным результатам. Однако следует отметить противоположенные случаи, когда подобная практика активного участия общественности приводила к отрицательным «провальным» результатам (Ponomarev, 2017:147).

Анализ опыта зарубежных стран в сфере реализации стратегий сохранения объектов животного мира свидетельствует о его эффективности и потенциальной применимости отдельных правовых механизмов в российском правовом поле с целью совершенствования действующего законодательства о животном мире. В частности, представляют интерес следующие правовые конструкции, используемые в зарубежном законодательстве.

1. Принцип активного вовлечения местного населения в процессы управления ресурсами животного мира. Данный принцип предполагает создание механизмов участия граждан и общественных организаций в разработке и реализации мер по охране и использованию объектов животного мира, что способствует повышению эффективности природоохранных мероприятий.

2. Опыт воплощения в жизнь многосторонних программ и стратегий, ориентированных на активизацию экономического и социального прогресса регионов, неразрывно связан с необходимостью сохранения биологического разнообразия. Такая взаимосвязь позволяет гармонично совместить потребности в охране окружающей среды с задачами социально-экономического роста, создавая тем самым условия для рационального и долгосрочного использования природных богатств.

3. Развитие экологического туризма представляет собой значимый инструмент в снижении уровня браконьерства и формировании экологически ответственного отношения к объектам фауны. Экотуризм предоставляет возможность создания альтернативных источников дохода для местного населения, что, в свою очередь, снижает экономическую привлекательность нелегального использования природных ресурсов.

Комплексный сравнительно-правовой анализ положений зарубежного и российского законодательства, регулирующего охрану животного мира, открывает значительные перспективы для разработки и совершенствования инновационных подходов к обеспечению сохранения биологического разнообразия и устойчивого управления природными ресурсами.

Заключение

В итоге следует сделать следующие теоретические выводы.

1. В рамках анализа стратегического планирования в сфере рыбного хозяйства выявлены существенные препятствия, ограничивающие его интенсивное развитие. К числу основных проблем относятся высокие административные барьеры и значи-

тельные инфраструктурные ограничения, которые создают неблагоприятные условия для эффективного ведения деятельности. Данные факторы обуславливают низкую результативность государственного администрирования в данной области. В документах стратегического планирования отсутствуют четко сформулированные показатели и критерии, используемые для оценки и направления развития отрасли.

2. Исследование документов стратегического планирования, направленных на сохранение и устойчивое использование ресурсов охоты, позволяет провести оценку эффективности реализации планировочной функции. Одновременно отмечается недостаток показателей, отражающих экономические и социальные аспекты деятельности региональных органов государственной власти.

3. Предлагаются следующие доктринальные показатели, характеризующие эффективность государственного управления в области регулирования фаунистических правоотношений: 1) обеспечение сохранения и поддержания видового и генетического разнообразия животного мира; 2) поддержание функционирования и стабильности экологических систем; 3) сохранение способности животного мира к воспроизводству и устойчивому развитию; 4) обеспечение и расширение долгосрочных социально-экономических преимуществ, направленных на удовлетворение потребностей общества.

4. Анализ положений стратегических документов планирования показывает, что в Российской Федерации пока не сформирован целостный подход к реализации правовых мер, направленных на сохранение всех видов диких животных. Опираясь на положительный опыт зарубежных стран в области разработки и применения стратегических документов, связанных с охраной и устойчивым использованием животного мира, необходимо сформулировать подход, который учитывал бы эти примеры и соответствовал бы международным обязательствам, предусмотренным Конвенцией о биологическом разнообразии.

5. Представляется необходимым совершенствование системы стратегического планирования в рыбной отрасли, в том числе путем: разработки и утверждения методики оценки эффективности нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере рыболовства; совершенствования системы мониторинга и оценки результативности реализуемых мероприятий в рыбной отрасли.

6. Изучение документов стратегического планирования в области использования животного мира показывает, что отсутствует единый документ, определяющий направления государственной политики по сохранению всех компонентов животного мира. На данный момент не применяется комплексный подход к решению этой задачи. В связи с этим возникает необходимость разработки и утверждения основных положений Концепции устойчивого использования животного мира.

References / Список литературы

- Abanina, E.N. & Sukhova, E.A. (2022) *Legal support of environmental security of the Russian Federation: State and prospects of development*. Moscow, Justitsinform Publ. (in Russian).
 Абапина Е.Н., Сухова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития: монография. М. : Юстицинформ, 2022. 222 с.
- Agapov, A.B. (2019) *Administrative Law: Textbook for Bachelor's and Master's Degrees: Textbook for students of higher educational institutions*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Yurait Publ. (in Russian).

- Агапов А.Б. Административное право : учебник для студентов вузов : в 2 томах. Т. 1. Общая часть. М. : Юрайт, 2019. 470 с.
- Andreev, M.N., Kraev, N.V. & Kraeva, V.N. State policy in the sphere of hunting and hunting economy: History and modernity. Kirov, GNU VNIIOZ named after Prof. B.M. Zhitkov Rosselkhozakademy Publ. (in Russian).
- Андреев М.Н., Краев Н.В., Краева В.Н. Государственная политика в сфере охоты и охотничьего хозяйства: история и современность. Киров : ГНУ ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова Россельхозакадемии, 2013. 152 с.
- Atamanchuk, G.V. (2005) *Theory of public administration*. Moscow, OMEGA-L Publ. (in Russian).
- Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : курс лекций. М. : ОМЕГА-Л, 2005. 579 с.
- Belkharoev, H.U. (2020) State and problems of food security of Russia (historical and legal aspect). *Economy and law*. (2), 111–118. (in Russian). <https://www.doi.org/10.18572/0134-2398-2022-2-111-118> EDN: TLXFYS.
- Белхароев Х.У. Состояние и проблемы обеспечения продовольственной безопасности России (историко-правовой аспект) // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 111–118. <https://www.doi.org/10.18572/0134-2398-2022-2-111-118> EDN: TLXFYS.
- Bobylev, S.N., Solovieva, S.V. & Khovavko, I.Yu. (2016) State environmental policy: Identifying new economic and legal priorities. *Environmental Law*. (4), 43–49. (in Russian).
- Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Ховавко И.Ю. Государственная экологическая политика: идентифицируя новые экономические и правовые приоритеты // Экологическое право. 2016. № 4. С. 43–49.
- Bogolyubov, S.A. (2016) Correlation of environmental policies of Russia and other states. *Environmental Law*. (4), 23–32. (in Russian). EDN: WDKVZX.
- Боголюбов С.А. Соотношение экологических политик России и других государств // Экологическое право. 2016. № 4. С. 23–32. EDN: WDKVZX.
- Bogolyubov, S.A. (2018) The potential of environmental norms of the Constitution of Russia. *Journal of Russian Law*. (5 (257)), 16–25. (in Russian). https://www.doi.org/10.12737/art_2018_5_2 EDN: XNAEPR.
- Боголюбов С. А. Потенциал экологических норм Конституции России // Журнал российского права. 2018. № 5 (257). С. 16–25. https://www.doi.org/10.12737/art_2018_5_2 EDN: XNAEPR.
- Broslavsky, L.I. (2021) Favorable environment as a legal category. *Environmental Law*. (2), 11–17. (in Russian) <https://www.doi.org/10.18572/1812-3775-2021-2-11-17> EDN: IMKKHN.
- Брославский Л.И. Благоприятная окружающая среда как правовая категория // Экологическое право. 2021. № 2. С. 11–17. <https://www.doi.org/10.18572/1812-3775-2021-2-11-17> EDN: IMKKHN.
- Decker, D., Smith, C., Forstchen, A., Hare, D., Pomeranz, E., Doyle-Capitman, C., et al. (2015). Governance principles for wildlife conservation in the 21st century. *Conservation Letters*. 9 (4), 290–295. <https://www.doi.org/10.1111/conl.12211>
- Decker, D. J., Forstchen, A., Siemer, W., Smith, C., Frohlich, R. K., Schiavone, M., et al. (2019). Moving the paradigm from stakeholders to beneficiaries in wildlife management. *Journal of Wildlife Management*. 83 (3), 513–518. <https://www.doi.org/10.1002/jwmg.21625>
- Fainisi, F. (2013) Protection of wild fauna by national regulations for hunting activities. *WSEAS Transactions on Environment and Development*. 9 (2), 2, 147–160.
- Feraru, G.S., Rastvortsev A.F. & Blagadyreva, A.M. (2011) Methodological approaches to the formation and implementation of regional environmental policy. *Issues of State and Municipal Administration*. (1), 27–36 (in Russian). EDN: NEQJKR.
- Ферару Г.С., Растворцев А.Ф., Благодырцева А.М. Методические подходы к формированию и реализации региональной экологической политики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 1. С. 27–36. EDN: NEQJKR.

- Gadzhiev, G.A. (2022) New constitutional values: The concept of sustainable economic growth from the point of view of legal capitalization. *Journal of Russian Law*. 2 (1), 16–28. (in Russian). <https://www.doi.org/10.12737/jrl.2022.002> EDN: QALXVB.
Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 16–28. <https://www.doi.org/10.12737/jrl.2022.002> EDN: QALXVB.
- Giacomelli, S., Hare, D., Blossey, B., & Gibbert, M. (2019) Public trust thinking and public ownership of wildlife in Italy and the United States. *Environ. Policy Governance*. 29 (3), 209–219. <https://www.doi.org/10.1002/eet.1848>
- Gizatullin, R.Kh. (2015) Ecological function of the state: theory and practice of realization. Diss ... cand. of Legal Scienses. Moscow, Institute of State and Law of the RAS. (in Russian).
Гизатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Институт государства и права РАН, 2015. 442 с.
- Klyukanova, L.G. (2013) Features of the formation of the state environmental policy of the Russian Federation. *Legal issues of construction*. (2), 9–12. (in Russian).
Клюканова Л.Г. Особенности формирования государственной экологической политики Российской Федерации // Правовые вопросы строительства. 2013. № 2. С. 9–12.
- Kovaleva, O.E. (2017) Mechanisms of state support for the fishing industry. *New Science: Theoretical and Practical View*. (2-1), 119–122. (in Russian). EDN: XUYIXB.
Ковалева О.Е. Механизмы государственной поддержки рыбохозяйственной отрасли // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2017. № 2–1. С. 119–122. EDN: XUYIXB.
- Krieps, C.L. (1996) Sustainable use of endangered species cites: is it a sustainable alternative? *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 17 (1), 461–504.
- Merebashvili, T.A. (2024) Efficiency of management of state-owned enterprises: Analysis of international experience. *Law*. (2), 97–108. (in Russian).
Меребашвили Т.А. Эффективность управления государственными предприятиями: анализ международного опыта // Закон. 2024. № 2. С. 97–108.
- Ponomarev, M.V. (2016) Man as a subject and object of environmental legal relations. *Journal of Russian Law*. (1), 147–153 (in Russian). <https://www.doi.org/10.12737/17240> EDN: VHEOVH.
Пономарев М.В. Человек как субъект и объект экологических правоотношений // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 147–153. <https://www.doi.org/10.12737/17240> EDN: VHEOVH.
- Sembaev, D.K. (2018) Assessment of the efficiency of the state bodies activities of the Republic of Kazakhstan: Features of the current model. *Bulletin of "Turan" University*. (4), 223–229.
- Shakirova, D.M. & Kipngeno, R. (2020) Coordination as a function of management. *Skif. Issues of Student Science*. (6 (46)), 200–203. (in Russian).
Шакирова Д.М., Кипнгено Р. Координация как функция управления // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 6 (46). С. 200–203.
- Sifuna, N. (2021). The Use of Law in Wildlife Management. *Beijing Law Review*. 12 (03), 924–947. <https://www.doi.org/10.4236/blr.2021.123048>
- Smagina, T.A. (2020) Effective public administration: Some aspects of the establishment of state executive government authorities in Russia. *Administrative Law and Process*. (10), 19–21. (in Russian). <https://www.doi.org/10.18572/2071-1166-2020-10-19-21> EDN: RGBBPH.
Смагина Т.А. Эффективное государственное управление: некоторые аспекты формирования органов государственной исполнительной власти в России // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 19–21. <https://www.doi.org/10.18572/2071-1166-2020-10-19-21> EDN: RGBBPH.
- Rusin, S.N. (2017) Ecological function of the state, environmental policy and environmental law. *Ecological Law*. (4), 10–18. (in Russian).

Русин С.Н. Экологическая функция государства, экологическая политика и экологическое право // Экологическое право. 2017. № 4. С. 10–18.

Russkova, M.A., Stepenko, V.E. (2021) State management in the sphere of fishing and conservation of aquatic biological resources. *Administrative Law and Process*. (12), 67–70. (in Russian). <https://www.doi.org/10.18572/2071-1166-2021-12-67-70> EDN: SLYYGD.

Русскова М.А., Степенко В.Е. Государственное управление в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов // Административное право и процесс. 2021. № 12. С. 67–70. <https://www.doi.org/10.18572/2071-1166-2021-12-67-70> EDN: SLYYGD.

Vypkhanova, G.V. & Zhavoronkova, N.G. (2016) State environmental policy and strategic planning documents. *Environmental law*. (3), 24–29. (in Russian).

Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Государственная экологическая политика и документы стратегического планирования // Экологическое право. 2016. № 3. С. 24–29.

Vypkhanova, G.V. & Zhavoronkova, N.G. (2017) Relevant issues of improving the state policy and legislation in the field of use and protection of aquatic biological resources. *Actual problems of Russian law*. (12 (85)), 187–193. (in Russian). <https://www.doi.org/10.17803/1994-1471.2017.85.12.187-193> EDN: YLYGHB.

Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Актуальные проблемы совершенствования государственной политики и законодательства в сфере использования и охраны водных биологических ресурсов // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 187–193. <https://www.doi.org/10.17803/1994-1471.2017.85.12.187-193> EDN: YLYGHB.

Сведения об авторе:

Иванова Светлана Витальевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбургский институт (филиал); 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50

ORCID: 0000-0002-9723-0990; SPIN-код: 5586-9807

e-mail: servis-05@list.ru

About the author:

Svetlana V. Ivanova – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg Institute (branch); 50 Komsomolskaya Str., Orenburg, 460000, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9723-0990; SPIN-code: 5586-9807

e-mail: servis-05@list.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1013-1030>

EDN: LQPVDR

Научная статья / Research Article

Автономия воли с эффектом против третьих лиц как средство гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности в международном частном праве

Е.А. Леонтьева , М.А. Олейников

Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация

 eleonteva@hse.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена отсутствием эффективного решения вопроса трансфера права собственности на движимые вещи в трансграничных сделках. Коллизионная привязка *lex rei sitae* не справляется с этой задачей в условиях мобильного конфликта. Использование автономии воли является решением, которое потенциально может быть инструментом преодоления рассматриваемой проблемы. Вместе с тем барьером к широкому признанию автономии воли в качестве такого инструмента являются опасения, состоящие в том, что стороны своим соглашением могут негативно воздействовать на права третьих лиц. Цель статьи – оценить потенциал применения автономии воли как средства гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности на движимые вещи, а также обосновать применения действия правопорядка, выбранного сторонами соглашения против третьих лиц. В ходе исследования использованы общенаучные методы, такие, как анализ, синтез, дедукция, индукция, диалектика, а также специальные юридические методы: догматический и компаративный. Вывод исследования состоит в том, что при использовании автономии воли как инструмента гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности на движимые вещи, права третьих лиц защищены должным образом. Третьи лица наделены специальными способами защиты своих прав. В рамках унификации, применительно к ограниченному кругу движимых вещей, вариантом обеспечения защиты прав третьих лиц является регистрационная система. Следовательно, как гармонизация, так и унификация являются эффективным инструментом регулирования трансфера права собственности на движимые вещи. В заключении статьи обозначается потенциальное направление дальнейшего исследования. Оно состоит в определении наиболее оптимального соотношения гармонизации и унификации при урегулировании трансфера права собственности на основе автономии воли, с учетом достоинств и недостатков каждого из решений.

© Леонтьева Е.А., Олейников М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: мобильный конфликт, права третьих лиц, переход права собственности, международные сделки купли-продажи, коллизионное регулирование, автономия воли сторон

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Леонтьева Е.А. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Олейников М.А. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 17 октября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Леонтьева Е.А., Олейников М.А. Автономия воли с эффектом против третьих лиц как средство гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности в международном частном праве // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 1013–1030. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1013-1030>

Party autonomy with effect against third parties as a means of harmonizing and unifying regulation of transfer of ownership in the private international law

Elena A. Leontieva^{ID}✉, Mikhail A. Oleynikov^{ID}

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ eleonteva@hse.ru

Abstract. The absence of an effective solution of ownership of movable property in cross-border transactions underscores the relevance of this article. The traditional *lex rei sitae* connecting factor fails to address issues in cases of mobile conflicts. Party autonomy presents a potential tool to overcome this challenge. However, the primary obstacle to its widespread acceptance is the possible adverse impact of parties' agreements on the rights of third parties. This article aims to assess the potential application of party autonomy as a means to harmonize and unify the regulation of the transfer of ownership of movables, and to justify the effect of the parties' chosen legal order on the third-party right. The research employs general scientific methods, including analysis, synthesis, deduction, induction, and dialectics, alongside specific legal methods such as dogmatic and comparative analysis. The study concludes that the party autonomy can serve as an effective instrument for harmonizing and unifying regulations governing the transfer of ownership of movables while adequately protecting third-party rights. Third parties are provided with special mechanisms to safeguard their interests. Within the framework of unification, for certain categories of movables, registration systems may offer a means to ensure protection of third-party rights. Consequently, both harmonization and unification prove to be effective regulatory tools for the transfer of ownership of movables. Finally, the article proposes directions for further research, focusing on determining the optimal balance between harmonization and unification in regulating the transfer of ownership through party autonomy, taking into account the advantages and disadvantages of each approach.

Key words: mobile conflict, third-party rights, transfer of ownership, international sales transactions, conflict of laws regulation, party autonomy

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: Leontieva E.A. – data collection and processing, data analysis, text writing; Oleynikov M.A. – data collection and processing, data analysis, text writing. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Received: 17th October 2024

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Leontieva, E.A., Oleynikov, M.A. (2025) Party autonomy with effect against third parties as a means of harmonizing and unifying regulation of transfer of ownership in the private international law. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 1013–1030. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1013-1030>

Введение

Право собственности является абсолютным вещным правом, которое позволяет лицу обладать полным господством над вещью, неся при этом соответствующие обязанности. В этой связи установление момента возникновения права собственности приобретает колоссальное значение. В национальных правовых моделях трансфера права собственности на движимое имущество, определяющие необходимый юридический состав для прекращения права собственности у одного лица и ее возникновения у другого, существенно различаются¹. Указанное обстоятельство не создает существенных сложностей при совершении торговых операций в рамках одной юрисдикции. В данном случае проблема необходимости выбора права не поднимается, так как трансфер права собственности регулируется по праву этой юрисдикции.

Однако в международных сделках, связанных с переходом права собственности на движимую вещь, выбор правового порядка, которым будет регулироваться соответствующий трансфер, приобретает принципиальное значение. Это связано с тем, что, с учетом различий в подходах юрисдикций к регулированию этого вопроса, собственниками в зависимости от выбранного правового порядка могут быть признаны разные лица.

В настоящий момент общепризнанной является коллизионная привязка *lex rei sitae* (Basedow, 2022:54), которая в качестве критерия для осуществления выбора права, регулирующего трансфер права собственности, выдвигает место нахождения вещи. Указанная коллизионная привязка широко используется и закреплена на нормативном уровне в правовых системах подавляющего числа государств. Вместе с тем *lex rei sitae* в ряде случаев не справляется с разрешением мобильного конфликта – ситуации, когда в силу перемещения вещи в пространстве на регулирование претендуют несколько правовых систем.

С. Симеонидес указывает, что при решении мобильного конфликта не следует отдавать строгий приоритет какому-либо из правовых систем. Наоборот, необходимо принимать во внимание интересы и ожидания сторон и не допускать ситуаций, когда простое перемещение движимой вещи приводит к изменению прав на нее (Symeonides, 2016:584). Одним из наиболее ярких примеров, когда *lex rei sitae* не способен разрешить мобильный конфликт, является перемещение вещи из юрисдикции, основанной на системе передачи, в юрисдикцию, признающую консенсуальную модель трансфера права собственности.

Несмотря на значительное число трансграничных сделок, связанных с переносом права собственности на движимые вещи, и, как следствие, наличие запроса участников международного торгового оборота на создание адекватного регулирования на международном уровне, попытки по унификации этого вопроса

¹ Подробнее о различиях в моделях трансфера права собственности см., напр.: (Van Vliet, 2011).

не увенчались успехом. В ряде международных документов вообще не предлагалось каких-либо новых решений, а лишь подтверждалось действие коллизионной привязки *lex rei sitae*². Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года³, являющаяся одним из знаковых документов по международной купле-продаже, вообще отказалась от попыток какого-либо регулирования трансфера права собственности.

Таким образом, проблема, связанная с низкой эффективностью применения коллизионной привязки *lex rei sitae* в условиях мобильного конфликта, до настоящего момента не разрешена. Более того, в исследовательской литературе указывают на необходимость обеспечения более гибкого регулирования трансфера права собственности (Ochoa Jiménez, 2019:148). В связи с этим, особенно в условиях усложнения коммерческих контрактов, необходимость поиска альтернатив коллизионной привязки *lex rei sitae* приобретает существенное значение. Внедрение и последовательная реализация автономии воли может являться одним из таких решений. Ее сущность состоит в признании права сторон международной сделки своим соглашением выбирать право, которое будет регулировать трансфер права собственности.

Положения, допускающие такой выбор сторон, содержатся в нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы международного частного права, ряда правопорядков. Дозволение автономии воли объединяет правопорядки, таких, на первый взгляд, разных государств, как Швейцарская Конфедерация, Китайская Народная Республика, Бахрейн и Корейская Народно-Демократическая Республика⁴. Положения Гражданского кодекса Российской Федерации также позволяют сторонам международной сделки распространить право, применимое к основной сделке, на трансфер права собственности⁵.

Одной из центральных проблем, с которой сталкивается автономия воли при ее использовании в трансграничных вещно-правовых отношениях, является вопрос действия права, выбранного сторонами, в отношении третьих лиц. Российское и швейцарское регулирование прямо оговаривают, что выбранное право не противопоставляется третьим лицам. В правопорядках, где на нормативном уровне отсутствуют положения о том, что автономия воли не действует в отношении третьих лиц, данное ограничение формулируется на доктринальном уровне. Например, китайские исследователи указывают на недопустимость распространения выбранного сторонами права на третьих лиц со ссылкой на решение швейцарского правопорядка (Qingkun, 2017:931–933).

Вместе с тем проблематика действия автономии воли против третьих лиц на доктринальном уровне исследована недостаточно. Представляется, что право,

² См., напр.: Конвенция о законе, применимом к передаче права собственности при международной купле-продаже товаров 1958 г. // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. 1. Нью-Йорк, 1971. С. 14–18.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров / United Nations Commission on International Trade Law // Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>, свободный (дата обращения: 09.06.2024).

⁴ С текстами иностранных нормативно-правовых актов в области международного частного права на русском языке можно ознакомиться в: (Plekhanov, 2021), а также на сайте функционирующей в НИУ ВШЭ Проектной группы «Современная конструкция международного частного права» по ссылке: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/>, доступ свободный.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

выбранное сторонами в качестве применимого к вопросам трансфера права собственности, может иметь эффект против третьих лиц. В этой связи целью настоящей статьи является оценка потенциала автономии воли с эффектом против третьих лиц как средства гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности.

Гармонизация регулирования трансфера права собственности

Гармонизация представляет собой процесс сближения национальных правопорядков в целях ликвидации различий правового регулирования отношений, либо, как минимум, снижения остроты противоречий между ними. В рамках рассматриваемой проблематики подходом, который можно выделить в качестве ориентира, является автономия воли сторон в отношении трансфера права собственности, действующая в том числе и против третьих лиц.

В контексте настоящей статьи вопрос гармонизации подходов различных правопорядков приобретает особое значение. В случае возникновения какого-либо спора относительно принадлежности движимой вещи требования в отношении нее заявляются, как правило, в суд того государства, где эта вещь находится. Соответствующий иск может быть заявлен также и в суд государства места нахождения ответчика, а судебное разбирательство между сторонами договора вообще может иметь место в юрисдикции, где предполагалось исполнение договора. Однако в этом случае потребуется признание вынесенного решения в юрисдикции, где оно будет исполняться, а именно: происходить изъятие спорной вещи. С учетом сроков проведения этой процедуры спорная вещь может быть перемещена в другую юрисдикцию.

Таким образом, обращение в суд того государства, где находится спорная вещь, является наиболее оптимальным решением. Этот суд будет применять положения национального международного частного права. В том случае, если правопорядок, где рассматривается спор, не позволяет сторонам отступать от действия коллизийной нормы и определять правопорядок, применимый к трансферу права собственности, то будет применяться коллизийная норма. Следовательно, заключение соглашений сторонами с применением автономии воли теряет какой-либо смысл.

Необходимо отметить, что существуют и иные решения. В качестве примера исследователи приводят германское право, которое принимает обратную отсылку, а его коллизийные нормы отсылают не к материальному праву, а к международному частному праву другого государства (von Hein, 2011:108–109). Следовательно, если правопорядок, к которому отсылает германская коллизийная норма, позволяет автономии воли, то этот подход будет воспринят судом в Германии. Однако подобные решения являются скорее исключением, чем распространенным подходом.

Центральный довод против допущения действия права, выбранного сторонами для регулирования трансфера права собственности, в отношении третьих лиц, сводится к тому, что в данном случае могут быть нарушены права этих лиц. Вместе с тем при отсутствии у автономии воли эффекта против третьих лиц происходит расщепление регулирования права собственности, которое выражается в следующем. В рамках отношений между сторонами международной сделки с учетом выбранного ими права, регулирующего трансфер права собственности, собственником движимой вещи будет являться одно лицо, а для третьих лиц – другое, исходя из регулирования переноса права собственности в соответствии с правом места нахождения вещи.

Такое расщепление следует оценить негативным образом. Это связано с тем, что право собственности, не противопоставляемое третьим лицам, а следовательно, лишенное свойства абсолютности, крайне затруднительно признать вещным правом⁶. При этом именно абсолютным характером права собственности и обусловлена основная цель покупателя в скорейшем ее приобретении, которая состоит в том, чтобы исключить ситуацию, когда, например, кредиторы продавца могут обратиться взыскание на продаваемую вещь. Особую актуальность указанный вопрос приобретает в случае, если покупная цена уже уплачена покупателем.

В иностранной доктрине подход к рассматриваемому вопросу более радикален и сводится к тому, что утверждать о существовании вещно-правовой автономии воли допустимо только в тех случаях, когда выбранное право противопоставимо третьим лицам (Van der Weide, 2011:55). С указанным подходом следует согласиться. В условиях, когда независимо от выбранного сторонами сделки права трансфер права собственности для третьих лиц, которые потенциально могут заявить какие-либо требования в отношении движимой вещи, определяется по коллизионной привязке *lex rei sitae*, указанный выбор вообще теряет какой-либо смысл.

В данном контексте возможность выбора сторонами соглашения права, регулирующего переход права собственности, но не противопоставляемого третьим лицам, является инструментом обеспечения баланса интересов сторон и их защиты от потенциальных злоупотреблений друг друга. Следует отметить, что подобные решения встречаются и в регулировании гражданско-правовых отношений в рамках национального правопорядка. В качестве примера можно привести положения пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015. В соответствии с ними «с момента возникновения соответствующего основания для государственной регистрации права стороны такой сделки... не вправе в отношениях между собой недобросовестно ссылаться на отсутствие в государственном реестре записи об этом праве»⁷, несмотря на то, что право собственности на недвижимое имущество переходит в силу государственной регистрации этого права. Вместе с тем утверждать о возникновении в данном случае права собственности не приходится.

Таким образом, подлинная автономия воли в вещном праве может существовать только в условиях, когда сделанный сторонами выбор связывает своим действием и третьих лиц. В этой связи вопрос того, в каких случаях такой эффект автономии воли может допускаться, является наиболее дискуссионным аспектом в современной доктрине международного частного права. В актуальных исследованиях по рассматриваемому вопросу указывается, что выбор, сделанный сторонами, не должен негативным образом сказываться на правах третьих лиц (Lyubarskaya, 2020). Представляется целесообразным более подробно изучить случаи, где потенциально может иметь место такой негативный эффект, и оценить допустимость эффекта выбранного права против третьих лиц.

⁶ Зыкин И.С. Право, подлежащее применению к возникновению и прекращению вещных прав (§4) // Комментарий к разделу IV «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ; отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. М.: Статут, 2021. С. 231–239.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» / Верховный суд Российской Федерации // Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8435/>, свободный (дата обращения 23.06.2024).

Ситуация, когда собственник вещи, имеющий просроченные обязательства перед кредиторами, стремится как можно быстрее продать вещь третьему лицу в целях недопущения обращения взыскания на вещь этими кредиторами, является наиболее типичной. В данном случае сторонами в качестве права, применимого к трансферу права собственности, может быть избран правопорядок, позволяющий покупателю быстрее приобрести право собственности. Такие действия сторон, безусловно, ведут к ухудшению положения кредиторов, так как их возможности по удовлетворению принадлежащих им требований снижаются.

Однако в этом случае правопорядок, выбранный сторонами в целях регулирования трансфера права собственности, в любом случае должен обладать эффектом против третьих лиц. Это связано с тем, что выбор собственником вещи правопорядка, в соответствии с которым будет происходить отчуждение вещи, охватывается принадлежащим ему правомочием на распоряжение вещью (Flessner, 2011: 21, 26). При трансфере права собственности в рамках отношений без иностранного элемента стороны также могут оказывать воздействие на момент этого трансфера, например, ставить переход права в зависимость от оплаты, что будет иметь эффект против третьих лиц. Однако в этом случае стороны не вправе выбирать иностранный правопорядок для регулирования трансфер права собственности в виду отсутствия иностранного элемента.

Таким образом, с учетом абсолютного характера права собственности, реализация правомочия на распоряжение вещью подобным образом связывает и третьих лиц, даже при том условии, что их положение ухудшается. На первый взгляд, такое решение ведет к тому, что третьи лица остаются без должной защиты в случае подобных злоупотреблений собственником вещи, являющегося их должником. Вместе с тем отсутствие способов защиты прав кредиторов, связанных с непосредственным воздействием на вещно-правовые отношения, не означает их отсутствие в принципе.

Представляется целесообразным провести параллели с решением указанного вопроса при совершении собственником вещи сделки в ущерб кредиторам в условиях отсутствия иностранного элемента. В этом случае кредитор имеет право признать такую сделку недействительной, в том числе и вне процедуры банкротства. Внеконкурсное оспаривание допускается, например, и по российскому праву, что находит свое подтверждение в актуальной судебной практике⁸. В международном контексте при совершении собственником вещи сделки в ущерб кредиторам, в том числе и путем выбора для регулирования трансфера права собственности определенного правопорядка, должен использоваться аналогичный подход. При этом признание сделки недействительной вне процедуры банкротства недостаточно явно демонстрирует механизм действия указанных коллизионных норм в международном ключе, так как указанный инструмент обширно не используется даже в национальных правопорядках.

Наиболее показательным является пример трансграничного банкротства. В иностранной исследовательской литературе прямо указывают, что вопросы, связанные с трансфером права собственности при банкротстве, регулируются специальными коллизионными нормами (Pogerson, 2013:393). В данном случае в соответствии с

⁸ См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от «24» мая 2021 г. по делу А44-7028/2019 / Электронное правосудие // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d7bc1920-3990-4445-b28f-c28872af39bc/c7cd418d-e12f-4a66-a728-d35c3c9d9a25/A44-7028-2019_20210524_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.06.2024).

коллизией привязкой *lex fori concursus* будет выбираться правопорядок, определяющий основания и порядок оспаривания сделки. Этот же правопорядок будет определять и последствия недействительности сделки, в том числе и порядок возврата вещи собственнику, совершившему ее отчуждение в ущерб кредиторам.

Таким образом, подобное решение в целях обеспечения баланса между защитой прав кредиторов и последовательным признанием действия автономии воли в отношении третьих лиц представляется более эффективным. В рассмотренной ситуации злоупотребление должника состоит не в самом выборе того или иного правопорядка, регулирующего трансфер права собственности, а в намерении причинить ущерб кредиторам.

Инструментом противодействия подобным злоупотреблениям является признание сделки недействительной, которое, как в рамках трансграничного банкротства, так и вне этой процедуры, будет осуществляться в соответствии с коллизийными нормами, применимыми для такого признания (Flessner, 2011:29). Наличие каких-либо пороков сделки, являющихся основанием для признания сделки недействительной, охватывает в том числе и волеизъявление сторон в отношении вещного статута. Следовательно, автономия воли в части выбора права, применимого к трансферу права собственности, не нарушает права третьих лиц, так как они обладают инструментарием защиты.

Еще одной ситуацией, требующей рассмотрения, является отчуждение вещи лицом, которое не является ее собственником. Такие обстоятельства могут возникнуть в том случае, если указанная вещь была украдена или иным образом выбыла из владения собственника помимо его воли. Как было показано выше, возможность выбора права, регулирующего трансфер права собственности, является следствием наличия у собственника правомочия по распоряжению принадлежащей ему вещью. В рассматриваемой ситуации лицо, которое отчуждает движимую вещь, ее собственником не является, а следовательно, такой возможностью не обладает.

Вместе с тем существует позиция, что право, применимое к трансферу права собственности, которое было выбрано сторонами при отчуждении вещи лицом, не являющимся ее собственником, может быть не только признано регулирующим отношения между этими сторонами, но и противопоставлено третьим лицам. Возможность сохранения установленного сторонами регулирования в рамках этого подхода детерминировано добросовестностью приобретателя движимой вещи, в том числе в части выбранного права по аналогии с приобретением права собственности по добросовестности в рамках национальных правопорядков (Lyubarskaya, 2020:141–142).

К подобному решению следует отнестись критически, так как приобретение по добросовестности является первоначальным способом приобретения права. В этом случае право собственности приобретается не по волеизъявлению сторон, а в силу указания закона при наличии определенного юридического состава. Следовательно, придавать какой-либо юридически значимый эффект соглашению сторон, направленному на регулирование трансфера права собственности, при его приобретении по добросовестности не представляется возможным.

Вместе с тем некоторые исследователи указывают, что право, выбранное приобретателем и лицом, осуществляющим отчуждение вещи, но при этом не являющимся ее собственником, в качестве регулирующего вопросы приобретения права собственности, может регулировать приобретение права собственности по добросовестности с эффектом против третьих лиц, в том числе и собственника вещи. Такое

решение обосновывается тем, что собственник вещи зачастую не знает места нахождения вещи, украденной или иным образом выбывшей из его владения помимо воли, а, следовательно, применение коллизионной привязки *lex rei sitae* может быть затруднительным (Flessner, 2011:30–33). В рамках данного подхода удобство определения правопорядка, регулирующего трансфер права собственности, берет верх над догматическими соображениями.

Однако в связи с тем, что такое решение совершенно не принимает во внимание правовую природу приобретения по добросовестности как первоначального способа приобретения права, представляется целесообразным поиск альтернативных вариантов. Одним из таких вариантов является определение правопорядка, регулирующего приобретение права собственности приобретателем от неправомочного продавца, по праву местонахождения вещи в тот момент, когда она выбыла из владения собственника, так как он, как правило, может определить местонахождения вещи в указанный момент.

Двойная продажа, а именно заключение собственником вещи в отношении нее двух договоров купли-продажи, также вызывает интерес в контексте рассмотрения эффекта вещно-правовой автономии воли против третьих лиц. В данном случае возникает конкуренция между приобретателями вещи. Целесообразно разграничить и рассмотреть отдельно двойную продажу, когда только заключены два договора купли-продажи и вещь находится у продавца, и, когда при наличии двух заключенных договоров вещь передается одному из покупателей.

В первом случае вне зависимости от выбранного в соглашении правопорядка, регулирующего трансфер права собственности, он не может быть осуществлен без передачи вещи. Это связано с тем, что как система передачи, так и консенсуальная система в ситуации двойной продажи требуют передачи владения для трансфера права собственности. В системе передачи подход, что при двойной продаже право собственности получает приобретатель, владеющий вещью, является устоявшимся и обусловлен тем, что именно передача является необходимым элементом для возникновения права собственности. По французскому праву, являющемуся образцом консенсуальной системы, в случае двойной продажи право собственности также переходит к лицу, получившему вещь во владение, что, по мнению В. Сэгерта, аналогично решению системы передачи (Siegert, 2011:303). Следовательно, ни одна из моделей трансфера права собственности не дает вещно-правового эффекта только соглашению в условиях двойной продажи. В связи с отсутствием вещного эффекта как такового рассуждать о действии вещного эффекта против третьих лиц не приходится.

Во втором случае при наличии двух заключенных договоров в отношении одной и той же вещи она передается продавцом в пользу одного из приобретателей. В данном случае фокус проблемы меняется и сводится не к конкуренции между приобретателями, а к целесообразности изъятия вещи из владения одного приобретателя в пользу другого. Представляется, что в контексте международных сделок приобретатель, получивший вещь во владение, должен иметь преимущество перед другим приобретателем вещи, что является общим подходом моделей трансфера права собственности.

Таким образом, какие-либо отличия в решении проблематики двойной продажи в разных моделях трансфера права собственности отсутствуют. Это означает, что независимо от правопорядка, выбранного для регулирования трансфера права

собственности, правовой результат для третьих лиц будет зависеть от того, в чье владение поступила вещь.

Рассмотренные ситуации позволяют прийти к выводу, что автономия воли в выборе права, регулирующего трансфер права собственности, по общему правилу обладает эффектом в отношении третьих лиц даже в том случае, если их положение несколько ухудшается. В случае существенных нарушений прав третьих лиц они обладают инструментарием защиты, который при этом не является вещно-правовым. В некоторых ситуациях вещно-правовая автономия вообще не может иметь места.

Вместе с тем международному сообществу не следует останавливаться на создании гармонизированного регулирования трансфера права собственности на основе допущения автономии воли в каждом из национальных правовых порядков. Такое решение все равно требует обращения к нормам конкретного государства, что в любом случае несколько усложняет взаимодействие между участниками международной сделки. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность создания унифицированного регулирования в целях преодоления проблематики, связанной с трансфером права собственности.

Унификация регулирования трансфера права собственности

Унификация представляет собой более узкое явление, чем гармонизация, и состоит в том числе в создании государствами международных договоров, которые обеспечивают единообразное регулирование тех или иных вопросов. Имеющиеся международные договоры не позволяют эффективно разрешать сложности, возникающие в ходе осуществления трансфера права собственности на движимые вещи в международных сделках. Они либо используют коллизионный метод, который не всегда способен разрешить мобильный конфликт, либо вовсе избегают регулирования рассматриваемого вопроса.

При этом необходимо подчеркнуть, что международно-правовое регулирование трансфера права собственности в настоящий момент характеризуется полным отсутствием актов материально-правовой унификации. В исследовательской литературе указывают, что различные модели трансфера права собственности обладают крайне существенными отличиями (Siegert, 2011:280). Именно этим зачастую и объясняется тот факт, что международному сообществу до настоящего момента не удалось создать ни одного акта материально-правовой унификации трансфера права собственности. С другой стороны, некоторые исследователи указывают, что различия в правовых порядках сильно преувеличены и во многом связаны с упрощенными представлениями юристов о функционировании правовых порядков (Sakko, 2008:183–184). В этой связи оценка потенциала создания унифицированного материально-правового регулирования вызывает особый интерес.

Аргумент о том, что материально-правовая унификация вопросов трансфера права собственности невозможна в силу наличия непреодолимых различий в моделях трансфера права собственности, можно поставить под сомнение, в том числе и через призму эмпирического опыта. Например, международному сообществу удалось достичь определенных значимых успехов в вопросе создания унифицированного регулирования обеспечительных сделок, несмотря на наличие существенных различий в подходах национальных правовых порядков.

Необходимо отметить, что проблематика вещных обеспечительных прав и трансфера права собственности в международно-правовом измерении в целом

сходна. Правопорядок, в соответствии с которым регулируются обеспечительные права, определяется путем использования коллизионной привязки *lex rei sitae*. Вместе с тем правовой режим обеспечительных прав в каждом правовом порядке обладает своими уникальными особенностями. Например, по германскому праву залог возможен только при передаче владения залогодержателю. В том случае, если стороны обеспечительной сделки хотят оставить движимую вещь, являющуюся предметом обеспечения, во владении должника, то они используют обеспечительную собственность⁹. В других правовых порядках, например, в России, владение предметом залога может оставаться у должника. Следовательно, возможность признания залога, установленного в России, при перемещении вещи в Германию вызывает целый комплекс вопросов.

В этих условиях обеспечение, установленное в одном правовом порядке, может быть не признано в другом в связи с тем, что новый правовой порядок просто не знает обеспечения такого вида (Lukas, 2006:95). В данной ситуации проявляется произвольный характер действия коллизионной привязки *lex rei sitae*. Ее использование приводит к тому, что при перемещении вещи в новую юрисдикцию обеспечительное право, принадлежащее кредитору, может быть вообще утрачено или, в случае его признания в новой юрисдикции, существенным образом изменено.

Исходя из изложенного выше, представляется необходимым проанализировать некоторые унифицирующие акты в области обеспечительных сделок, решения которых потенциально могут быть заимствованы в целях унификации трансфера права собственности в международных сделках. Одним из наиболее значимых унифицирующих актов в области обеспечительных прав является Кейптаунская конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г.¹⁰ Ее положения направлены на создание единого режима обеспечительных прав, в том числе и вещных. Правовой режим предоставляет настолько существенные экономические выгоды, что государства вынуждены отходить от ряда принципиальных национально-правовых решений в области обеспечительных прав (Lazareva, 2014:74–75). При этом следует признать, что данная конвенция регулирует обеспечение на весьма специфический и ограниченный перечень объектов. Вместе с тем данные объекты крайне мобильны и, именно применительно к ним, *lex rei sitae* зачастую не способен адекватно решить мобильный конфликт.

Одной из центральных целей принятия Кейптаунской конвенции являлось создание единообразного регулирования международных обеспечительных прав, которое исключало бы необходимость обращения к национальным правовым порядкам по аспектам, входящим в предмет ее регулирования¹¹. Конвенция содержит несколько решений, обладающих потенциалом для заимствования при исследовании потенциала создания унифицированного регулирования трансфера права собственности. Представляется целесообразным рассмотреть их более подробно.

Одним из таких решений являются положения пункта 1 статьи 5 Кейптаунской конвенции, которые указывают, что при ее толковании «должны приниматься во

⁹ Подробнее об обеспечительных правах по германскому праву см.: (Weber, 2006).

¹⁰ Полный текст на английском см.: Convention on International Interests in Mobile Equipment / UNIDROIT // Режим доступа: <https://www.unidroit.org/instruments/security-interests/cape-town-convention/> (дата обращения: 13.06.2024).

¹¹ Practitioners' Guide to the Cape Town Convention and The Aircraft Protocol / Aviation Working Group // Режим доступа: <https://awg.aero/wp-content/uploads/2020/10/Practitioners-Guide-to-the-Cape-Town-Convention-and-Aircraft-Protocol-October-2020.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).

внимание... ее международный характер и необходимость содействия ее единообразному и упорядоченному применению»¹². На основе данных положений делается вывод об автономном характере Кейптаунской конвенции. Например, Р. Гуд, являющийся одним из виднейших специалистов по Кейптаунской конвенции, указывает, что международная гарантия устанавливается на основании Конвенции даже в том случае, если применимое национальное законодательство не признает обеспечение такого рода (Goode, 2022:9). Такое решение исключает какое-либо воздействие национального правопорядка на обеспечение, установленное соглашением сторон на основании рассматриваемой конвенции и в соответствии с ее положениями.

Международный характер Кейптаунской конвенции проявляется и в использовании применимого национального права. Согласно пункту 2 статьи 5 конвенции аспекты, находящиеся в сфере действия конвенции, но не затронутые ею, регулируются «в соответствии с общими принципами, на которых основывается Конвенция, или, при отсутствии таких принципов, в соответствии с применимым правом»¹³. Национальное регулирование того или иного государства носит резервный характер (Kreuzer, 2013:158) и может быть использовано только в самом крайнем случае (Goode, 2019:196,208). Данное решение также направлено на снижение воздействия подходов национальных правопорядков на установленное обеспечение. В некоторых случаях Кейптаунская конвенция напрямую отсылает к применимому национальному правопорядку (Kreuzer, 2013:158). Однако указанные положения регулируют сопутствующие вопросы, например, действительность заключенного соглашения, а не проблематику обеспечения.

Следовательно, центральное место при установлении обеспечения по Кейптаунской конвенции занимают договоренности, достигнутые сторонами. Пределы усмотрения сторон крайне широки, так как обеспечение, установленное ими, должно соответствовать требованиям статей 2 и 7 Конвенции, которые не устанавливают каких-либо существенных ограничений по формам обеспечения. Более того, с учетом международного характера Кейптаунской конвенции стороны также не связаны национальными правопорядками, положения которых могут не допускать те или иные формы обеспечения. Таким образом, именно стороны выбирают конкретную форму обеспечения, которая будет существовать автономно на основании Конвенции, и определяют порядок ее функционирования.

Применительно к трансферу права собственности на движимые вещи может быть создан подобный правовой режим, носящий автономный от национального регулирования характер и предполагающий определение порядка трансфера права собственности соглашением сторон. Создание унифицированных норм, устанавливающих автономию воли в качестве основного регулятора трансфера права собственности, позволит обойти различия, связанные с подходами национальных правопорядков к регулированию этого вопроса. Это связано с тем, что стороны будут самостоятельно, основываясь на той или иной системе передачи права собственности, устанавливать порядок трансфера права собственности.

В случае создания подобного правового режима проблематика действия заключенного между сторонами соглашения, регулирующего трансфер права

¹² Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902243529> (дата обращения: 15.07.2024).

¹³ Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902243529> (дата обращения: 15.07.2024).

собственности, против третьих лиц не теряет своей актуальности и требует решения. Признание наличия у заключенного соглашения эффекта против третьих лиц, в связи с наличием у них инструментов для защиты своих прав, что было рассмотрено выше, является одним из вариантов решения указанной проблемы. Вместе с тем Кейптаунской конвенцией предлагается альтернативный подход к решению данного вопроса. Целесообразно рассмотреть ее положения, касающиеся возможности противопоставления обеспечительного права третьим лицам.

В исследовательской литературе указывают, что одним из принципиальных решений Кейптаунской конвенции является создание на международном уровне системы регистрации международных гарантий, которая позволяет в полной мере использовать способы защиты, предусмотренные Конвенцией (Lazareva, 2021:76). Общие условия осуществления международной регистрации гарантий регулируются положениями статей 17–26 Конвенции, а технические вопросы детализируются в ее протоколах.

Именно факт регистрации международной гарантии в силу положений статей 29–30 Конвенции придает ей эффект противопоставимости третьим лицам, в том числе и в рамках банкротства. С учетом положений пункта В части 3 статьи 31 Конвенции, согласно которым приобретатель объекта получает его «свободным от обременения гарантией, не зарегистрированной на данный момент указанным образом, даже если ему фактически было известно о наличии таковой»¹⁴, незарегистрированная гарантия не противопоставляется приобретателю в случае передачи ему объекта, независимо от его добросовестности. Условием для использования специальных способов защиты, предусмотренных конвенцией, является факт регистрации гарантии в международном регистре (Lazareva, 2014:74). Таким образом, проблематика действия гарантий в отношении третьих лиц существенным образом снижается.

К настоящему моменту на практике международная регистрационная система международных гарантий функционирует в отношении авиационного оборудования на основании Протокола по авиационному оборудованию, а также в отношении железнодорожного подвижного состава на основании Люксембургского железнодорожного Протокола, вступившего в силу 08.03.2024 г.¹⁵ Вступление в силу еще одного протокола к Кейптаунской Конвенции свидетельствует о том, что государства постепенно признают эффективность предлагаемых решений и расширяют степень участия в Конвенции. Вместе с тем, с учетом того, что регистрационная система в отношении железнодорожного подвижного состава начала свое функционирование совсем недавно, представляется целесообразным проанализировать регистрационную систему на примере Протокола по авиационному оборудованию.

В соответствии с пунктом 1 статьи XX Протокола по авиационному оборудованию, раскрывающим положения пункта 6 статьи 19 Кейптаунской Конвенции, авиационное оборудование, в отношении которого устанавливается та или иная гарантия, индивидуализируется по модели, наименованию изготовителя и его серийному

¹⁴ Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902243529> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁵ Полный текст на английском см.: Luxembourg protocol to the convention on international interests in mobile equipment on matters specific to railway rolling stock / UNIDROIT. Режим доступа: <https://www.unidroit.org/instruments/security-interests/rail-protocol/> (дата обращения: 22.07.2024).

номеру¹⁶. Ведение реестра международных гарантий осуществляется компанией Aviareto. Доступ к указанному реестру возможен через интернет-сайт компании при условии предварительной регистрации на нем¹⁷. Таким образом, положения Конвенции и рассматриваемого Протокола позволяют третьим лицам без приложения значительных усилий проверить факт установления конкретной гарантии в отношении конкретного объекта.

Представляется, что подобный режим может быть установлен и в отношении трансфера права собственности на определенный ряд движимых вещей. В этом случае сторонам, в целях придания соглашению действия против третьих лиц, потребуется указывать в соответствующем реестре объект, который является предметом договора купли-продажи, а также информацию о правопорядке, регулирующем трансфер права собственности. Внедрение и дальнейшее ведение электронной площадки, позволяющей получать необходимую информацию, как показывает опыт Кейптаунской конвенции, не является невозможным или затруднительным. До момента внесения информации в соответствующий реестр правопорядок, выбранный сторонами для регулирования трансфера права собственности, в отношении третьих лиц не действует.

Необходимо отметить, что Кейптаунская конвенция применяется, в том числе и к купле-продаже объектов, входящих в предмет ее регулирования. Согласно положениям статьи 41 она «применяется к продаже или условной продаже объекта, как это предусмотрено в Протоколе с любыми изменениями, которые могут быть в него внесены»¹⁸. Согласно положениям статей III и V Протокола по авиационному оборудованию к договорам купли-продажи применяются положения Протокола, в том числе касающиеся регистрации. Таким образом, в Кейптаунской конвенции уже сделана попытка реализации описанного регистрационного режима в отношении договоров купли-продажи.

Следует признать, что использование подобной регистрационной системы в части трансфера права собственности не является универсальным решением, так как подобный учет может осуществляться только в отношении индивидуально-определенных вещей, в то время как в частных трансграничных отношениях преобладает торговля крупными партиями товаров. Более того, следует принимать во внимание и экономическую эффективность ведения подобного учета. В этой связи такой учет целесообразно вести в отношении ограниченного числа движимых вещей с весьма высокой коммерческой стоимостью. Вместе с тем подобное решение, несмотря на указанные недостатки, наряду с рассмотренной в настоящей статье гармонизацией регулирования на основе автономии воли, позволяет урегулировать действие права, выбранного сторонами для регулирования трансфера права собственности, в отношении третьих лиц.

¹⁶ Протокол по авиационному оборудованию к Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902243511?marker=64U0IK> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁷ Международный реестр гарантий в отношении авиационного оборудования ведет компания Aviareto см. International registry of mobile assets / Aviareto. Режим доступа: <https://www.internationalregistry.aero/ir-web/> (дата обращения: 24.07.2024).

¹⁸ Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902243529> (дата обращения: 15.07.2024).

Заключение

В заключение необходимо отметить, что в условиях, когда правопорядки не могут достичь единообразия в регулировании проблематики определения момента трансфера права собственности, в силу чего коллизионная привязка *lex rei sitae* не обеспечивает предсказуемость гражданско-правового оборота, следует позитивно оценить автономию воли сторон в качестве инструмента решения указанной проблематики. Признание права сторон своим соглашением определять правопорядок, регулирующий трансфер права собственности, позволяет исключить необходимость обращения к *lex rei sitae*.

Гармонизация национальных правопорядков на базе автономии воли является одним из способов повышения эффективности регулирования трансфера права собственности на движимые вещи по трансграничным сделкам. При этом внедрение подобных положений в одной или нескольких юрисдикциях не будут иметь какого-либо существенного значения, так как споры в отношении движимых вещей, как правило, рассматриваются по месту нахождения вещи, а суд, рассматривающий дело, применяет нормы национального международного-частного права. При отсутствии дозволения сторонам своим соглашением определять момент трансфера права собственности, в нормах государства, где рассматривается дело, факт его заключения потеряет какой-либо смысл. Следовательно, автономия воли может быть эффективным инструментом только в случае ее имплементации в значительном числе правопорядков.

Эффект соглашения сторон, регулирующего момент трансфера права собственности на движимые вещи, в отношении третьих лиц является одной из наиболее острых проблем. Однако расщепление права собственности на существующее между сторонами и существующее в отношении третьих лиц не может являться оптимальным решением. Следовательно, автономия воли, безусловно, должна иметь эффект против третьих лиц.

Центральный аргумент противников такого решения состоит в том, что подобные действия сторон могут ущемлять интересы третьих лиц, следует оценить критически. Детальный анализ ситуаций, которые зачастую приводятся в качестве примера случаев, где могут быть нарушены права третьих лиц, позволяет прийти к выводу, что их права тем или иным образом защищены. Факт того, что в некоторых случаях третьим лицам необходимо использовать специализированные способы защиты, не свидетельствует о нарушении их прав.

В связи с этим юридической доктрине необходимо сосредоточиться на более глубоком осмыслении допустимости действия против третьих лиц соглашения сторон, регулирующего момент трансфера права собственности на движимые вещи. Это позволит имплементировать соответствующие положения в национальные законодательства различных государств либо наполнить уже существующие нормы, позволяющие автономии воли, смыслом, направленным на допущение ее действия против третьих лиц.

Унификация является еще одним способом преодоления проблематики трансфера права собственности на движимые вещи в международных сделках. Попытка унификации подхода к этому вопросу путем создания единого режима трансфера вещных прав на движимые вещи до настоящего момента не увенчалась успехом. В связи с этим именно автономия воли приобретает серьезный потенциал в качестве

инструмента унификации, так как требует от государств всего лишь признания права сторон заключать подобные соглашения.

В этих условиях необходимость создания единого режима трансфера вещных прав отпадает, так как стороны получают право своим соглашением выбирать конкретный правовой режим. Следовательно, международный документ должен признавать соглашение сторон основным регулятором отношений по трансферу права собственности и устанавливать общие рамки для таких соглашений, аналогично тому, как Кейптаунская конвенция делает это в отношении обеспечения.

Регистрационная система, предлагаемая Кейптаунской конвенцией, является эффективным способом обеспечения защиты интересов третьих лиц. Электронный реестр в сети Интернет, доступный любому лицу, следует признать крайне важным аспектом указанной Конвенции. Данное решение может быть заимствовано применительно к купле-продаже. Более того, в указанной Конвенции уже предпринята попытка распространить ее действие на сделки по купле-продаже некоторых видов оборудования. Вместе с тем сфера применения подобного решения ограничена только индивидуально-определенными вещами с высокой стоимостью.

Таким образом, урегулирование проблематики трансфера права собственности на основе автономии воли с эффектом против третьих лиц является реализуемым на практике. Оно может осуществляться как путем гармонизации, так и путем унификации. В настоящей статье было продемонстрировано, что каждый из этих путей обладает своими достоинствами и недостатками.

Гармонизация позволяет регулировать трансфер права собственности на широкий круг объектов, однако необходимы скоординированные усилия государств, как между собой, так с юридической доктриной, что зачастую может быть затруднительным. Унификация требует принятия международного документа, признающего автономию воли сторон в качестве средства регулирования трансфера права собственности, однако рассмотренные в статье решения не носят универсального характера. В связи с этим важнейшей задачей является поиск оптимального баланса между ними, а также выявление возможностей по использованию достоинств каждого из них, что может быть рассмотрено в рамках отдельной публикации.

References / Список литературы

- Basedow, J. (2022) *Party autonomy in the regulation of international relations*. Trans. Yumashev, Y.M. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений / пер. с англ. Ю.М. Юмашева. М. : Норма, 2022. 136 с.
- Flessner, A. (2011) Choice of Law in International Property Law – New Encouragement from Europe. In: Westrik, R. & van der Weide, J. (eds.) *Party Autonomy in International Property Law*. Munich, Sellier European law publishers, pp. 11–40.
- Goode, R. (2019) The Cape Town Convention and Its Protocols: Challenges in Defining the Convention's Sphere of Application In: Markalova, N.G. & Muranov, A.I. (eds.) *Arbitration and Regulation of International Trade : Russian, Foreign and Cross-Border Approaches. Liber Amicorum in Honor of the 70th Anniversary of A.S. Komarov*. Moscow, Statut Publ., pp. 187–212.
- Goode, R. (2022) Issues of Interpretation under the Cape Town Convention and its Protocols. *Cape Town Convention Journal*. 8 (1), 3–21.

- Kreuzer, K.F. (2013) Jurisdiction and choice of law under the Cape Town Convention and the Protocols thereto. *Cape Town Convention Journal*. 2 (1), 149–164. <https://doi.org/10.5235/204976113808311448>
- Lazareva, T.P. (2014) Legal regulation of banking obligations in the field of international trade In: Doronina, N.G. & Khlestova, I.O. (eds.) *The certain types of obligations in private international law*. 2nd ed. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17864#aPLmfFUWeiSC8pJ61> [Accessed 14th June 2024]. (in Russian).
Лазарева Т.П. Правовое регулирование банковских обязательств в сфере международного торгового оборота // Отдельные виды обязательств в международном частном праве : монография / отв. ред. Н.Г. Доронина, И.О. Хлестова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17864#aPLmfFUWeiSC8pJ61> (дата обращения: 14.06.2024).
- Lazareva, T.P. (2021) The current trends of legal regulation of security transactions in the acts of international unification. In: Doronina, N.G. & Marysheva, N.I. (eds.) *Codification of Private International Law and the Problems of International Unification: Proceedings of the International Research-to-Practice Conference in Memory of A.L. Makovskiy*. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., pp 70–79. (in Russian).
Лазарева Т.П. Современные тенденции правового регулирования сделок в международных унификационных актах // Кодификация международного частного права и проблемы международной унификации : сб. статей по материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти А.Л. Маковского / отв. ред. Н.Г. Доронина, Н.И. Марышева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. С. 70–79.
- Lukas, M. (2006) Effect of Security Rights vis-a-vis Third Person. In: Drobniq, U., Snijders, H.J., Zippio E.-J. (eds.) *Divergences of Property Law, an Obstacle to the Internal Market*. Munich, Sellier European Law Publishers., pp. 95–105.
- Lyubarskaya, T.S. (2020) *Party autonomy in determining the statute of real property in private international law*. Diss ... cand. Legal of Sciences. Moscow, MSU. (in Russian).
Любарская Т.С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГУ, 2020. 214 с.
- Ochoa Jiménez, M.J. (2019) Normas de derecho internacional privado en materia de bienes: la regla lex rei sitae en América Latina y Colombia. [Rules of private international law on property: the lex rei sitae rule in Latin America and Colombia]. *Revista de Derecho Privado*. 37, 121–151. (in Spanish). <https://doi.org/10.18601/01234366.n37.07>
- Plekhanov, V.V. (2021) *National Codifications*. Moscow, JSC “First model printing house”. (In Russian).
Плеханов В.В. Международное частное право : сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В.В. Плеханов. М. : 2021. 1112 с.
- Pogerson, P. (2013) *Collier's Conflicts of Laws*. 4th ed. New York, Cambridge University Press.
- Qingkun, X. (2017) The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go. *American Journal of Comparative Law*. 65, 919–961. <https://doi.org/10.1093/ajcl/avx044>
- Sakko, R. (2008) Transfer of ownership of movable property in the light of comparative law. In: Tuzov, D.O. (eds.) *Property Rights: System, Content, Acquisition: Collection of Scientific Papers in Honor of Professor B.L. Haskelberg*. Moscow, Statut Publ., pp. 163–185 (in Russian).
Сакко Р. Переход права собственности на движимое имущество в свете сравнительного права // Вещные права: система, содержание, приобретение : сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / под ред. Д.О. Тузова. М. : Статут, 2008. 464 с.

- Siebert, W. (2011) The consensual system and the transfer system in European private law – consensus on transfer. In: Dozhdev, D.V. (eds.) *Yearbook of Comparative Law*. Moscow, Statut Publ., pp. 280–308. (in Russian).
- Сэберт В. Консенсуальная система и система передачи в европейском частном праве – консенсус в отношении передачи // Ежегодник сравнительного права / отв. ред. Д.В. Дождев. М. : Статут, 2011. С. 280–308.
- Symeonides, S. (2016) *Choice of law*. [Electronic edition]. New York, Oxford University Press.
- Van der Weide, J. (2011) Party Autonomy in Dutch International Property Law. In: Westrik, R. & van der Weide, J. (eds.) *Party Autonomy in International Property Law*. Munich, Sellier European law publishers. pp. 41–58.
- Van Vliet, L.P.W. (2011) Comparative legal aspects of the transfer of rights to movable things: Classification of systems of transfer of rights. In: Dozhdev, D.V. (eds.) *Yearbook of Comparative Law*. Moscow, Statut Publ., pp. 228–246. (in Russian).
- Ван Влиет Л.П.У. Сравнительно-правовые аспекты перехода прав на движимые вещи: классификация систем перехода прав // Ежегодник сравнительного права / отв. ред. Д.В. Дождев. М.: Статут, 2011. С. 228–246.
- Von Hein, J. (2011) Party Autonomy in International Property Law: A German Perspective. In: Westrik, R. & van der Weide, J. (eds.) *Party Autonomy in International Property Law*. Munich, Sellier European law publishers., pp. 103–118.
- Weber, H. (2006) *Kreditsicherungsrecht. [Credit security law]*. Munich, Verlag C.H. Beck München Publ. (in German).

Сведения об авторах:

Леонтьева Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3

ORCID: 0000-0001-7671-1544

e-mail: eleonteva@hse.ru

Олейников Михаил Антонович – аспирант, департамент правового регулирования бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3

ORCID: 0009-0006-3635-7740; SPIN-код: 7931-4970

e-mail: maoleynokov@hse.ru

About the authors:

Elena A. Leontieva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7671-1544

e-mail: eleonteva@hse.ru

Mikhail A. Oleynikov – postgraduate student of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-3635-7740; SPIN-code: 7931-4970

e-mail: maoleynokov@hse.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1031-1034>

EDN: LUVQLY

Информационная статья / Information Article

XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» : обзор материалов и презентация журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки»

В.С. Никитина

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 nikitina-vs@rudn.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 27 сентября 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Никитина В.С. XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» : обзор материалов и презентация журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 1031–1034. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1031-1034>

The 27th International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum ‘Yurtekhnetika’ on ‘Symbols in Law (Doctrine, Practice, Technique)’ : Review of Materials and Presentation of the RUDN Journal of Law

Valentina S. Nikitina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 nikitina-vs@rudn.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 27th September 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Nikitina, V.S. (2025) The 27th International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum ‘Yurtekhnetika’ on ‘Symbols in Law (Doctrine, Practice, Technique)’ : Review of Materials and Presentation of the RUDN Journal of Law. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 1031–1034. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1031-1034>

24–27 сентября 2025 года в Нижегородской академии МВД России прошел очередной форум под эгидой Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)». Открыл форум В.М. Баранов, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника». Докладчик поприветствовал участников конференции, пожелал им успехов в деле анализа правовой символики, изложения собственного видения развития феномена. С приветственным словом выступили С.В. Кабышев, канд. юрид. наук, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию; Е.Б. Люлин, председатель Законодательного Собрания Нижегородской области; К.А. Плясов, д-р юрид. наук, начальник Нижегородской академии МВД России и др.

На пленарном заседании с докладами выступили А.С. Гамбарян, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского университета (тема доклада: «Законодательные закрытые перечни как символ правового запрета»); А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (тема доклада: «Церковная символика и правовые символы: единство, различие, взаимодействие»); И.В. Мальцев, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (тема доклада: «Символы в праве: междисциплинарные, общетеоретические и отраслевые аспекты»); С.В. Кодан, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Управления научных исследований УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН (тема доклада: «Символика как междисциплинарный объект изучения в социогуманитаристике и юриспруденции»); А.В. Петрянин, д-р юрид. наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (тема доклада: «Символика экстремистских организаций и их правовая оценка»); В.М. Баранов, д-р юрид. наук,

профессор, помощник начальника Нижегородской академии МВД, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (тема доклада: «Познавательная функция юридически значимых символов»).

РУДН представлял д-р юрид. наук, профессор *Н.А. Власенко* (тема доклада: «Скрытые символы в праве»). Он отметил, что символы – явление сложное, междисциплинарное; является предметом дискуссии в философии, лингвистике, психологии и других социальных науках, о чем свидетельствует огромное количество научной литературы. Многие исследователи считают, что дать универсальное определение символу невозможно. Для правоведения очень важен лингвистический аспект исследования символика. Некоторые лингвисты в связи с изучением символов оперируют понятиями «означающий» и «означаемый». Речь идет о том, кто привносит в мир символ, что в него вкладывается и что это порождает на практике, в жизни, тем более символ часто метафоричен. Очень важно и то, что символы кроме прямого смысла имеют и смыслы вторичные, косвенные, иносказательные. Здесь требуется учитывать, что символ – это мысль, идея, идеология, нередко политика и действие власти, государственных органов. Специалисты иногда называют скрытые качества символов «свернутыми» (Н.Д. Арутюнова). В связи со сказанным, выступающий поставил вопрос об антисимволах в праве, в правовой реальности, которые не являются ни правовой ценностью, ни социальной.

Так случилось в советской истории – в 30–40-е гг. и начале 50-х прошлого века. Речь идет о ст. 131 Конституции СССР, провозглашающей положение о врагах народа. Приведем эту статью полностью. Итак, ст. 131 Конституции СССР 1936 г. гласит: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Еще один исторический пример достаточно скрытого символа. Речь о символической метафоре «ядро политической системы». Речь идет о Конституции СССР 1977 года, статье 6. Приведем ее текст полностью: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно-обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Следует обратить внимание на эту, казалось бы, безобидную метафору – «ядро политической системы». На самом деле этот метафорический символ обеспечивал безраздельное господство в политической, экономической, социальной сферах КПСС. По существу, это был жизненный принцип руководства огромной страной.

Как видно, многие скрытые символы в текстах нормативных правовых актов, по существу, являются антисимволами или символами, не имеющими правовой и социальной ценностей.

В завершении пленарного заседания состоялась презентация журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки». Заместитель главного редактора, профессор *Н.А. Власенко* доложил о рубрике журнала, посвященной 80-летию победы над фашистской Германией и рассказал о публикациях, посвященных ученым-правоведам, сражавшимся на полях Великой Отечественной войны (А.Ф. Черданцев, Д.Д. Остапенко, В.Н. Нижечек, С.С. Алексеев):

– Сырых В.М. Черданцев А.Ф. – ведущий исследователь проблем применения логики в правовой науке и практике // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 1. С. 25–39. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-25-39>

– Марочкин С.Ю., Лазутин Л.А. Становление и развитие доктринальных основ послевоенного международного права: личность и разработки Д.Д. Остапенко // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 135–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-135-152>

– Власенко Н.А. Социальные и правовые регуляторы. Концептуальные разработки В.И. Нижечека // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 390–406. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-390-406>

– Кашанина Т.В. Правовое регулирование и правовое воздействие как твердая и мягкая силы: к 100-летию со дня рождения Сергея Сергеевича Алексеева // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 297–312. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-297-312>

Заместитель главного редактора журнала «Вестник РУДН. Серия: Юридические науки», профессор Н.А. Власенко обратился к участникам конференции с приглашением направлять свои научные статьи и материалы для публикации в журнале.

Сведения об авторе:

Никитина Валентина Сергеевна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории права и государства, младший научный сотрудник, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1782-2305, SPIN-код: 9277-8441

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

About the author:

Valentina S. Nikitina – Candidate of Legal Sciences, Assistant, Department of Theory of Law and State, Junior Researcher, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1782-2305, SPIN-code: 9277-8441

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru